

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Шуракова Наталья Николаевна

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

08.00.14 – Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель

Хейфец Борис Аронович,
доктор экономических наук, профессор

Москва – 2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические и методические аспекты изучения продовольственной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях.....	17
1.1 Методические подходы к исследованию продовольственной безопасности как одной из важнейших глобальных проблем современности.....	17
1.2 Роль внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности в условиях глобализации экономических отношений.....	35
1.3 Концептуальные подходы к обеспечению национальной и региональной продовольственной безопасности.....	60
Глава 2 Роль внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации.....	79
2.1 Россия в международной торговле агропродовольствием в условиях геополитической напряженности.....	79
2.2 Инвестиционное и производственное сотрудничество России с зарубежными странами в сфере агропромышленного комплекса.....	90
2.3 Импортзамещение в российском агропромышленном комплексе в условиях внешних вызовов: национальный и интеграционный аспекты.....	100
Глава 3 Совершенствование использования внешнеэкономических факторов для обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации.....	117
3.1 Развитие агропродовольственного экспорта в целях обеспечения национальной продовольственной безопасности.....	117
3.2 Формирование и возможные перспективы расширения экспортного потенциала российского агропромышленного комплекса.....	127

3.3 Направления развития евразийской интеграции в части обеспечения коллективной продовольственной безопасности в условиях меняющейся внешнеэкономической реальности.....	141
Заключение.....	154
Список литературы.....	159
Приложение А Концепции и определения продовольственной безопасности в отечественной и зарубежной литературе...	194
Приложение Б Мировая сельскохозяйственная статистика.....	195
Приложение В Мировое аграрное производство и экспорт.....	197
Приложение Г Специальные экономические меры для обеспечения безопасности Российской Федерации.....	199
Приложение Д Российский продовольственный импорт.....	202
Приложение Е Крупнейшие импортеры российского продовольствия по укрупненным группам в 2020 г.	205
Приложение Ж Производство основных видов импортозамещающей продукции в России.....	206
Приложение И SWOT-анализ импортозамещения в АПК России.....	207
Приложение К Некоторые агропроекты с участием зарубежных инвесторов на территории России.....	208
Приложение Л Предельно допустимый и фактический объем российского экспорта по товарным группам при текущем потреблении.....	210
Приложение М Понятийный аппарат, используемый при указании на экологически чистый продукт.....	214

Введение

Актуальность темы исследования. Вопрос обеспечения продовольственной безопасности, осложненный усилением геополитической напряженности и протекционизма, санкционными войнами, сегодня приобретает новую окраску, связанную с глобальным изменением климата, истощением природных ресурсов, сокращением земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, распространением пандемии COVID-19 и глобальным экономическим кризисом 2020 г. Все это затрудняет достижение цели в области устойчивого развития по ликвидации голода к 2030 г.

Вопреки тому, что обеспечение населения продовольствием является краеугольным камнем национальной экономической безопасности, с развитием процессов глобализации и интернационализации хозяйственной жизни национальные агропродовольственные системы стали взаимосвязаны и взаимозависимы. В современных условиях эффективное решение продовольственного вопроса невозможно без использования преимуществ межгосударственного сотрудничества: внешнеторгового, инвестиционного, производственного и научно-технического. В то же время влияние внешнеэкономических факторов носит противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют более полному удовлетворению потребностей страны в продукции агропромышленного комплекса (далее – АПК). С другой стороны, они могут ослаблять национальную продовольственную безопасность. Поэтому внешнеэкономические факторы требуют должного государственного внимания для обеспечения защиты национальных интересов.

Это особенно актуально для Российской Федерации, геополитическая напряженность вокруг которой накалена в течение последних 6 лет. Несмотря на охлаждение отношений с внешним миром и вынужденное проведение ускоренного импортозамещения, Российская Федерация превратилась в главного поставщика зерна на мировой рынок и увеличила

стоимостной показатель экспорта продовольствия более чем в 3 раза до 29,6 млрд долл. в кризисный 2020 г.

Мощное развитие агропродовольственного сектора стало одной из важнейших опор российской экономики, а задача увеличения экспорта продовольствия легла в основу Национального проекта «Международная кооперация и экспорт». В нем намечается увеличить экспорт продукции АПК до 45 млрд долл. к 2025 г.

Примечание – Здесь и далее в исследовании под агропродовольствием автор понимает сельскохозяйственную продукцию, сельскохозяйственное сырье и продовольствие.

Вопрос готовности отрасли к достижению данного показателя при одновременном обеспечении национальной продовольственной безопасности усложняется пандемией COVID-19, обострением геополитической напряженности и ростом цен на продовольствие в мире. Их следствием могут стать кардинальные изменения во внешнеэкономических связях: внешней торговле, привлечении прямых иностранных инвестиций, сотрудничестве в сфере производства и модернизации АПК. А главное – изменения в состоянии продовольственной безопасности, существенное влияние на которое оказывает конъюнктура мирового продовольственного рынка. Все это определяет актуальность изучения роли внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности страны и поиска возможностей по эффективной активизации внешнеэкономических связей для развития Российской Федерации.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы продовольственного обеспечения и безопасности носят междисциплинарный характер и исследуются в работах отечественных и зарубежных специалистов и ученых различных областей знаний.

Общетеоретические и методологические основы изучения вопросов голода и возможностей сохранения продовольственной безопасности заложили А. Smith, D. Ricardo, S. Maxwell, T.R. Frankenberg, sir E.J. Russell,

M. Mazoyer, W.H. Pawley, R.W. Herdt, P. Rosset. Особое место в формировании теоретических обоснований и практических рекомендаций в области обеспечения продовольственной безопасности занимают публикации международных организаций: Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО), Всемирного Банка (далее – ВБ), Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и др.

Пристальное внимание многим аспектам данной проблемы было уделено в работах зарубежных исследователей: M. Uyttendaele, E. Voeck, L. Jacxsens, Z. Gizaw, J. Dithmer (неполноценное питание); N. Rocha, M. Ruta, P. Dorosh, P. Warr, G. Lawrence, P. McMichael, S. Murphy, D. Burch, J. Clapp, M. Jaworska (внешняя торговля); D. Awunyo-Vitor, S. Jovanovic, X. Jiang, Y. Chen, L. Dries, D. Gunasekera, Y. Cai, R. Kaarhus, M.C. Rulli, A. Savori, A. Schram, P. Baker, J. Punthakey (прямые иностранные инвестиции в АПК и деятельность многонациональных компаний); J.C. Bureau, J. Swinnen (протекционизм в аграрной политике); W.Z. Nugusse, J.N. Schubert, A. Madziakarita, G. Daniel (связь между гуманитарной помощью и продовольственной безопасностью); H. Willer, R. Zanolli (органическое сельское хозяйство) и др. Аспект, связанный с влиянием пандемии COVID-19, отражен в публикациях M. Torero, J. Glauber, D. Laborde, W. Martin, R. Vos., L. Petetin, J. Schmidhuber, J. Pound, B. Qiao, J. Voegele и др. авторов. Продовольственная безопасность Японии освещена в работах K. Oizumi, A. Hirasawa, F. Farina, Y. Godo, D. Takahashi, Б.В. Бодуева, С.Б. Маркарьян. Опыт Европейского Союза в обеспечении региональной продовольственной безопасности исследуется в работах O. Schutter, В.А. Тихомировой, В.И. Добросоцкого.

П р и м е ч а н и е – Здесь и далее в контексте исследования речь идет о многонациональных компаниях (МНК). Автор использует аббревиатуру МНК в соответствии с используемой ЮНКТАД терминологией (multinational enterprises, MNEs). В некоторых случаях автор заменяет ТНК на МНК в цитировании.

Среди российских ученых вклад во всестороннее изучение проблемы

продовольственной безопасности внесли А.И. Алтухов, Л.И. Абалкин, Р.Р. Гумеров, С.В. Киселев, А.П. Потапов, В.К. Сенчагов, Е.В. Серова, А.Ф. Серков, Л.С. Ревенко, В.Я. Узун, И.Г. Ушачев, В.С. Чекалкин, Н.И. Шагайда.

Классификации внешнеэкономических факторов, влияющих на продовольственную безопасность, предложены О.В. Ильиной, Н.В. Святохо, З.М. Ильиной, В.Г. Гусаковым, В.И. Бельским, Б.А. Мельниковым, П.Н. Ломакиным и Н.С. Безматерных. Вопросы импортозамещения в России нашли отражение в работах Н.А. Волчковой, В.С. Загашвили, А.Ю. Кнобеля, В.Ю. Черновой, Б.Е. Фрумкина. Евразийская интеграция в контексте продовольственной безопасности и агропромышленной повестки исследована в работах Б.А. Хейфеца, Т.А. Мешковой, Р.А. Ромашкина.

Однако, при всем многообразии работ, которые, безусловно, составляют теоретический фундамент проводимых по данной проблеме исследований, динамичность изменения условий социально-экономического развития обуславливает необходимость более глубокого изучения данного вопроса. В настоящее время по существу отсутствуют комплексные разработки, покрывающие вопрос влияния и роли внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности России.

Цель исследования состоит в разработке теоретико-методических подходов и практических рекомендаций по совершенствованию использования внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности России в современных условиях.

Гипотеза исследования: внешнеэкономические факторы играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности, особенно с учетом новых требований к качеству питания. Вместе с тем их действие противоречиво. Они могут как укреплять продовольственную безопасность, так и ослаблять ее. Ограничение негативного влияния внешнеэкономических факторов и более активное использование преимуществ внешней торговли, иностранных инвестиций, региональной экономической интеграции в ЕАЭС

позволит усилить продовольственную безопасность нашей страны.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) исследовать теоретические и методические подходы к понятию продовольственной безопасности и уточнить его формулировку в контексте современных условий глобальной экономики;

2) определить, классифицировать и обосновать внешнеэкономические факторы, влияющие на обеспечение продовольственной безопасности на современном этапе развития мировой экономики;

3) выявить роль отдельных внешнеэкономических факторов в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности России;

4) разработать методику оценки влияния агропродовольственного экспорта на продовольственную безопасность Российской Федерации и обосновать приоритетные направления для расширения экспортного предложения российской агропродукции в отраслевом и географическом аспектах, выявив связанные с этим проблемы;

5) проанализировать состояние сотрудничества стран ЕАЭС в АПК и с учетом «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.» и мирового опыта, прежде всего Европейского Союза, предложить возможные меры по укреплению коллективной продовольственной безопасности.

Объект исследования - продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях глобализационных процессов и западных санкций.

Предмет исследования - совокупность экономических отношений, связанных с влиянием внешнеэкономических факторов на продовольственную безопасность Российской Федерации в современных условиях.

Теоретической основой исследования стали научные труды отечественных и зарубежных специалистов, ученых и исследователей продовольственного вопроса и аграрного сектора экономики.

Методология и методы исследования. Методологической основой для достижения поставленной цели послужил комплекс взаимодополняющих общенаучных и общелогических методов, позволивший системно изучить объектно-предметную область исследования.

Ретроспективный метод применен для исследования генезиса и эволюции понятия продовольственной безопасности. Абстрактно-логический метод – для формулирования выводов и рекомендаций. Метод корреляционно-регрессионного анализа позволил оценить наличие взаимосвязи между внутренней и мировой ценами для рекомендаций по регулированию экспорта продукции АПК без ущерба продовольственной безопасности. Используются методы табличной, графической и формульной интерпретации данных, экономико-статистические методы.

При исследовании зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности, помимо прочего, автор руководствовался методологическим критерием сопоставимости и соразмерности.

Информационная база. Материалами для проведения исследования послужили международные соглашения и договоры; информационно-аналитические материалы органов государственной власти по обеспечению экономической и продовольственной безопасности России, в том числе и Министерства сельского хозяйства и Министерства экономического развития Российской Федерации; статистические данные Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) и Федеральной таможенной службы (далее – ФТС); исследования специализирующихся на изучении проблемы продовольственной безопасности научных центров, среди которых центр агропродовольственной политики РАНХиГС, аграрный центр МГУ, ФГБНУ «Росинформагротех»; аналитические доклады международных организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ), ФАО, Комитет по всемирной продовольственной безопасности (далее – КВПБ), Всемирная продовольственная программа (далее – ВПП), Детский фонд ООН (далее – ЮНИСЕФ), Международный

фонд сельскохозяйственного развития (далее – МФСР), др.

Научная новизна исследования заключается в развитии теоретико-методических положений, определяющих направления повышения эффективности использования внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации в современных условиях. Все исследуемые вопросы рассматриваются через призму разразившейся в 2020-2021 гг. пандемии COVID-19, которая внесла принципиальные коррективы в продовольственную ситуацию в мире и состояние мировой продовольственной системы.

Положения, выносимые на защиту:

1) Обоснован новый методический подход, в соответствии с которым для многих менее развитых стран первостепенной задачей является обеспечение людей достаточным физическим объемом продовольствия (предотвращение голода), в то время как для развитых стран и стран с растущими экономиками – гарантия качества и безопасности продовольственного обеспечения (предотвращение неполноценного питания). На основании такого подхода предложено определение продовольственной безопасности, которое расширяет традиционное определение, закрепленное в римской Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 г., дополняя его актуальными для современных условий развития глобальной экономики критериями и подчеркивая динамичность системы продовольственного обеспечения (С. 29-34).

2) Предложено определение внешнеэкономических факторов, влияющих на продовольственную безопасность в глобальной экономике, как совокупности движущих сил и экономических механизмов, связанных с глобализацией экономики и развитием международного разделения труда. На основании предложенного определения разработана классификация внешнеэкономических факторов обеспечения продовольственной безопасности, отличающаяся от имеющихся в литературе широким и

комплексным подходом, учитывающим и отражающим актуальные для современных условий развития глобальной экономики группы факторов, дающим представление об их действии и взаимосвязи. В соответствии с такой классификацией автор выделил следующие обобщенные группы факторов: общеэкономические, внешнеторговые, инвестиционно-финансовые, ценовые, протекционистские, дестабилизационные, интеграционные, глобального управления, гуманитарные (С. 40-42).

3) Обосновано, что влияние внешнеэкономических факторов на продовольственную безопасность России является противоречивым: может как способствовать ее достижению, так и быть угрозой продовольственной безопасности. Проведение импортозамещения в качестве внутренней защитной стратегии, вызванной действием дестабилизационных факторов, с одной стороны, обеспечило продовольственную независимость по большинству товарных групп и позволило расширить экспортный потенциал по отдельным позициям. При этом приращение агропродовольственного экспорта является важным фактором обеспечения продовольственной безопасности, способствуя получению валютных резервов для развития, повышению международной конкурентоспособности российского АПК, его технологической модернизации, улучшению разнообразия и качества продовольствия для населения. С другой стороны, импортозамещение и наращивание экспорта ослабляют экономическую доступность продовольствия для населения, прежде всего за счет своего возможного влияния на рост цен на внутреннем рынке (С. 107-110, 115-117).

4) Разработана методика определения предельно допустимого объема экспорта товарных групп без ущерба продовольственной безопасности, основанная на балансах продовольственных ресурсов и показателях экспорта в доступном для потребления предложении (С. 118-120). Применение методики позволило выявить высокую взаимозависимость внутренних оптовых и экспортных цен на зерновые культуры. И предложить меры по стабилизации внутренних цен и

предотвращения вывоза за рубеж продукции сверх предельно допустимого объема, заключающиеся в введении коридора цен для розничной торговли исходя из экономического обоснования этих цен, а также в разрешении беспрепятственного экспорта в пределах предельно допустимого объема по сложившимся на мировых рынках ценам при условии первоочередного обеспечения внутреннего рынка продукцией в объеме, установленном Доктриной 2030, и по экономически обоснованным в текущей ситуации ценам (С. 121-127). Показаны перспективные направления для расширения экспортного предложения российской агропродукции как в отношении расширения ассортимента экспортных товаров, так и географии внешних связей. На примере основного импортера товаров российского АПК Китая выявлены сопутствующие и сдерживающие расширение российского экспортного потенциала факторы, что позволило рекомендовать формирование имиджа России как производителя экологически чистой качественной безопасной продукции в качестве перспективного направления увеличения экспорта продукции АПК и привлечения иностранных инвестиций в развитие российского сельского хозяйства (С. 127-141).

5) Выявлены противоречия, возникающие при реализации политики продовольственной безопасности на национальном и интеграционном уровне, заключающиеся в отсутствии согласованности действий, связанных с обращением продовольствия, по отношению к третьим странам. Показано, что наряду с отраслевыми проблемами, поставленные в Договоре о ЕАЭС (2015 г.) задачи формирования согласованной агропромышленной политики стран-членов ЕАЭС не выполняются в полной мере, национальные интересы превалируют над интеграционными. Установлено, что импортозамещение на уровне интеграции может положительно влиять на продовольственную безопасность как России, так и всего интеграционного объединения. В целях укрепления продовольственной безопасности на интеграционном и национальном уровнях внесены предложения по дополнению «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.».

Предложены направления совершенствования Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации до 2030 г., которые будут способствовать развитию интеграции в АПК Евразийского Союза (С. 110-115, 144-151).

Теоретическая и практическая значимость работы определяются возможностью использования основных положений, выводов и рекомендаций органами государственной власти (Министерством сельского хозяйства, Министерством экономического развития, Министерством промышленности и торговли), Евразийской экономической комиссией, научными учреждениями, российскими и международными бизнес-структурами. В частности, это касается вопросов регулирования внутренних цен на продовольствие и допустимых объемов экспорта в целях обеспечения продовольственной безопасности, совершенствования Доктрины продовольственной безопасности, разработки экспортной стратегии, вклада России в укрепление коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС.

Результаты исследования также могут использоваться учебными учреждениями для проведения занятий по экономическим специальностям, например, по курсу «Мировая экономика», «Основы внешнеэкономической деятельности», «Международные экономические отношения», «Национальная экономика», «Экономическая безопасность».

Область исследования соответствует п. 21. «Развитие ресурсной базы мирового хозяйства. Экономические аспекты глобальных проблем – экологической, продовольственной, энергетической. Мировозьяйственные последствия глобальных процессов, пути и механизмы их решения», п. 26. «Внеэкономические интересы России на мировом рынке и в отношениях с отдельными странами и группами стран. Геоэкономические проблемы России, ее стратегические приоритеты и внешнеэкономические перспективы», п. 27. «Международная и национальная экономическая безопасность. Теоретические и методологические основы обеспечения внешнеэкономической безопасности России», п. 29. «Участие

России в международном разделении труда. Формирование и перспективы развития экспортного потенциала и импортных потребностей российской экономики. Возможности улучшения международной производственной специализации России» Паспорта научной специальности 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов подтверждается их апробацией в установленном порядке, применением теоретических знаний в области экономической теории и мировой экономики, а также общих методов научного познания, использованием широкого перечня российских и зарубежных литературных источников по теме исследования.

Основные положения и результаты исследования доложены на научно-практических конференциях: на Международной межвузовской студенческой научно-практической конференции «Rusia e Iberoamérica: desafíos globales y estrategias de desarrollo en el siglo XXI» «Россия и Иберо-Америка: глобальные вызовы и стратегии развития в XXI веке» в честь 100-летия Финансового университета (Москва, Финансовый университет, 30 ноября 2018 г.); на Первом евразийском аналитическом форуме «Евразийский экономический союз: опыт, проблемы, приоритеты развития и безопасности (к 5-летию образования ЕАЭС)» (Москва, Общественная палата Российской Федерации, 14 ноября 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Внешние вызовы и риски для России в условиях перехода мирового сообщества к полицентризму: экономика, финансы и бизнес» (Москва, Финансовый университет, 27 ноября 2019 г.); на V Ежегодной международной научно-практической конференции «Мировые финансы растут, а как оживить мировую экономику?» (Красавинские чтения) (Москва, Финансовый университет, 5 декабря 2019 г.); на VII Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы» (Москва,

Финансовый университет, 6 марта 2020 г.); на IV Международной научной конференции «Сенчаговские чтения. Социально-экономическая безопасность: сфера государственного регулирования и область научного знания» (Москва, Институт экономики РАН, 27 октября 2020 г.); на Международной научно-практической конференции «Финансово-экономическая реальность: вызовы и возможности» (Москва, Финансовый университет, 18 декабря 2020 г.); на Международной студенческой межвузовской научно-практической конференции «Стратегии развития экономики Мирового океана» (Москва, Финансовый университет, 12 марта 2021 г.); на XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021» (Москва, МГУ, 14 апреля 2021 г.); на Круглом столе «Внешнеэкономические факторы восстановления экономического роста после глобального пандемического кризиса 2020 г.: мировой опыт и российская практика» (Москва, Финансовый университет, 20 апреля 2021 г.); на V Международной научной конференции «Сенчаговские чтения. Новые вызовы и угрозы экономике и социуму России» (Москва, Институт экономики РАН, 20 апреля 2021 г.); на Международной научно-практической конференции «Продовольственная безопасность: биотехнология и цифровизация АПК» в рамках Глобального продовольственного форума – 2021 (Москва, Российская академия наук, 21 мая 2021 г.).

Теоретические и практические результаты исследования использовались при выполнении научно-исследовательских работ в рамках государственных заданий Финансового университета, а именно:

- «Сделано в России» – инструментарий поддержки товаров, произведенных в России» (Приказ № 1115/о от 06 мая 2019 г.);
- «Выявление рисков государства и общества в условиях цифровизации» (Приказ № 1591/о от 17 сентября 2020 г.).

Материалы исследования используются Департаментом мировой экономики и международного бизнеса Факультета международных

экономических отношений Финансового университета в преподавании учебной дисциплины «Проблемы глобальной экономики (на английском языке)».

Материалы исследования используются в практической деятельности отдела покупательского маркетинга (департамент коммерции) ООО «Данон Трейд» при стратегическом планировании и прогнозировании деятельности на рынках стран ЕАЭС и СНГ. Это позволило ООО «Данон Трейд» повысить эффективность работы и выработать стратегическое развитие продуктового портфеля в каналах продаж (в частности, на рынках СНГ, ЕАЭС).

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 10 работах общим объемом 6,22 п.л. (весь объем авторский), в том числе 9 работ авторским объемом 5,97 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем работы обусловлены логикой исследования в соответствии с целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы из 294 наименований и 11 приложений. Текст диссертации изложен на 214 страницах, содержит 20 таблиц, 40 рисунков и 7 формул.

Глава 1

Теоретические и методические аспекты изучения продовольственной безопасности на глобальном, региональном и национальном уровнях

1.1 Методические подходы к исследованию продовольственной безопасности как одной из важнейших глобальных проблем современности

Продовольственное обеспечение превратилось в глобальную проблему, которая на современном этапе развития тесно переплетена с демографическими, климатическими, экологическими, политическими и иными проблемами. В широком смысле ее решение сегодня состоит в поиске баланса между производственными возможностями национальной экономики и обеспечением необходимым продовольствием с помощью внешнеэкономической деятельности. Иными словами, факторы обеспечения продовольственной доступности приоритетны для понимания продовольственной безопасности.

Разнообразие отечественных и зарубежных трудов, посвященных эволюции понятия «продовольственная безопасность», позволяет сделать вывод об отсутствии единого подхода к периодизации этапов и их содержания. Наиболее полные представления об эволюции понятия позволяют сформировать работы Л.С. Ревенко, А.Ю. Белугина, Р. Муго и М. Mazziotta [16, с.35-52; 84; 287].

Основы продовольственного обеспечения были заложены еще в период ведения натурального хозяйства, когда продовольственная проблема решалась производственными возможностями национальной экономики вне зависимости от внешних факторов. С течением времени, пройдя через протекционизм, либерализацию торговли, страновую специализацию,

технологическое развитие и международное признание, зародилось само понятие [21; 40].

Точкой отсчета в постановке проблемы продовольственной безопасности можно считать Международную конференцию по вопросам продовольствия и сельского хозяйства в Хот Спрингсе (Виргиния, США) в мае 1943 г. [233]. Там же было принято решение о создании ФАО, учрежденной в 1945 г. с штаб-квартирой в Вашингтоне (округ Колумбия).

В разгар Второй мировой войны продовольственную проблему называли «свободой от нужды» и трактовали как надежное и надлежащее снабжение любого человека продовольствием. Нужда трактовалась как нищета, которая является первой причиной голода и препятствует глобальному экономическому росту. Ликвидация голода, свирепствующего в то время по всей Европе, была первоочередной задачей, наряду с прекращением военных действий. Ожидалось, что в послевоенное время самый высокий спрос будет предъявлен на зерновые (пшеница, рис) и на калорийное продовольствие.

В силу возникновения в военные годы проблемы устойчивости внешних поставок продовольствия и дефицита валюты для их оплаты, многие страны были вынуждены сокращать импорт и переходить на продовольственное обеспечение своими силами. Поэтому продовольственная и сельскохозяйственная политика вплоть до начала 1970 годов фокусировалась на преумножении производства и формировании запасов при минимальном влиянии внешнеэкономических факторов.

Острый продовольственный кризис 1972-1973 гг. – неурожайные годы, проявившие себя в исчерпании глобальных зерновых и других углеводистых пищевых запасов, дефиците на продовольственных рынках и соответствующем ему подорожании цен на питание во всем мире, – с новой силой заставил мировое сообщество заговорить о проблеме продовольственного обеспечения и путях ее решения. Определяя продовольственную безопасность, ФАО установило принципиальное

значение стратегических запасов зерна, обусловленное весом зерновых культур в общей продовольственной корзине. В качестве индикаторов глобальной продовольственной ситуации ФАО использовала следующие критерии:

- Продовольственное положение считалось устойчивым, если соотношение переходящих запасов и потребления составляло минимум 17-18%, из которых 12% – текущий запас, 5-6% – резерв. При отклонении ниже этих значений мировая продовольственная безопасность попадает в зону риска: возрастают мировые цены на зерно, делая его недоступным для слаборазвитых стран.

- Значение имело соотношение предложения (внутреннее производство + импорт + запасы) к потребностям (внутреннее использование + экспорт) в пшенице и фуражном зерне в пяти основных странах-экспортерах: Аргентине, Австралии, Канаде, странах Европейского Союза (ЕС) и Соединенных Штатах Америки (США).

- Индикатором было среднее соотношение объемов переходящих запасов к потребностям по пшенице и фуражному зерну в Аргентине, Австралии, Канаде, ЕС и США и по рису во Вьетнаме, Китае, Пакистане, США и Таиланде.

- Производилась оценка изменения в производстве зерновых культур у основных импортеров: в Китае, Индии и СНГ; в странах с низким уровнем дохода и дефицитом продовольствия (LIFDCs); в LIFDCs за исключением Китая и Индии.

- Еще один индикатор показывал годовую динамику цен на пшеницу, кукурузу и рис [244].

После принятия Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания в 1974 г., в которой закрепилось понятие «всемирная продовольственная безопасность» – подробнее в приложении А – начинает формироваться мировая продовольственная (агропродовольственная) система.

П р и м е ч а н и е – Мировая продовольственная (агропродовольственная) система (далее – МПС) представляет собой состоящую из национальных аграрных экономик единую цепь производства, распределения, обмена и потребления продовольствия, которая призвана покрыть потребности в продуктах питания в планетарном масштабе.

В период второго мирового продовольственного кризиса (1983 г.) эксперты ФАО установили связь между решением проблемы продовольственной безопасности и обеспечением доступа населения к продовольствию. Была сделана оговорка, большой вклад в которую внес индийский экономист А. Сен: как таковое наличие достаточного продовольствия на уровнях национальном и международном не гарантирует продовольственной безопасности на уровне домохозяйств и отдельных людей [175]. Это же подтвердила «зеленая революция» 80 годов XX века, в результате которой возросло производство продовольствия по всему миру. Однако доступ к нему, вопреки стабильности цен, получили не все. Голод (недоедание) – это результат функционирования всей экономической системы.

В 1995 г. Международный институт по исследованию продовольственной политики (далее – IFPRI) предложил концепцию «безопасного питания» (nutrition security) на уровне домохозяйства, под которым подразумевал надлежащий статус питания с точки зрения потребления и усвоения организмом белков, калорий, питательных микроэлементов и минералов [167].

Данные положения нашли свое отражение в документах Всемирного продовольственного саммита 1996 г. – Римской декларации и Плана действий, в которых дано определение продовольственной безопасности – подробнее в приложении А. Выделены уровни обеспечения продовольственной безопасности: глобальный, региональный, национальный и уровень домашнего хозяйства. И, главное, признана личная ответственность каждого государства в проведении продовольственной политики и независимость продовольственной системы страны.

Определение продовольственной безопасности, которое и по сегодняшний день используется мировым сообществом в качестве основного, было закреплено в римской Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 г. – в приложении А. Впервые обособлена социальная доступность продовольствия – то есть возможность его приобретения приемлемым способом, независимо от социального положения.

Таким образом, были выделены четыре критерия национальной продовольственной безопасности, которые должны выполняться одновременно. Они составляют традиционный (консервативный) подход к определению продовольственной безопасности:

- наличие/достаточность (availability), как следствие снабжения в результате производства, распределения и обмена продовольствием;
- доступ/спрос (access), как финансовая, экономическая и социальная доступность продовольствия с соблюдением индивидуальных предпочтений и нужд;
- использование/потребление (utilization), как биологическое усвоение пищевых продуктов людьми, обеспечивающееся разнообразием и качеством пищи, рациональностью питания и надлежащей кулинарной обработкой, определяющее статус питания;
- стабильность (stability), как устойчивость и непрерывность первых трех основ во времени или способность эффективно управлять рисками [220].

Продовольственная безопасность является многогранным эволюционирующим понятием, определяемым и интерпретируемым различным образом. В приложении А собраны некоторые концепции и определения продовольственной безопасности, изложенные в современной отечественной и зарубежной литературе с точки зрения различных аспектов изучения проблемы. Однако при всем многообразии исследований

подавляющая их часть сосредоточена вокруг базовых идей, сформулированных еще 25 лет назад.

На сегодняшний день известны различные по своему назначению агрегированные показатели, характеризующие и оценивающие продовольственную безопасность и ее отдельные компоненты. Наиболее широко распространены следующие из них.

IFPRI разработан глобальный индекс голода (Global Hunger Index, GHI), рассчитываемый по данным ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ВБ и Группы ООН по оценке детской смертности. В его основу заложены четыре компонентных показателя: недоедание, то есть недостаточное потребление калорий; истощение детей в возрасте до 5 лет, то есть острое недоедание; задержка роста детей в возрасте до 5 лет, то есть хроническое недоедание; детская смертность. Последние измерения индекса в 2021 г. показали, что только в десяти странах голод находится на умеренном уровне. Отдельные страны находятся в наиболее тревожном положении, это прежде всего Сомали, Бурунди, Южный Судан, Сирийская Арабская Республика, Йемен, Центральноафриканская Республика, Республика Чад, Демократическая Республика Конго и Мадагаскар [263].

С 2012 г. the Economist Intelligence Unit диагностирует глобальный индекс продовольственной безопасности (GFSI), анализируя и ранжируя 113 развивающихся и развитых стран мира по доступности, достаточности, качеству и безопасности продовольствия. С 2017 г. GFSI также корректируется на риск фактор влияния природных ресурсов и изменения климата на продовольственную безопасность. В общей сложности по данной методике используются 34 индикатора (+21 для риск фактора климата и устойчивости), что является наиболее всесторонним исследованием из проводимых на сегодняшний день. Последние измерения GFSI за 2021 г. свидетельствуют о том, что в топ-5 стран по общему счету вошли Ирландия (84 из 100 баллов), Австрия (81,3), Великобритания (81), Финляндия (80,9) и

Швейцария (80,4). Российская Федерация заняла 23 место в данном рейтинге, поднявшись за последние два года на 19 позиций.¹⁾

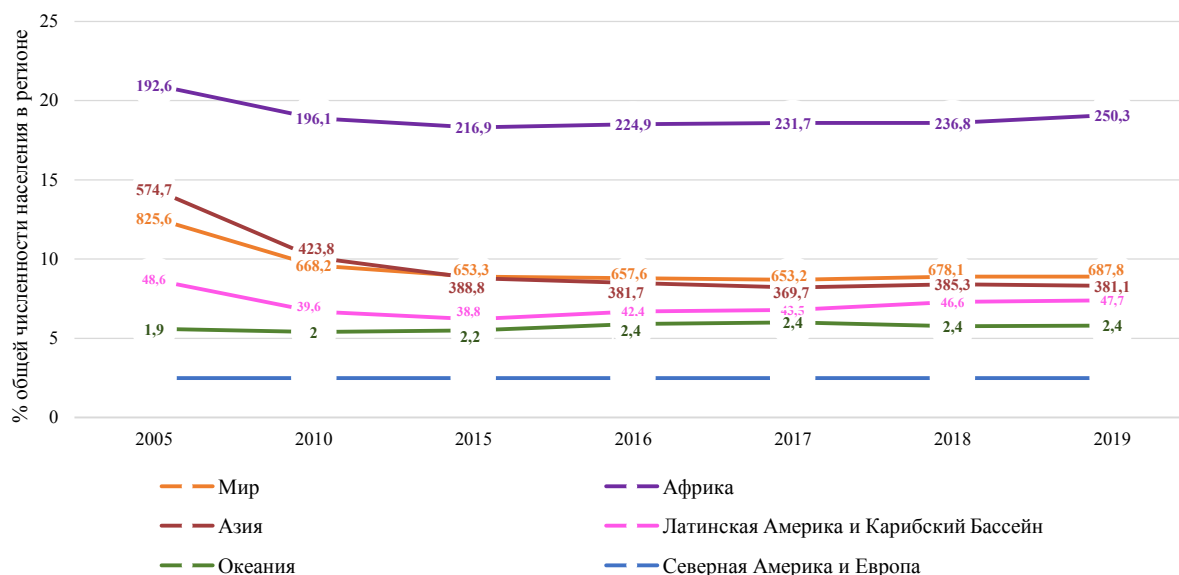
Актуальные оценки положения дел в области обеспечения продовольственной безопасности в мире, масштаба и серьезности нехватки продовольствия проводит ФАО и предлагает определенные методики. Их использование связано с двумя принципиальными понятиями: распространенность недоедания и отсутствие продовольственной безопасности. Под голодом (недоеданием) ФАО понимает дискомфортное или болезненное физическое ощущение, вызываемое недостаточным потреблением калорий в пищу [257]. Калорийность питания определяется как достаточное количество калорий, необходимое для ведения нормального, активного и здорового образа жизни [286].

Метрика распространённость недоедания (prevalence of undernourishment, PoU) основана на страновых данных о запасах, потреблении продовольствия и потребности в калориях. На рисунке 1 представлены полученные в ходе ее применения результаты, которые свидетельствуют: проблема недоедания присуща всем странам. Однако в большей степени эта проблема проявляется в странах с низким уровнем дохода, в том числе с дефицитом продовольствия, и в наименее развитых странах, особенно не имеющих выхода к морю (по классификации ВБ) [286].

Благодаря данному подходу была получена статистика по количеству недоедающих людей в мире – 683,9 млн чел. к 2020 г., что составляет 8,9% населения Земли. Данная оценка была существенным образом скорректирована (-122 млн чел.) [31, с. 8-9], за счет улучшения пищевого статуса населения Китая, где значительно сократились распространенность недоедания у взрослых и отставание в росте у детей младше шести лет. Однако тенденция к сокращению масштабов голода, наблюдаемая в период действия программы ООН «Цели Развития Тысячелетия», себя исчерпала, и

¹⁾ Rankings and trends // Global Food Security Index. – Текст : электронный. – URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/Index> (дата обращения: 14.01.2022).

количество голодающих в мире с 2014 г. продолжает расти. В результате пандемии COVID-19 число голодающих в мире приросло на 118-161 млн чел. за счет ухудшения ситуации в Азии (+57 млн чел.), Африке (+46 млн чел.) [183].

Источник: составлено автором по материалам [32, с. 9].

Рисунок 1 – Численность недоедающих в мире в период 2005-2019 гг., в процентах (в миллионах человек на графике)

Наибольшее число недоедающих диагностируется в Африке – более 250 млн чел. или 19,1% общей численности африканского населения, что более чем в два раза превышает общемировой показатель голода. Несмотря на успехи по сокращению числа голодающих в Китае и Индии, высока доля недоедающих в Азии, где проживают 55% совокупного числа недоедающих в мире – более 381 млн чел. Распространенность недоедания в странах Латинской Америки и Карибского бассейна ниже общемировой – 7,7%, тем не менее, питание почти 48 млн чел. находится на недостаточном уровне. Доступные данные по Северной Америке и Европе свидетельствуют о варьирующихся 2,5% недоедающих в каждом из этих регионах.

Человек ощущает отсутствие продовольственной безопасности, если велика вероятность испытать голод (недоедание) вследствие недоступности продовольствия и/или нехватки ресурсов для его получения [257]. Для

мониторинга данного показателя ФАО применяет Шкалу восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ), ставшую мировым эталоном. ШВОПБ отличается от PoU измеряемой степенью тяжести отсутствия продовольственной безопасности: умеренной или острой. Хотя концептуально они сравнимы, так как люди, переживающие отсутствие продовольственной безопасности по ШВОПБ, вероятно, не имеют возможности приобретать необходимое количество продовольствия для регулярного удовлетворения потребности в пищевой энергии. Так, показатель отсутствия продовольственной безопасности в Африке в 2019 г. (19%) близок по значению к PoU (19,1%) и также превосходит показатели остальных регионов.

На основании данной методики были получены следующие результаты: с острой формой отсутствия продовольственной безопасности в 2018-2020 гг. столкнулись 813 млн чел. (10,5% мирового населения), с умеренной – 2,1 млрд чел. или 27,6%. Те же показатели за 2014-2016 гг. составили 8,2% и 23%, соответственно.

Интересно, что даже в странах с доходом выше среднего и высоким (по классификации ВБ) [286] 6,3% или 159,3 млн совокупного населения испытывали острую форму и еще 24,9% (595,4 млн чел.) – умеренную.

В результате пандемии COVID-19 глобальная распространенность продовольственной незащищенности одновременно возросла пропорционально пятилетнему значению на 320 млн за 2020 г. В 2020 г. каждый третий житель планеты не имел достаточного питания. 30,4% составила умеренная или острая нехватка продовольствия на глобальном уровне по ШВОПБ в 2020 г., увеличившись на 7,8% с 2014 г. [183].

Еще одна методика, доказавшая свою актуальность в период 2020 г., основана на использовании одновременно двух схожих инициатив The Integrated Food Security Phase Classification (IPC) и The Cadre Harmonisé (CH) – IPC/CH. Она характеризует фазы продовольственной безопасности от

приемлемой до крайне критической – приведены в таблице 1 – и нацелена на выявление острых форм в чрезвычайных ситуациях. В результате COVID-19 число людей, нуждающихся в продовольственной помощи, кратно возросло на всей территории Африки, в странах Ближнего Востока, Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Особенно остро вопрос критичности фазы отсутствия продовольствия стоит в Афганистане, Буркина-Фасо, Центральноафриканской республике, Демократической республике Конго, Гаити, Нигерии, Южном Судане, Замбии и Зимбабве.¹⁾ По оценкам ФАО, спровоцированный пандемией глобальный кризис увеличит число людей, нуждающихся в продовольственной безопасности, на 83-132 млн чел., в том числе в регионах Северной Америки и Европы [32, с. 17-18].

Таблица 1 - Фазы острого отсутствия продовольственной безопасности по классификации IPC/CH

Название фазы	Описание
Фаза 1 Минимальная (None/Minimal)	Способность удовлетворять основные продовольственные потребности, не прибегая к гуманитарной помощи
Фаза 2 Стресс (Stressed)	Минимально адекватное потребление продуктов питания, но невозможность позволить себе существенные непродовольственные расходы даже при наличии гуманитарной помощи
Фаза 3 Кризис (Crisis)	Разрывы в потреблении продовольствия, результатом которых становится высокий (или выше обычного) уровень острого недоедания / незначительная способность удовлетворения минимальных потребностей в продовольствии
Фаза 4 Чрезвычайная ситуация (Emergency)	Большие разрывы в потреблении продовольствия, результатом которых становятся высокий уровень острого недоедания и избыточная смертность
Фаза 5 Катастрофа/голод (Catastrophe/Famine)	Крайне критические уровни острого недоедания и нехватки продовольствия, голод, смерть, нищета

Источник: составлено автором.

¹⁾ Global Report on Food Crises 2020 September update: in times of COVID-19 // FSIN. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.fao.org/fileadmin/user_upload/emergencies/docs/GRFC2020_September%20Update_0.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

В то же время в современных условиях ощущается необходимость в новых подходах к определению продовольственной безопасности. Это связано с распространением неполноценного (субоптимального) питания как в развитых, так и в развивающихся странах. Хотя впервые концепцию неполноценного питания представил ЮНИСЕФ в 1990 г. [179], эта проблематика не получила широкого распространения в концепциях продовольственной безопасности.

Следствием недостаточной продовольственной безопасности становится развитие различных форм неполноценного питания: недоедание, истощение, дефицит питательных макроэлементов (белков, жиров, углеводов, в том числе клетчатки) и микроэлементов (витаминов и минералов), избыточная масса тела и ожирение, неинфекционные заболевания. Связующими элементами при этом являются качество и безопасность пищевого рациона.

Несмотря на улучшение показателей экономического развития во многих странах, почти каждый третий человек в мире страдает как минимум одной из форм неполноценного питания [293]. Работы зарубежных и отечественных авторов подтверждают, что питание и его структура является одним из значительных факторов, определяющих здоровье и долголетие населения, а также генофонд будущего поколения [79; 130; 135].

Особую обеспокоенность вызывает проблема ожирения, превратившаяся в глобальный вызов. С 1975 г. по 2016 г. число людей с ожирением возросло более чем втрое и составило 650 млн взрослых старше 18 лет. Более 1,3 млрд взрослых страдали избыточным весом, что в общей сложности составило 52% взрослого населения планеты [176]. По оценкам ВОЗ, в 2016 г. 2,3 млрд чел. всех возрастов по всему миру страдали избыточным весом или ожирением [293]. В 2019 г. число детей до 5 лет, столкнувшихся с этой проблемой, было равным 38,3 млн, половина из которых проживает в Азии (17,2 млн), четверть – в Африке (9,3 млн) [151, с. 8-9]. По данным ФАО, проблема ожирения среди взрослых старше

18 лет в большей степени характерна для стран с доходом выше среднего и высоким (по классификации Всемирного Банка) [183, с. 130-155; 286].

С интенсификацией глобализации еще больше актуализируется вопрос интернационализации небезопасного продовольствия, содержащего болезнетворные бактерии, вирусы, паразитов, вредные химические вещества. Об этом свидетельствуют многочисленные работы зарубежных и российских ученых [66; 68; 137; 187]. По оценкам ВОЗ, ежегодно каждый 13 житель планеты заболевает от потребления небезопасного продовольствия. Это эквивалентно 33 млн лет здоровой жизни. 125 тыс. детей в возрасте до 5 лет умирают от болезней пищевого происхождения [293].

Полагаем, вопрос безопасности питания составляет часть продовольственной безопасности, так как отсутствие продуктов и/или их доступности делает невозможным потребление в принципе. Это говорит о синтезе, но не сепарации двух категорий: продовольственной безопасности и безопасности питания.

Также представляется необходимым связать безопасность питания с аспектом применения технологий генной модификации. Продуктом такой деятельности становится производство генетически модифицированных продуктов (далее – ГМО). С ростом численности мирового населения и спроса на продовольствие возрастают интенсивность и масштабы индустриализации сельского хозяйства. По всему миру происходит либерализация отношения к применению технологий генной модификации сельскохозяйственных культур. По оценкам ISAAA, с 1996 г. по 2018 г. посевы трансгенных культур растений увеличились в 113 раз, их общая посевная площадь составила 2,5 млрд га [138]. Лидеры отрасли, занимающие 91% мировых площадей – США, Бразилия, Аргентина, Канада, Индия. Основными культурами остаются соя, кукуруза, хлопок и рапс. В 2018 г. около 70 стран приняли биотехнологические культуры либо путем культивирования, либо импортируя. В Евросоюзе ГМО получило законодательное закрепление, и рынок ГМО-продуктов поступательно

развивается, несмотря на протесты со стороны некоторых стран [262]. Так, исследования итальянских ученых доказали опасность генномодифицированной кукурузы американской корпорации Monsanto для здоровья человека [202]. Вопреки тому, что ВОЗ лоббирует вопрос безопасности ГМО, проведенные исследования на животных также доказывают высокие риски для здоровья: бесплодие и снижение фертильности, рак, токсичность печени, повреждение внутренних органов, устойчивость к антибиотикам, аллергия и др. [153; 284]. ГМО создает новые угрозы для безопасности продуктов.

Термин «качество питания» до настоящего времени не определен и не имеет единого подхода к измерению, хотя часто используется ФАО (в том числе как «здоровый рацион питания») [31]. Вопросы количественных и качественных потребностей мирового населения в продуктах питания находятся в фокусе внимания специализированных международных организаций в системе ООН. Основные рекомендации ВОЗ, универсальные для всех стран, по этому поводу следующие:

- ежедневное употребление в пищу не менее чем 400 г свежих фруктов, сырых овощей, корнеплодов и клубнеплодов, при умеренном потреблении крахмалосодержащих (картофель, батат);
- насыщение рациона бобовыми и цельными злаками, например чечевицей, фасолью, необработанной кукурузой, пшеницей, овсом, коричневым рисом и др.;
- уменьшение потребления насыщенных и транс-жиров при увеличении потребления ненасыщенных жирных кислот, содержащихся, например, в авокадо и орехах, оливковом, соевом, кукурузном или подсолнечном маслах;
- сокращение потребления обработанных, печеных и жареных пищевых продуктов, а также готовых закусок и продуктов питания, содержащих транс-жиры промышленного производства и свободные сахара;

- ограниченное до 5 г/день потребление соли, предпочтительно йодированной;
- разнообразие рациона;
- потребление среднесуточного количества калорий в диапазоне от 2201 до 3768 ккал/чел. [293].

В 2019 г. ФАО совместно с ВОЗ определили понятие «устойчивое здоровое питание» и определяющие его руководящие принципы: с точки зрения здоровья, окружающей среды, социальных и культурных аспектов [37, с. 12-13].

Обобщение рекомендаций позволяет определить основы качественного питания: ассортимент/разнообразие (*variety*) как внутри, так и между продуктовыми группами; умеренность (*moderation*) в соответствии с рекомендуемыми нормами и ограничениями потребления некоторых продуктов и питательных веществ; и сбалансированность (*balance*) рациона. Дополнить это стоит еще одной основой – приемлемость (*acceptability*) с культурной и религиозной точек зрения (социально-культурная приемлемость).

Грань между понятиями «безопасность питания» и «качество питания» очень тонкая. Фактически, они оба ориентированы на здоровье человека. Поэтому в целях достижения продовольственной безопасности качественное питание должно быть безопасным, достаточным и доступным.

Сложность заключается в том, что люди обычно едят доступное для себя по цене. В стремлении максимизировать ограниченные доходы и низкую покупательную способность, многие потребляют дешевые энергетически перенасыщенные (жирами и сахаром) продукты вместо более дорогих с высоким содержанием питательных веществ [127]. Как, например, необработанные фрукты и овощи, красное мясо, морепродукты и т.д. Чтобы избежать голода, такие домохозяйства жертвуют качеством и разнообразием продуктов в пользу их количества [165]. Более 3 млрд жителей планеты не могут позволить себе качественное питание, так как оно в пять раз дороже

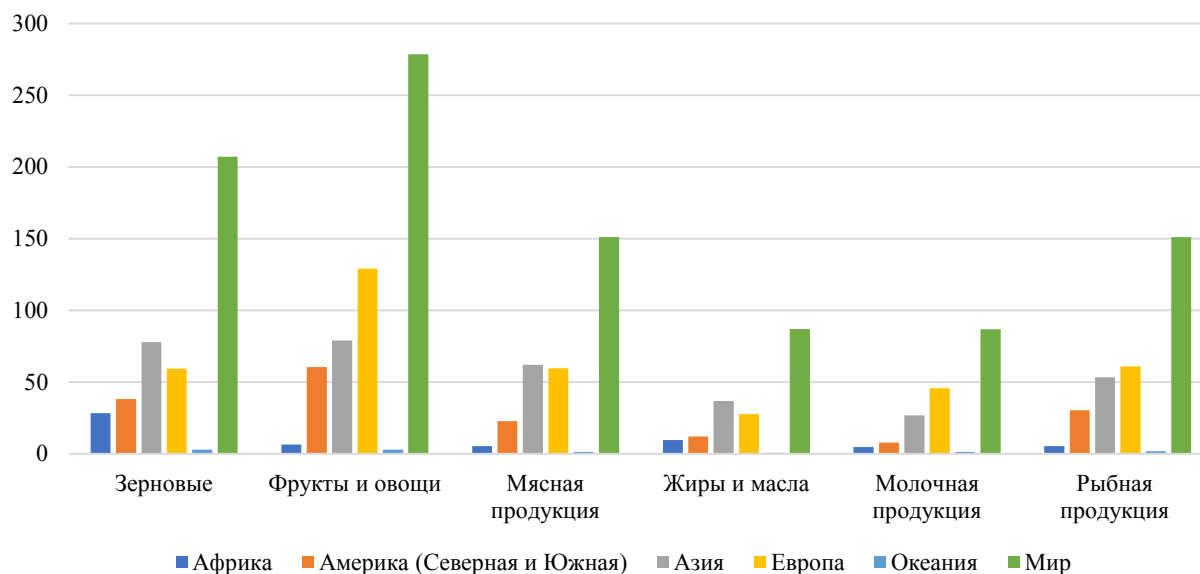
пищевого рациона, обеспечивающего необходимое количество энергии за счет крахмалосодержащих высококалорийных продуктов [32, с. 84-85]. Больше всего таких людей проживает в Азии и Африке (1,9 млрд и 965 млн чел., соответственно), 104,2 млн – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, и меньше всего, 18 млн, – в Северной Америке и Европе.

Конфигурация питания различна и соответствует природно-климатическим условиям, этнокультурному и религиозному контексту, уровню доходов, индивидуальным предпочтениям и потребностям, а главное – наличию продуктов питания, обеспеченному за счет местного производства или внешней торговли.

Субоптимальное питание является самым распространенным фактором заболеваемости и смертности в мире, в большей степени из-за низкого потребления цельного зерна, орехов, фруктов, овощей, рыбной продукции и злоупотребления солью [136]. Исследуя наличие продуктов в мире ФАО выявили, что в период с 2000-2017 гг. среднемировой показатель наличия овощей и фруктов, полученный в результате сравнения данных о местном производстве, потерях и запасах, вырос с 306 до 390 г/день на человека. Азия стала единственным регионом, располагающим 470 г/день овощей и фруктов на человека, что превосходит рекомендуемую норму 400 г. Тот же показатель в Северной Америке и Европе ниже общемирового и более чем на 100 г/день разнится с азиатским [32, с. 46-47]. То есть, внутреннего производства овощей и фруктов на уровне отдельно взятых регионов недостаточно для удовлетворения потребностей населения в соответствии с рекомендуемыми нормами.

Об этом же свидетельствуют статистические данные. С 2008 г. импорт товарных групп, составляющих качественное питание, возрос в несколько раз по всему миру [267]. Однако существенно разнится среди регионов, как показано на рисунке 2. Наибольшая востребованность в импортном

обеспечении приходится на фрукты, овощи, зерновые, рыбную продукцию – продукты качественного рациона.

Источник: составлено автором по материалам [190].

Рисунок 2 – Импорт продовольствия по регионам по товарным группам в 2019 г., в миллиардах долларов

В исследовании J. Dithmer было показано, что увеличение внешней торговли положительно влияет на диетическое энергоснабжение и потребление энергии, способствует улучшению рациона питания, а также, в целом, оказывает благоприятное воздействие на продовольственную безопасность [128]. Открывается возможность круглогодичного доступа к новым, более разнообразным продуктам, что защищает от сезонной нехватки продовольствия, расширяет ассортимент потребительской корзины [215, с. 75]. Эксперты ФАО также подтверждают неопределимое влияние торговли на разнообразие запасов, доступных для потребления, и расширение ассортимента имеющихся в наличии продуктов, что позволяет формировать более сбалансированный рацион питания [36, с. 15].

П р и м е ч а н и е – Диетическое энергоснабжение (the dietary energy supply, DES) – это пища, доступная для потребления человеком, выраженная в килокалориях на человека в день.

Импорт продовольствия не обязательно вытесняет имеющиеся в наличии продукты внутреннего производства. Он может играть

дополняющую роль, предлагая потребителям товары, отсутствующие на внутреннем рынке в силу ограничивающих природных обстоятельств [36, с. 32-34]. Среди таковых: изменение климата, стихийные бедствия (наводнения, засухи), истощение природных ресурсов (отсутствие в почве основных питательных веществ в результате загрязнения химическими веществами, содержащимися в удобрениях, пестицидах, антибиотиках) и др. [215, с. 87-91].

То есть особое значение для обеспечения разнообразного и необходимого для здоровья питания в пределах рекомендуемых норм приобретают внешнеэкономические связи. А повышение эффективности внешней торговли становится одной из принципиальных государственных задач при обеспечении продовольственной безопасности. Более подробно внешняя торговля как важный внешнеэкономический фактор продовольственного обеспечения будет рассмотрена в следующем параграфе.

Таким образом, наравне с усугубляющейся проблемой недоедания развивается проблема неполноценного питания, масштаб которой в несколько раз превосходит голод. Сравнение только с одной из форм (ожирение) показывает соотношение один к трем: наряду с одним голодающим в мире насчитывается три человека с избыточным весом или ожирением.

Любая экономическая категория проявляется в разных формах в различные исторические эпохи. Полученные данные позволяют сделать следующий вывод: несмотря на наличие универсальных для всех стран характеристик и глобальную общность проблемы (традиционный подход), в современных условиях продовольственная безопасность специфична для разных стран. Для многих менее развитых стран первостепенной задачей является обеспечение людей достаточным физическим объемом продовольствия (предотвращение голода), в то время как для развитых стран и стран с растущими экономиками – гарантия качества и безопасности

продовольственного обеспечения (предотвращение неполноценного питания).

В обоих случаях решение проблемы зависит как от действия внутренних факторов (состояние и динамика агропромышленного комплекса страны, производственные возможности национальной экономики, продовольственные резервы, конкуренция и цены на внутреннем рынке), так и от факторов внешнеэкономической деятельности страны.

На основании такого методического подхода в целях настоящей работы автор предлагает следующее определение продовольственной безопасности: это состояние системы воздействия внутренних и внешних факторов на физический, социальный и экономический доступ к достаточной, безопасной, качественной пище в их непрерывном взаимодействии с изменяющимися условиями развития каждой конкретной страны.

Такой методический подход не отрицает традиционного подхода к определению продовольственной безопасности, основанного на физическом насыщении. Но дополняет его:

- актуальными для современных условий развития глобальной экономики критериями (качество, безопасность, социально-культурная приемлемость);
- динамичностью системы продовольственного обеспечения;
- определением роли внутренних и внешних факторов в обеспечении продовольственной безопасности и здоровья нации.

Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения роли внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности.

1.2 Роль внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности в условиях глобализации экономических отношений

Приоритетным фактором в обеспечении продовольственной безопасности является национальное производство продовольствия. Особенно отчетливо это проявилось вслед за продовольственным кризисом 2007-2008 гг. [124; 131; 134]. Когда страна за счет внутреннего производства удовлетворяет потребности населения в продуктах питания, можно говорить о продовольственной самообеспеченности. Цель по достижению продовольственной самообеспеченности связана со стремлением страны нивелировать уязвимость своего продовольственного рынка перед внешними шоками.

Однако продовольственная самообеспеченность не является выражением продовольственной безопасности. На практике немногие страны могут достичь 100% национального производства, что обусловлено непрерывным и трудно управляемым действием совокупности внутренних и внешних факторов. Несмотря на рост мирового производства продуктов питания, средняя продовольственная самообеспеченность стран в течение последних десятилетий неуклонно снижается.¹⁾

Для определения продовольственной самообеспеченности ФАО введен коэффициент SSR (the self-sufficiency ratio). Он определяется как доля потребляемого отечественного продовольствия в общем объеме предложения в процентах и позволяет ранжировать страны по уровням самообеспеченности: с низкой – до 80%, и с высокой – выше 120% [124]. Измеряется по формуле (1)

¹⁾ Schramski, J. Declining Country-Level Food Self-Sufficiency Suggests Future Food Insecurities / J. Schramski, C. Woodson, G. Steck, [et al.] // *Biophysical Economics and Resource Quality*. – 2019. – № 4 (12). – 9 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.1007/s41247-019-0060-0>. – ISSN 2366-0112.

$$SSR = \frac{P}{P+I-E+\Delta S} * 100, \quad (1)$$

где P – внутреннее производство;

I – объем импорта;

E – объем экспорта;

ΔS – изменение в запасах.

Международная практика не ограничивает способы достижения продовольственной безопасности. Страна должна стремиться самостоятельно производить достаточное количество продуктов, особенно при наличии сравнительных преимуществ. При этом страна также может нивелировать недостаток продовольствия за счет внешней торговли. В сочетании с другими условиями, например, резервами, международной торговлей и продовольственной помощью, импорт только укрепляет продовольственную безопасность [280]. Согласно традиционному подходу, высокий уровень продовольственной безопасности позволяет обеспечить доступ как можно большего числа людей к продовольствию. То есть, наличие (предложение), происхождение продовольствия и применяемая страной внешнеторговая политика отличают концепцию продовольственной самообеспеченности от продовольственной безопасности.

Вопрос соотношения внутреннего производства и импорта продовольствия, как критерия продовольственной безопасности, остается дискуссионным. В отдельных источниках есть ссылки на количественное измерение продовольственной независимости от импорта: 75-80% объема национального потребления продовольствия должно приходиться на продукцию отечественного производства [63, с. 48; 78]. При 20-25 % доле импорта в совокупном потреблении возникает угроза для продовольственной безопасности страны [17, с. 31].

Но в силу различий в уровне экономического развития стран, специфики их аграрных производств, зависимости от импорта и прочих

факторов, рекомендуемый показатель не может быть универсальным для всех стран. Поэтому к настоящему времени в мире сложилось несколько стратегий обеспечения национальной продовольственной безопасности, в которых соотношение внутреннего производства и внешних источников продовольственного обеспечения различно: *food self-sufficiency* и *food self-reliance*.

В качестве альтернативы продовольственной безопасности с 1996 г. в мире сформировалась концепция продовольственного суверенитета (*food sovereignty*). Она была предложена международным движением сельских жителей *La via Campesina* как ответ на прогрессирующий под воздействием глобализации и влияния Всемирной торговой организации (далее – ВТО) корпоративный продовольственный режим [114].

В таблице 2 представлено сравнение трех стратегий. Отметим, вопрос выделения данных стратегий и их характерных черт вызвал широкую дискуссию в научной литературе. Например, Л.Г. Ахметшина, М.Г. Порвадов, В.В. Носов и Н.Ю. Чернегов предлагают иную классификацию, выделяя в ней протекционистский, промежуточный и экспортоориентированный подходы к обеспечению продовольственной безопасности, в основу которой заложен уровень аграрного потенциала страны [80; 45]. J. Clapp применяет ко всем странам понятие *food self-sufficiency* без конкретизации источника происхождения продовольствия [124]. Р.Р. Гумеров и Н.В. Гусева предлагают выделять *food self-sufficiency* как стратегию самообеспеченности и *food self-reliance* как стратегию продовольственной самокупаемости [59]. По мнению автора, именно такой перевод наиболее точно отражает суть стратегии *food self-reliance*, по тому заимствован для использования в таблице 2.

Таблица 2 - Характеристика основных стратегий обеспечения национальной продовольственной безопасности

Признак сравнения стратегий	Стратегии обеспечения национальной продовольственной безопасности		Стратегия-альтернатива продовольственной безопасности
	Food self-sufficiency (продовольственная самообеспеченность)	Food self-reliance (продовольственная самокупаемость)	Food sovereignty (продовольственный суверенитет)
1	2	3	4
Внутреннее производство	В количестве, равном или превышающем потребляемое внутри страны	Эффективно только произведенное в рамках сравнительных преимуществ. В приоритете наличие продовольствия без требования к происхождению	Непромышленного характера общинными и семейными производителями с применением экологически безопасных и устойчивых методов
Сельское хозяйство (технологическая модель)	Промышленное, органическое	Промышленное, биологическое, органическое	Органическое
Торговля	В приоритете опора на собственное производство, недостаток которого может быть восполнен с помощью торговли	Либерализация. Используется в случае экономической эффективности. Укрепляет продовольственную безопасность	Угроза продовольственной безопасности. Продовольствие и сельское хозяйство исключены из торговых соглашений. Используется только в случае несоответствия внутреннего производства потребностям
Импорт	Ограничен. Используется для восполнения баланса	Необходим для обеспечения разнообразия и восполнения дефицита продуктов питания	Минимальный, в критических случаях
Экспорт	Возможен	Обязателен (поступления доходов от экспорта способствуют удовлетворению потребности в импорте)	Ориентация производства на местные рынки. Экспорт при наличии излишков в регионах-производителях

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Характерные черты стратегии	Государственный контроль над производством и распределением продовольствия; развитие территорий сельскохозяйственного назначения; повышение качества жизни на селе; развитие АПК страны; таргетирование минимального внутреннего производства	Использование сравнительных преимуществ. Пашня может использоваться для производства более рентабельной непродовольственной продукции, а продукты питания обеспечены внешней торговлей. Устойчивость внешних поставок продовольствия гарантируется общеэкономическим потенциалом страны	Доступ фермеров на локальные рынки; субсидии без ущерба для других стран; еда должна быть полезной для здоровья, доступной, местной и соответствующей культурному фону; господдержка сельского хозяйства; запрет на демпинг и монополию; принципы агроэкологии и устойчивого сельского хозяйства; запрет использования ГМО
Обеспечение продовольственной безопасности на всех уровнях	Не гарантировано		
Примеры стран	Российская Федерация; страны, практикующие импортозамещение	Страны Европейского союза; Япония; США; Канада; Аргентина	Страны Латинской Америки: Боливия, Венесуэла, Эквадор, Никарагуа; страны Африки: Сенегал, Мали
Примечание – Промышленное сельское хозяйство интенсивно использует ископаемое топливо; в биологическом используются биомассы и биотехнологии, в том числе ГМО; в органическом применяются принципы агроэкологии (экологические и социальные проблемы и экологический подход), требуется сертификация.			

Источник: составлено автором по [59; 80; 118, с. 2; 122; 142, с. 1991; 166, с. 2; 257].

Решение о выборе стратегии каждая страна принимает самостоятельно, как было рекомендовано на Всемирном продовольственном саммите в 1996 г., - «в соответствии с ресурсами и возможностями, для

достижения своих индивидуальных целей и для сотрудничества на региональном и международном уровнях в целях принятия коллективных решений по глобальным проблемам продовольственной безопасности» [280].

Несмотря на освещение отдельных вопросов, связанных с влиянием внешних факторов на продовольственную безопасность, отечественными и зарубежными авторами, внешнеэкономические факторы в полной мере не определены. А имеющиеся классификации (О.В. Ильина, Н.В. Святохо, З.М. Ильина, В.Г. Гусаков и В.И. Бельский, Б.А. Мельников, П.Н. Ломакин, Н.С. Безматерных) [17; 18; 35; 48; 65; 86] не отражают всех актуальных для современных условий развития глобальной экономики факторов и не дают реального представления об их действии и взаимосвязи.

Под внешнеэкономическими факторами обеспечения продовольственной безопасности автор понимает совокупность движущих сил и экономических механизмов, связанных с глобализацией экономики и развитием международного разделения труда. Важно отметить следующие положения:

- при разных обстоятельствах одни и те же внешнеэкономические факторы могут быть как угрозой продовольственной безопасности, так и способствовать ее достижению, а также воздействовать прямо или косвенно;
- внешнеэкономические факторы могут оказывать влияние на все уровни продовольственной безопасности (глобальный, региональный, национальный и уровень домашнего хозяйства);
- действие нескольких независимых друг от друга внешнеэкономических факторов может совпадать во времени;
- внешнеэкономические факторы могут стать причиной возникновения друг друга и внутренних факторов, но изначально они не являются взаимообусловленными.

В таблице 3 представлена классификация внешнеэкономических факторов, влияющих на продовольственную безопасность в современных условиях развития глобальной экономики.

Таблица 3 - Классификация внешнеэкономических факторов обеспечения продовольственной безопасности

Название группы факторов	Классификационный признак	Факторы (наиболее распространенные)
1	2	3
Общеэкономические	Состояние мировой экономики и мировой продовольственной системы	- Темп роста мировой экономики; - Сельское хозяйство в мировом валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) или в валовой добавленной стоимости (далее – ВДС); - Занятость в сельском хозяйстве
Ценовые	Цены на продовольственные сырьевые ресурсы	- Экспортная цена; - Импортная цена; - Внутренняя цена; - Валютный курс
Внешнеторговые	Внешняя торговля агропродовольствием	- Экспорт; - Импорт; - Резэкспорт; - Реимпорт
Инвестиционно-финансовые	Финансирование АПК с помощью иностранного капитала	- Прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ); - Деятельность МНК; - Иностраный кредит/заем
Протекционистские	Внешнеэкономическая государственная деятельность, связанная с продовольственным обеспечением страны	- Таможенно-тарифное регулирование; - Нетарифные меры; - Субсидии и компенсационные меры; - Санитарные и фитосанитарные меры; - Технические барьеры; - Антидемпинговые меры; - Иные защитные меры; - Импортозамещение
Дестабилизационные	Ситуации (чрезвычайные/ неконтролируемые), влияющие на продовольственное обеспечение	- Кризисы; - Санкции и геополитическая напряженность; - Эпидемии, пандемии; - Конфликты, войны; - Природные катаклизмы, погодные условия; - Научно-технический прогресс

Продолжение таблицы 3

1	2	3
Интеграционные	Процессы регионализации и трансрегионализации, влияющие на продовольственное обеспечение	- Интеграция/ дезинтеграция; - Соглашения нового типа (всеобъемлющие партнерства); - Международное сотрудничество в АПК: научно-техническая, инновационная деятельность; совместные предприятия; участие в глобальных/региональных производственно-сбытовых цепях
Механизмы глобального управления	Членство в специализированных международных организациях/комиссиях; участие в международных конференциях, форумах, многосторонних мероприятиях, связанных с продовольственным обеспечением и сотрудничеством в области АПК	- Регламенты; - Стандарты; - Нормы; - Консультации; - Конвенции
Гуманитарные (безвозмездные)	Донорство в предоставлении международной помощи	- Продовольственная помощь

Источник: разработано автором.

Рассмотрим подробнее группы внешнеэкономических факторов, приведенных в таблице 3.

1) Общеэкономические факторы. Зависимость роста масштабов голода и недоеданий от замедления роста мировой экономики и ухудшения ее показателей была обоснована ФАО [31]. И если раньше производство продовольствия в большей степени было ориентировано на внутренний рынок потребления, то сейчас агропродовольствие является одним из основных товаров международного обмена. Это усиливает значение мировых товарных рынков и внешнеэкономических связей.

Решающую роль в производственно-сбытовой агропродовольственной цепи и, как следствие, обеспечении населения стран мира продуктами питания играет сельское хозяйство. Его доля в мировом ВВП по состоянию

на 2019 г. составляла 4,12%, увеличившись на 0,66% по сравнению с 2000 г. [290].

Сельское хозяйство, включая лесное хозяйство и рыболовство, является вторым в мире работодателем после сферы услуг [254]. Несмотря на снижение занятости в сельском хозяйстве в мире, что наглядно показано на рисунке Б.1, повысилась эффективность сельскохозяйственного производства, проявляющаяся в увеличении производительности труда. На рисунке Б.2 видно, что созданная в сельском хозяйстве добавленная стоимость возросла на 73% в период 2000-2019 гг. и составила 3,5 трлн долл. Динамика добавленной стоимости в разрезе стран-представителей разных регионов представлена на рисунке Б.3.

Рост численности населения и его благосостояние определяют общий спрос на продовольствие и модели потребления, под которые адаптируются внутреннее производство и внешняя торговля. По прогнозам ООН к 2050 г. население планеты увеличится на 2 млрд человек, составив 9,7 млрд человек, к 2080 г. – 10,8 млрд человек, а к 2100 г. – 11 млрд человек [181, с. 8]. Самыми быстро растущими континентами прогнозируются Африка и Азия (Южная и Юго-Восточная с возрастающей долей среднего класса), многие районы которых уже сегодня испытывают острую потребность в продовольствии.

По различным прогнозам, спрос на продовольствие к 2050 г. возрастет на 35-50% [160, с. 90]. Чтобы прокормить экспоненциально растущее население, глобальное производство продовольствия к 2050 г. должно будет вырасти более чем на 60% [257]. Пропорционально будет расти и экспорт. Динамика мирового производства продовольствия представлена в таблице В.1.

Несмотря на успехи мирового аграрного производства, неравенство доходов и безработица ограничивают доступ к продовольствию, усугубляют положение дел в состоянии продовольственной безопасности в мире и формируют разрыв между производством и потребностями в продуктах.

2) Ценовые факторы. Современный мировой продовольственный рынок функционирует на принципе «ценовой трансмиссии», то есть изменение цены на мировом рынке (экспортные цены) влияет на цену внутреннего рынка, равно как и наоборот [96]. Тем самым в последующем определяя степень доступности продовольствия для населения.

Термин из нефтяной отрасли нетбэк (netback) применим и к аграрным рынкам. В товарной отрасли, зависимой от импорта, внутренняя цена состоит из мировой цены и стоимости затрат на импорт продукта из-за границы, и может быть описана формулой (2)

$$P_{ВН}^{ИМП} = P_{МИР} + (C_{ИМП} + \pi_{ИМП}), \quad (2)$$

где $P_{ВН}^{ИМП}$ – цена импортируемого товара на внутреннем рынке;

$P_{МИР}$ – мировая цена этого товара;

$C_{ИМП}$ – затраты на импорт, включая транспортно-логистические расходы, денежное выражение пошлин и технических барьеров на пути продвижения товара;

$\pi_{ИМП}$ – прибыль импортера.

И наоборот, в случае превышения возможностей национального производства над потребностями внутреннего рынка, цена на нем будет формироваться как мировая цена за вычетом затрат на экспорт и прибыли экспортера, что показано в формуле (3)

$$P_{ВН}^{ЭКСП} = P_{МИР} + (C_{ЭКСП} + \pi_{ЭКСП}), \quad (3)$$

где $P_{ВН}^{ЭКСП}$ – цена экспортируемого товара на внутреннем рынке;

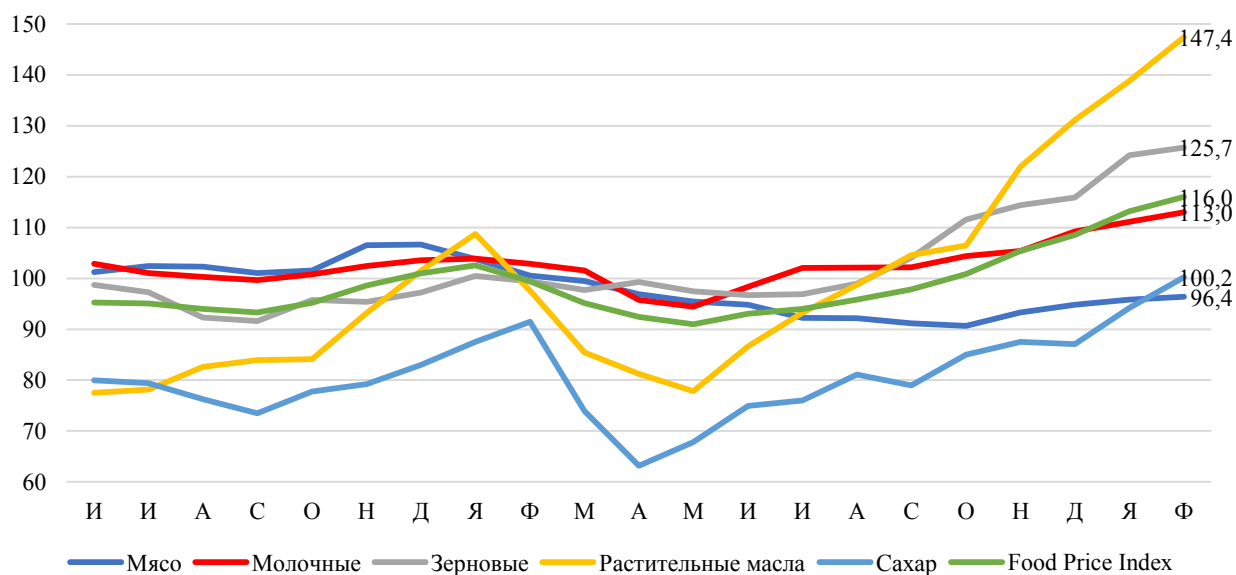
$P_{МИР}$ – мировая цена;

$C_{ЭКСП}$ – затраты на экспорт, включая транспортно-логистические расходы, денежное выражение пошлин и технических барьеров на пути продвижения товара со стороны стран-импортеров;

$\pi_{ЭКСП}$ – прибыль экспортера [194].

Особую окраску данная проблема получила в результате пандемии COVID-19 в 2020-2021 гг. «Ограничительные меры, принятые отдельными странами для смягчения последствий коронавирусного давления на национальные продовольственные системы, серьезно влияют на мировую торговлю и уровень цен» [103, с. 112].

До мая 2020 г. мировые цены на продовольственные сырьевые товары находились в нисходящем тренде, который изменился в начале 2021 г., как показано на рисунке 3. В феврале 2021 г. среднее значение Индекса продовольственных цен ФАО (FFPI) составило 116,0 пункта, увеличившись на 16,6 пункта по сравнению с прошлогодним показателем и показав абсолютный рекорд с июля 2014 г. Годовое изменение индексов следующее: на зерновые +26,5% (существенно за счет сорго), на растительное масло +51,1% (из-за пальмового, соевого, рапсового и подсолнечного масел), на молочные продукты +9,9%, на сахар +9,6%. Снижение на 4,1% показал только индекс цен на мясо.

Источник: составлено автором по материалам [257].

Рисунок 3 – FFPI, июнь 2019 г. – февраль 2021 г.

П р и м е ч а н и е – Индекс продовольственных цен ФАО (FAO Food Price Index, FFPI) показывает ежемесячное изменение международных цен на корзину из 5 товарных групп (23 сырьевых товаров и 73 ценовых рядов). Введен в 1996 г. для мониторинга развития событий на мировых рынках сельскохозяйственной продукции.

Волатильность мировых цен на продовольственные сырьевые товары, порой не обоснованная реальным соотношением спроса и предложения, затрудняет обеспечение продовольственной безопасности. Рост цен воздействует на население и в большей степени сказывается на потребителях с низкими доходами, ослабляя экономическую доступность продовольствия.

3) Внешнеторговые факторы. По мнению ФАО, международная торговля в совокупности с открытой торговой политикой является основным инструментом для искоренения проблемы голода в мире.

Стратегический характер продовольственного обеспечения обуславливает возможность, а в некоторых случаях даже необходимость использования импорта продовольствия для сглаживания шоков предложения и достижения продовольственной безопасности.

Из таблицы 4 видно, что в зарубежной и отечественной литературе высказываются различные точки зрения о роли внешней торговли в обеспечении продовольственной безопасности.

Таблица 4 - Значение внешней торговли для обеспечения продовольственной безопасности

Позиция	Пояснение	Авторы
1	2	3
Торговля – прямая угроза продовольственной безопасности	Страна может утратить часть своей продовольственной независимости	G. Lawrence, P. McMichael, А.М. Ажлуни, А.М. Ребась, Л.А. Кормишкина, Н.Н. Семенова
	Происходит развитие иностранных товаропроизводителей в ущерб отечественным. Страна теряет часть внутреннего рынка. МНК и др. инвесторы увеличивают прибыль за счет малых субъектов хозяйствования. Ухудшается развитие сельского хозяйства и инфраструктура	P. McMichael, S. Murphy, D. Burch, J. Clapp, Я.Э. Жукова, Ю.М. Зверева
	Смена состава импортеров и снижение диверсификации источников импорта сказываются на качестве, разнообразии и цене товаров, отражаясь в первую очередь на безопасности наиболее уязвимых слоев населения	P. Warr, С.В. Киселев
	Транснациональная взаимозависимость привязана к стабильности ПМС	M. Jaworska

Продолжение таблицы 4

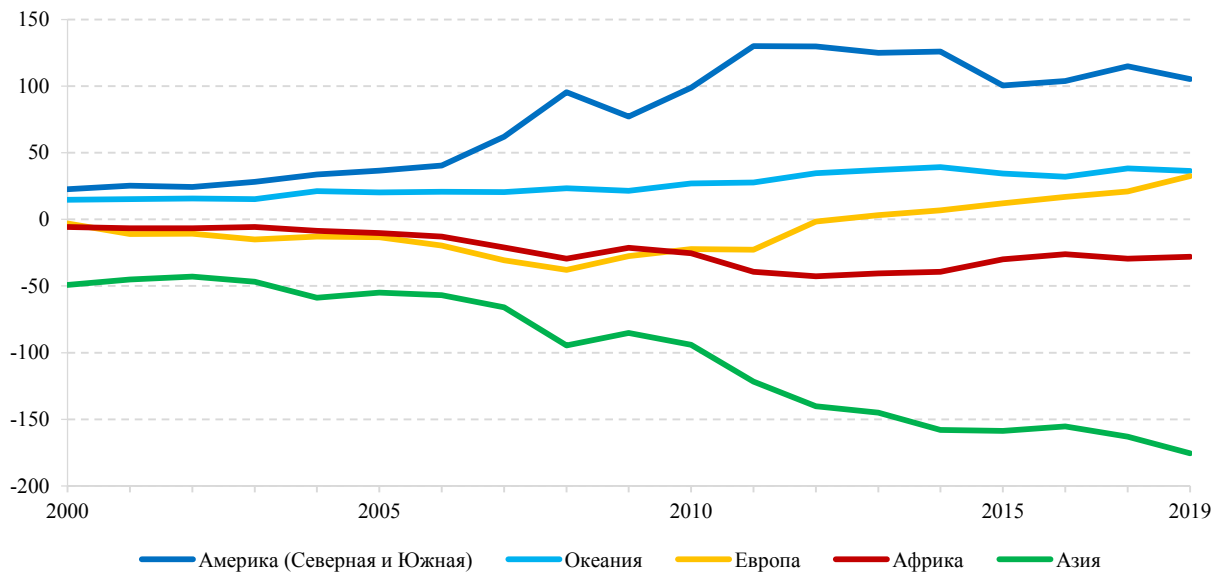
1	2	3
Торговля как способ повышения продовольственной безопасности	Импорт решает проблемы, которые не могут полноценно удовлетворяться внутренними усилиями страны: голод, недоедание, улучшение питания, преодоление сезонности производства, совершенствование воспроизводства через распространение высокопродуктивных пород животных, видов птиц и рыб и др.	Н.С. Волостнов, А.Л. Лазутина, Т.Е. Лебедева, А.А. Хохлов, В.В. Жаринов, Ю.В. Задорожный, Н.А. Барышникова, О.М. Кирилюк
	Внешние и внутренние источники продуктов питания имеют равное значение для достижения продовольственной безопасности в мире	Международные эксперты, ФАО
	Благодаря перемещению из регионов с избытком в регионы с дефицитом продовольствия («трансмиссионный пояс») стабилизируются мировые цены, рационализируется ведение сельского хозяйства	P. Lamy
	Растут доступность и потребление продовольствия	P. Dorosh, A. Thow, C. Hawkes

Источник: составлено автором по материалам [42, с.89; 44, с. 105; 47; 53, с. 270; 70, с. 3; 129; 145; 150; 157; 158; 184; 188; 294].

На сегодняшний день импорт продовольствия полностью или частично обеспечивает питанием около 6,4 млрд человек или 4/5 населения Земли.

Но импорт продовольствия вовсе не означает отсутствия продовольственной безопасности в стране. Интересно, что около 20% экспорта реэкспортируется первой страной-импортером как прямо, так и косвенно через форвардное участие, то есть через встраивание в промежуточный товар для дальнейшей переработки.¹⁾ Поэтому многие импортеры продовольствия являются одновременно его экспортерами, как показано на рисунке 4. В то же время импорт в указанных регионах с 2000 г. непрерывно рос.

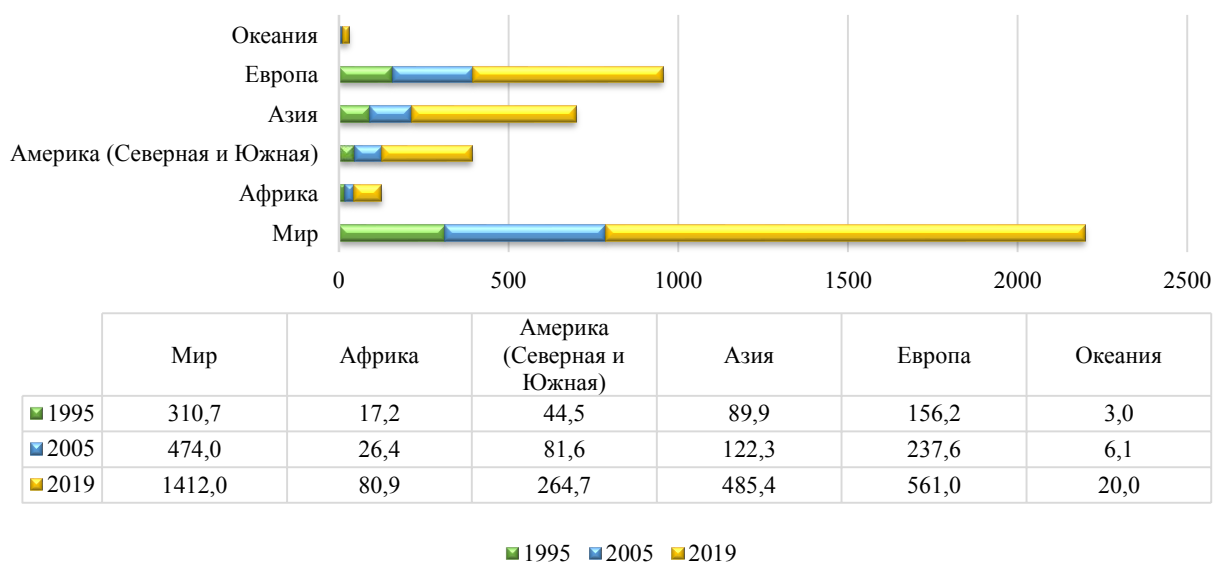
¹⁾ Global value chains in agriculture and food: A synthesis of OECD analysis // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers. – 2020. – № 139. – 25 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.1787/6e3993fa-en>. – ISSN 18156797.

Источник: [190, с. 19].

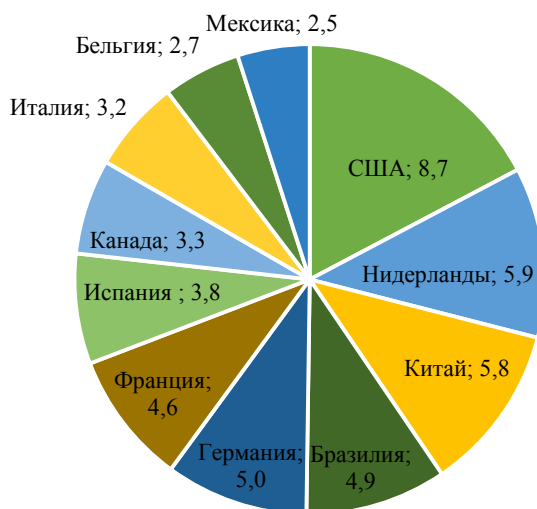
Рисунок 4 – Чистая торговля продовольствием по регионам в 2000-2019 гг., в миллиардах долларов

На рисунке 5 проиллюстрирована возрастающая роль импорта продовольствия во всем мире. С 1995 г. по 2018 г. доля импорта продовольствия в ВВП возросла в Германии (на 0,9% до 2%), Франции (на 0,6% до 1,8%), Японии (на 0,4% до 0,9%), Нидерландах (на 2,8% до 6,2%), в Великобритании (на 2,9% до 4,4%). При этом сократилась в Китае (на 1,1% до 1%), и Российской Федерации (на 0,9% до 1,5%).

Источник: составлено автором по материалам [189; 190].
Рисунок 5 – Импорт продовольствия по регионам (без рыбной продукции), в миллиардах долларов

Крупнейшие агроэкспортеры представлены на рисунке 6. При этом лидерство в мировом производстве по многим продовольственным группам существенно отличается от экспортного лидерства в стоимостном выражении, что отражено в таблицах В.1 и В.2.

Источник: составлено автором по материалам [190].

Рисунок 6 – Доля топ-10 экспортеров продовольствия в мировом экспорте по итогам 2019 г., в процентах

4) Инвестиционно-финансовые факторы. Исследования показывают, что приток ПИИ в АПК оказывает положительное и значимое влияние на экономический рост страны-реципиента и ее продовольственную безопасность [117; 146; 147]. Они способствуют передаче технологий, ноу-хау и более эффективных методов организации производственных процессов в развивающиеся страны, росту урожайности, улучшению качества сельскохозяйственной продукции, и как следствие – увеличению доли таких стран в мировом агропроизводстве и торговле [141].

Агропродовольственные ПИИ являются одной из основных стратегий МНК по встраиванию в глобальные цепочки создания стоимости, так как позволяют географически структурировать деятельность, создавать торговые каналы. ФАО отмечает, что такие ПИИ – способ локализации продовольственных поставок, поэтому могут не сопровождаться увеличением объемов импорта [31, с. 115].

Что касается оборотной стороны деятельности МНК, группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ) при КВПБ отмечает проблему влияния на развитие продуктовых линеек и технологий переработки. Проблема «революции супермаркетов» заключается в том, что МНК определяют вкусы и выбор потребителей, подрывают основы здорового питания, делая доступными дешевые переработанные пищевые продукты [223, с. 36, 65].

Иностранные инвестиции могут становиться угрозой для продовольственной безопасности. Зачастую ставки в таких инвестициях делаются на страны с высокой концентрацией пахотных земель в ущерб малым формам хозяйствования и развитию сельского хозяйства [148; 170]. Кроме того, ПИИ могут быть направлены на распространение различных форм неполноценного питания [119; 173].

Инвестиции в сельское хозяйство в мире незначительны по сравнению с промышленностью и услугами. Это объясняет низкую привлекательность сельского хозяйства для инвесторов в силу высокой капиталоемкости продукции и длительного периода окупаемости инвестиций. Увеличение их объемов во многом обусловлено заключением торговых соглашений.

По оценкам ОЭСР, инвестиции в пищевую промышленность (продовольствие, напитки и табак) опережают ПИИ в сельское, лесное хозяйство и рыболовство. Наиболее привлекательные для инвесторов в сельское хозяйство страны – Китай, Аргентина, Индонезия, Бразилия. В пищевую промышленность – США, Нидерланды, Бразилия и Соединенное Королевство [164, с. 12-14].

5) Протекционистские факторы. В соответствии с Римской Декларацией, регламентирующей основы обеспечения продовольственной безопасности в мире, «продовольствие не должно быть использовано в качестве инструмента политического и экономического давления» [280]. Однако продовольствие все чаще становится инструментом политического противоборства государств, экономического давления и достижения

геополитических целей. Манипуляция продовольствием с помощью таможенных барьеров, жонглирования квотами, демпинга, экономической блокады, санкций и контрмер дает возможность оказывать серьезное давление на внешнюю и внутреннюю политику отдельных государств.

С 2017 г. во всей торговой системе возросло применение политики протекционизма, о чем свидетельствуют обновленные данные Global Trade Alert [262]. В своей работе J.C. Bureau и J. Swinnen отмечают, что в течение последнего десятилетия богатые северные страны, в том числе государства Евросоюза, используя протекционистскую политику в рамках своей торговой политики, препятствовали развитию сельского хозяйства южных стран [121].

Напряженность в торговых отношениях между крупными экономиками ставит под угрозу будущее многосторонней торговой системы [230]. По прогнозам ОЭСР-ФАО, в ближайшее десятилетие темпы роста торговли сельскохозяйственной продукцией замедлятся [160].

Получившие в последнее время широкое распространение торговые войны предполагают защиту внутреннего продовольственного рынка и введение ответных мер, среди которых: ограничение доступа или полное закрытие внутреннего рынка для импорта, повышение самообеспеченности продовольствием, переход к политике импортозамещения и иное, связанное со снижением зависимости от зарубежных материально-технических средств и продукции. Результатом этого становятся замедление экономического развития, ухудшение макроэкономической ситуации и инвестиционной привлекательности страны. Такие ответные меры также могут оказать негативное воздействие на развитие АПК и доступность продовольствия для населения.

Вместе с тем торговые войны открывают возможности для продукции других стран. Так, в результате введения китайских тарифов на американский экспорт сои преуспела агропродукция Бразилии и Дальнего Востока.

Отнесение импортозамещения к внешнеэкономическим факторам может показаться дискуссионным. С одной стороны, это внутренний процесс, связанный с защитой национального рынка и обеспечением продовольственной безопасности. Однако импортозамещение тесно связано с такими внешнеэкономическими факторами как импорт и импортная политика, внешним санкционным давлением и т.п.

В ходе классического импортозамещения независимо от страны происхождения товара вводится полный запрет или повышаются тарифы, в результате чего внутренние цены растут, импорт сокращается, обостряется конкуренция и остаются те, кто предлагает продукт по более низкой цене. Современная парадигма импортозамещения имеет два варианта проявления: импорт вытесняется конкурентной отечественной агропродукцией или, как в российской практике, растет выпуск отечественной агропродукции в результате ограничения импорта.

2019-2021 гг. открыли новый взгляд на импортозамещение в мире. Все больше стран видят необходимость перехода к проведению такой политики, что обусловлено стремлением к продовольственной независимости. Так, например, оживилась Уганда, внедряющая инициативу Buy-Uganda-Build-Uganda (BUBU) для стимулирования местного производства ранее импортированных товаров в целях укрепления независимости [266]. В Самоа для поддержки продовольственной безопасности и замещения импорта было принято решение производить и коммерциализировать местные продукты с добавленной стоимостью, такие как безглютеновая мука из хлебного дерева, кокосовое масло, маргарин из авокадо и др. [245]. На импортозамещении сосредоточились и другие островные государства (Фиджи, Вануату, Тонге, Тувалу, Соломоновы острова), объясняя это стремлением к местному производству качественного по сравнению с импортным питания.¹⁾

¹⁾ Impacts of COVID-19 on the Food Systems in the Pacific Small Island Developing States and A Look into the PSIDS Responses // FAO. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.fao.org/in-action/food-for-cities-programme/news/detail/en/c/1278570/> (дата обращения: 20.06.2020).

Наиболее остро уже многие годы стоит вопрос субсидирования сельского хозяйства. Наименее конкурентоспособные экономически развитые страны дотируют сельское хозяйство в ущерб развивающимся странам, компенсируя потери отрасли и искусственно раскачивая рынок. Наполняя глобальный рынок, субсидируемая продукция наносит вред производителям стран, чьи правительства не оказывают поддержку отрасли, и делает уязвимыми к изменению мировых цен потребителей.

б) Дестабилизирующие факторы. ФАО отмечает, что в результате глобальных экономических кризисов сокращается приток капитала во всех его формах, включая помощь в целях развития; возрастает цена материально-технических ресурсов (семена, удобрения, др.) и импортного продовольствия; сокращаются располагаемые доходы домашних хозяйств, снижаются занятость и доступ к продовольствию; ухудшается качество питания вследствие сокращения расходов на продовольствие с высоким содержанием белка и необходимых питательных элементов (мясная, рыбная, молочная продукция, фрукты и овощи) [257]. Экономические потрясения могут трансформироваться в продовольственные кризисы, так как они продлевают и обостряют отсутствие продовольственной безопасности [31, с. 122].

Новый взгляд на актуальность продовольственного обеспечения позволила сформировать беспрецедентная пандемия COVID-19, превратившаяся в глобальный кризис. Он показал, что импорт продовольствия подвержен воздействию совокупности внешних ограничений, которые наряду с потерей занятости и сокращением доходов довлеют на спрос, уменьшают физическую доступность продовольствия, ухудшают качество питания, отражаются на здоровье людей, ограничивают доступ к продовольствию, еще больше обостряя проблему голода в мире [107].

Одной из серьезных проблем во время пандемии стало нарушение в поставках продуктов питания. Наряду с другими, ключевой причиной сбоев в

сети поставок стало нарушение глобальной транспортной логистики (судоходство и воздушный транспорт) [242; 271]. Логистические барьеры в основном влияют на поставки менее трудоемких, но более дорогостоящих скоропортящихся товаров, таких как фрукты, овощи и рыбная продукция. Это обостряет проблемы потери продовольствия и пищевых отходов, сказывается на доступности качественного питания. В результате сокращения летных маршрутов стоимость авиаперевозок скоропортящихся продуктов возросла в цене до 30%, а на некоторых маршрутах – до 50% [172].

Еще один тревожный фактор для обеспечения продовольственной безопасности – военные конфликты, политические беспорядки и войны. В последние годы связь между военными конфликтами и голодом стала более очевидной, устойчивой и тревожной. Голод встал в ряд наиболее эффективных орудий ведения войны. Согласно анализу ФАО/ВПП, на начало 2019 г. в восьми странах и регионах мира наблюдался беспрецедентный рост числа людей, находящихся на грани голодной смерти в результате вооруженных конфликтов – 74 млн гражданских лиц.¹⁾ Это Афганистан, Центральноафриканская Республика, Демократическая Республика Конго, Сомали, Йемен, Сирия, Южный Судан и страны бассейна озера Чад. Конфликты и нестабильность обостряют фазу отсутствия продовольственной безопасности, а также препятствуют оказанию гуманитарной помощи.

Кроме того, локальные ветеринарные проблемы становятся глобальными экономическими, так как сельское хозяйство подвержено распространению опасных инфекций внутри и вовне. Так, распространение африканской чумы свиней сократило поголовье Китая с 435 млн в 2018 г. до 175 млн в 2020 г., создав серьезный дефицит мяса и экономические проблемы, эквивалентные 140 млрд долл. [221]. Дефицит приводит к росту цен, разгоняя продовольственную инфляцию, а также вынуждает страну

¹⁾ Monitoring food security in countries with conflict situations. A joint FAO/WFP update for the United Nations Security Council (Issue № 5) // World Food Programme. – Текст : электронный. – 2019. – URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000107197/download/?_ga=2.195058860.1457691901.1639658314-1010236629.1639658314 (дата обращения: 19.08.2020).

наращивать импорт. За тот же период Китай был вынужден увеличить импорт свинины в полтора раза, до 1,3 млн т [221].

Нельзя не отметить и роль экологических проблем, которые стали результатом ускоренной интенсификации земледелия с целью увеличения урожайности на той же площади. Экономические последствия в среднесрочной перспективе будут обусловлены изменением сельскохозяйственной производительности в различных районах, перераспределением инвестиционных потоков, что скажется на продовольственной безопасности [112; 185; 258].

Всемирная метеорологическая организация предупреждает о наибольшем за всю историю наблюдений росте средней температуры на Земле [264]. Международным научным и политическим консенсусом признано, что в основе климатических изменений лежит усиление парникового эффекта из-за увеличения содержания углекислого газа (далее – CO_2) и метана (CH_4) в атмосфере. Исследование, опубликованное в журнале Science, свидетельствует о том, что примерно 26% совокупных выбросов парниковых газов, или 13,7 млрд. метрических т углекислого газа, приходится на всю продовольственную цепь поставок. Распределены они следующим образом: 31% выбросов приходится на животноводство и рыболовство, 27% – на растениеводство, 24% – на землепользование, остальные 18% составляют цепочки поставок, которые включают преобразование фермерских продуктов в конечную продукцию, транспортировку, упаковку и розничную торговлю [163].

Сохранение текущей интенсивности концентрации CO_2 в атмосфере и колебания температур грозят значимым изменением агроклиматической карты, распространением эпизоотий и эпифитотий, глобальным снижением производительности сельского хозяйства на 20% в течение ближайших 25 лет, а также снижением концентрации белка, микроэлементов и витаминов в урожае [194]. Изменение климата, которое уже сейчас оказывает неравномерное воздействие на разные регионы мира, изменяет условия

ведения сельского хозяйства, сказываясь на его продуктивности, фермерских доходах, ценах на сельскохозяйственное сырье и международной торговле продовольствием.

Под воздействием антропогенных факторов снижается продуктивность земельных ресурсов. Неконтролируемое использование антибиотиков, пестицидов и химических средств, а также биологические инвазии в виде не чувствительных к пестицидам вредителей и патогенов приводят к экологической деструкции почвы. В результате подрывается устойчивость всей социально-эколого-экономической системы: возникает риск засух и водного стресса, увеличивается эмиссия парниковых газов, происходят обезлесивание, вынужденная миграция, проблемы с продовольственной безопасностью, в отдельных случаях – кризисы, бедность и голод.

Сопутствующей обеспечению продовольственной безопасности проблемой также является сокращение продуктивности Мирового океана и биоразнообразия в результате применения агрессивных методов землепользования и водопользования, используемых в производстве продовольствия и сельском хозяйстве.

7) Интеграционные факторы. Глобальный рынок живет по правилам гиперспециализации: производственный процесс делится на отдельные распределенные между различными странами этапы, каждый из которых добавляет ценность производимому продукту или услуге. То есть стать мировым лидером в рамках всего производственного цикла без кооперации с партнерами из других стран – трудная задача. Сегодня 70% международной торговли приходится на промежуточные товары в глобальных производственно-сбытовых цепях (далее – ГПСЦ): услуги, сырье, детали и компоненты [275].

Интегрируясь в глобальную/региональную цепочку создания стоимости, страны не создают отрасли с нуля, они могут воспользоваться преимуществами промышленных баз, ресурсов, технологий повышения

производительности и управленческих методов партнеров, что ускоряет их индустриализацию и развитие [275]. Кроме того, торговля в рамках ГПСЦ усиливает эффект стандартной торговой интеграции. Фрагментация производства позволяет выходить на внешние рынки с меньшими издержками, извлекать выгоду из специализации на нишевых задачах и получать доступ к более крупным рынкам для сбыта своей продукции.

Особую значимость приобретает международное научно-техническое сотрудничество. Для многих национальных АПК зависимость от импортных поставок семенного материала, племенного скота, сельскохозяйственной техники, машин и оборудования является критической. Поэтому страны все чаще обращаются к региональным индустриальным и инфраструктурным инициативам по созданию собственных производств и/или кластеров в АПК (агрокластеров), в том числе в рамках международного интеграционного сотрудничества [77; 113].

Отличительной особенностью современной глобальной экономики становится рост числа региональных интеграционных соглашений, а также формирование крупных межгосударственных альянсов нового типа – экономических мегартнерств. Они связаны с процессами мегарегионализации или трансрегионализации и предполагают создание качественно новых условий для развития сотрудничества с ликвидацией тарифных, нетарифных и иных технических барьеров, препятствующих торговле [39, с. 8]. Вопросам сельского хозяйства уделяется особое внимание в подобных соглашениях, что объясняется чувствительностью отрасли.

Например, соглашение ЕС-Канада (Comprehensive Economic and Trade Agreement, СЕТА) предполагает устранение почти всех таможенных сборов (98-99%), увеличение квот на поставки молочной продукции из стран ЕС и канадского мяса (говядины и свинины) в ЕС и др. сельскохозяйственных продуктов [39, с. 54-57].

Североамериканское соглашение о свободной торговле США-Мексика-Канада (United States-Mexico-Canada, USMCA) предполагает

свободный доступ американской молочной продукции, птицы и яиц на канадский рынок и отказ Канады от субсидирования молочной промышленности [39, с. 25].

Подобная интенсификация экономических отношений в форме партнерств приводит к фундаментальным изменениям в структуре агропроизводства, влияет на продовольственную безопасность стран-участниц.

8) Механизмы глобального управления. Сотрудничество в области развития сельского хозяйства и обеспечения продовольственной безопасности на всех уровнях занимает одно из ключевых мест в повестке межстранового взаимодействия. Все большее воздействие на государственное регулирование сельского хозяйства оказывают международные договоры, соглашения, конвенции и декларации, принятые в рамках форумов, конференций, многосторонних мероприятий.

Системообразующими звеньями обеспечения глобальной продовольственной безопасности являются ФАО, ВОЗ, МФСР, ВПП, Международная организация по стандартизации (ИСО) и др. Этими международными институтами разрабатываются и реализуются проекты и программы, способствующие продовольственному насыщению мирового рынка и решению проблемы голода в мире, а также разрабатываются стандарты и регламенты, гармонизирующие национальные и международные системы регулирования для обращения продукции на мировом продовольственном рынке. Многие из регламентов носят добровольный референсный характер, как, например, продукт деятельности ФАО/ВОЗ «Кодекс Алиментариус».

Большое значение играет Всемирная торговая организация, основной задачей которой является либерализация и регулирование международной торговли агропродовольствием. Однако в последнее время происходят систематические всплески протекционизма и торговых противоречий среди участников, которые все чаще апеллируют к статье XXI ГАТТ 1947 –

исключение по соображениям безопасности, в соответствии с которой страна может принять любые действия для защиты национальной безопасности.

На Повестке продолжающегося с 2001 г. Дохийского раунда переговоров стоят вопросы о расширении доступа сельскохозяйственных товаров развивающихся стран на развитые рынки, о существенном ограничении внутренней поддержки (в том числе сокращение мер голубой и желтой корзины), об использовании специального защитного механизма (СЗМ), постоянного решения о создании запасов продовольствия в целях обеспечения продовольственной безопасности. В 2015 г. в Найроби организацией было поддержано предложение Кернской группы о полном запрете использования экспортных субсидий аграриям всеми странами к 2030 г. Это касается завуалированного субсидирования, требований к экспортным кредитам, деятельности государственных предприятий на рынке агропродукции и оказания международной продовольственной помощи.

П р и м е ч а н и е – Согласно правилам ВТО, меры государственной поддержки классифицируют в три корзины. «Желтая» – внутренняя поддержка: ценовая поддержка, субсидии, связанные с объемами производства, возмещение затрат. «Голубая» – ограничение производства. «Зеленая» – не искажающие торговлю: стимулирование подготовки кадров, охрана окружающей среды, региональное развитие и др.

ВТО создает единое правовое поле во внешней торговле агропродовольствием и определяет «правила игры» для ее участников, которые зачастую задают вектор развития отрасли.

9) Гуманитарные факторы. Проблема голода в мире решается в том числе посредством оказания продовольственной помощи. В этом контексте продовольственная помощь способствует достижению продовольственной безопасности через создание инфраструктуры и рабочих мест, совершенствование внутреннего производства и расширение потребительского выбора [159].

Однако ученые разных времен отмечают, что гуманитарная помощь может подрывать возможности и стимулы принимающих ее стран к самостоятельному обеспечению продовольствием, ухудшая впоследствии

состояние продовольственной безопасности и увеличивая продовольственную зависимость [126; 174; 243]. В своем исследовании А.Ю. Белугин делает вывод, что исторически оказание продовольственной помощи было своеобразной формой экспортного роста развитых стран [49, с. 132].

Таким образом, наряду с приоритетными внутренними факторами на обеспечение продовольственной безопасности влияет широкий спектр внешнеэкономических факторов. Стержневым фактором является внешняя торговля агропродовольствием и сельскохозяйственными ресурсами, ее соотношение с национальными производственными возможностями. Это определяет стратегию обеспечения национальной продовольственной безопасности страны.

1.3 Концептуальные подходы к обеспечению национальной и региональной продовольственной безопасности

Проблема обеспечения продовольственной безопасности и ликвидации голода проявляет себя на различных уровнях управления. Рассмотрим проблемы и механизмы обеспечения продовольственной безопасности на национальном и интеграционном (региональном) уровнях на примерах Японии и стран Европейского Союза, которые представляют интерес с точки зрения темы и содержания данного исследования. Конечно, здесь не будет прямых аналогий, так как в мире невозможно найти примеры, которые будут на 100% приемлемы для России. Россия – уникальная страна, обладающая более 10% территории суши, но имеющая недостаточно развитое сельское хозяйство. Поэтому российская политика обеспечения продовольственной безопасности должна учитывать опыт многих стран и различных интеграционных объединений.

Политика национальной продовольственной безопасности Японии. Хотя Япония отличается более высоким уровнем жизни населения,

специфическими условиями развития сельского хозяйства (островная страна с ограниченными земельными ресурсами) и традициями питания, ее опыт безусловно интересен для России. Во-первых, наши страны сопоставимы по численности населения. Во-вторых, Япония является членом ВТО более 25 лет. Ее опыт адаптации и защиты национальных интересов в области сельского хозяйства с учетом высокого уровня субсидирования этой отрасли государством полезен для России, недавно завершившей имплементационный после вступления в ВТО период. В-третьих, сельское хозяйство является стратегической отраслью экономики Японии и заметным источником экспорта. В-четвертых, несмотря на чувствительность сельского хозяйства к внешним условиям, Япония активно участвует в либеральных зонах свободной торговли, которые предполагают обнуление импортных пошлин. В-пятых, Япония входит в четверку крупнейших мировых импортеров продовольствия после ЕС, США и Китая [267]. Россия и другие страны ЕАЭС заинтересованы в поставках продовольствия в Японию и нуждаются в изучении ее политики продовольственной безопасности.

Наконец, важно и то, что Япония – это страна долгожителей. По средней продолжительности жизни она уже много лет лидирует в мировом рейтинге. По данным ВОЗ, с 2000 г. (81,1 год) она возрастала и на декабрь кризисного 2020 г. составляла 84,3 года, что формально ставило Японию на 1 место среди всех крупных государств планеты [293]. Важную роль в таких показателях играет качество питания японского населения, что подтверждают многочисленные исследования [186; 270].

Продовольственная проблема для Японии – исторический вопрос, обострившийся в результате потери азиатских колоний после Второй мировой войны, которые полностью обеспечивали страну продовольствием.

Аграрная реформа 1946 г., в ходе которой изменилась система землевладения, была искоренена крестьянская нищета, государством стало поощряться кооперирование, способствовала подъему сельского хозяйства. В отличие от многих других стран, сельское хозяйство Японии было

самодостаточным и успешным. Это было обусловлено ориентацией на внутренний спрос, независимостью от мирового рынка продовольствия и проведением политики жесткого аграрного протекционизма, которая открывала доступ только той продукции, которая не относилась к традиционному японскому рациону и производство которой было ограничено природно-климатическими условиями. При этом государство поддерживало национальных производителей через механизм гарантированных закупочных цен на основное продовольствие, в частности на рис. Это гарантировало сбыт и компенсацию издержек, так как государственная закупочная цена покрывала производственные расходы.

Интернационализация хозяйственных связей ослабила государственное регулирование аграрного сектора, уступая место рыночным механизмам. В 1995 г. Япония стала членом ВТО, открыв свой рынок для импортной продукции, даже в стратегических товарных группах. С момента подписания Соглашения Уругвайского раунда по сельскому хозяйству (URAA) вопрос обеспечения продовольственной безопасности стал решаться в том числе с помощью внешнеэкономических факторов.

Вопреки требованиям ВТО, доля сельскохозяйственных субсидий Японии в валовых доходах фермерских хозяйств в два раза превышает средний показатель по ОЭСР и составляет 41,3% [241]. Около 80% государственной поддержки осуществляется в форме искусственного поддержания цен, программ компенсации доходов и др. Так, по твердой цене государство закупает рис, пшеницу и ячмень у крестьян из средств государственного бюджета, а также устанавливает минимальные гарантированные цены на остальную продукцию. Японские исследователи отмечают, что субсидии фермерам настолько высоки, что многие занимаются сельским хозяйством в качестве вторичного бизнеса, приносящего стабильный доход [140]. При этом они не работают полный рабочий день, не внедряют инновации и не стремятся к конкуренции. Отсюда низкая

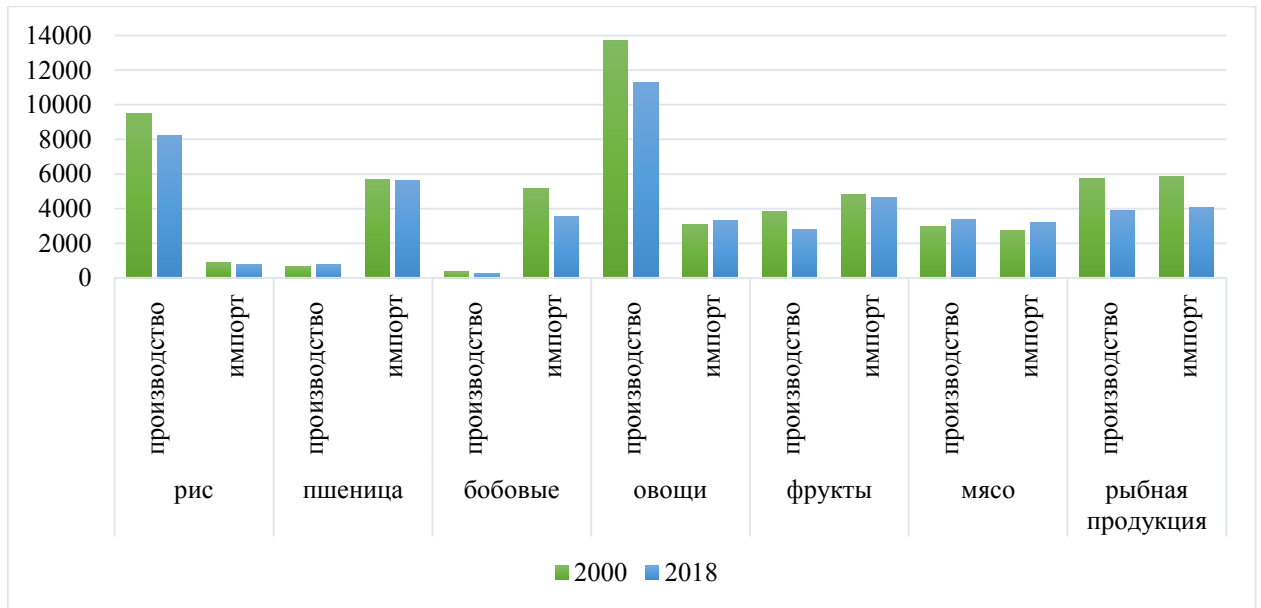
сельскохозяйственная производительность и проблемы с самообеспеченностью.

С 1960 г. по 2019 г. коэффициент самообеспеченности продовольствием по калорийности снизился с 79% до 37% [282]. Фактически, сегодня Япония на 60% зависит от импорта продовольствия, который компенсирует низкую самообеспеченность. И несмотря на то, что Закон о продовольствии отмечает важность увеличения внутреннего производства в целях повышения продовольственной самообеспеченности и наращивания экспорта, делает возможными корректировку тарифных ставок и ограничение импорта чувствительных продуктов (риса, пшеницы, говядины, свинины, молочных продуктов и сахара), статус нетто-импортера продовольствия имеет системный характер. Это объясняется тем, что национальные возможности Японии ограничены высокой численностью населения (126,2 млн чел. в 2020 г.), низкой занятостью в сельском хозяйстве (2,3 млн чел. в 2019 г. или 3,4% от совокупной занятости по сравнению с 5,8 млн чел. в 1980 г.), сокращением пашни (12% в 2019 г. по сравнению с 19,4% в 1961 г.) [282].

На рисунке 7 показана динамика производства и импорта, исходя из которой коэффициент продовольственной самообеспеченности (SSR) к 2019 г. составил 97% по рису, 12% по пшенице, 7% по бобовым, 77% по овощам, 38% по фруктам, 51% по мясу и 55% по рыбной продукции. В натуральном выражении на 13% за 19 лет возросло только производство мяса, в то время как в денежном – возросло по всем товарным группам (в общем объеме денежное выражение увеличилось на 8,3%).

Вопреки высокой импортозависимости, Япония занимает 8 место в GFSI 2021, благодаря качеству и безопасности питания, стабильному производству, низкому уровню продовольственных потерь, высокому уровню жизни.¹⁾

¹⁾ Global Food Security Index. Japan // The Economist. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Country/Details#Japan> (дата обращения: 10.01.2021).

Источник: составлено автором по материалам [282].

Рисунок 7 – Динамика производства и импорта по товарным группам, в тысячах тонн

Внешнеторговая либерализация привела к диверсификации («вестернизации») рациона питания японцев, который традиционно состоял из риса, рыбы, соевых бобов и сезонных овощей. В результате постепенно возрастает калорийность рациона, потребление белков и жиров, как показано на рисунке 8. Совокупное дневное потребление с 2016 г. по 2018 г. увеличилось на 3,5% до 2,1 кг/чел/день (+65 ккал). При этом возросло потребление мяса (+9%), куриных яиц (+19%), рыбной (+6,9%) и масложировой (+4,6%) продукции. В то же время снизилось потребление риса и рисопродуктов (-0,7%), зерновых (-0,76%), приправ и специй (-32,2%), молочной продукции (-17,1%).

То есть с одной стороны, изменились потребительские предпочтения и культура питания, а с другой стороны, рацион стал более качественным с точки зрения ассортимента и разнообразия как внутри, так и между продуктовыми группами. Исследователи также отмечают, что продолжающаяся вестернизация питания японцев оказывает благоприятное воздействие на здоровье (снижение цереброваскулярных заболеваний, инсультов и рака) и, среди прочего, на возрастающую продолжительность жизни японцев [186; 270].

Источник: составлено автором по материалам [273].

Рисунок 8 – Фактическое дневное потребление продовольствия на человека

Несмотря на ограниченный объем излишков, остающихся после насыщения внутреннего спроса, низкую ценовую конкурентоспособность продовольствия из-за высокой себестоимости, сельское хозяйство Японии ориентировано на экспорт. Таргетирование агропродовольственного экспорта является частью национальной экспортной стратегии: 18,5 млрд долл. к 2025 г. и 46,1 млрд долл. к 2030 г. в сравнении с фактическими 6,9 млрд долл. в 2019 г. (1% в совокупном экспорте Японии) [246; 288]. Основные экспортные поступления Япония получает за счет традиционной продукции: говядина (вогю), зеленый чай (сенча, матча), гребешки, рыба (желтохвост и морской лещ), соусы (карри, мисо, соевый), безалкогольные напитки (на основе зеленого чая, сладкого картофеля и риса), японское саке и др. алкогольные напитки.

П р и м е ч а н и е – Например, средняя оптовая цена японского риса в 2020 г. была в пять раз выше риса из Таиланда.

Для реализации экспортного потенциала повышается конкурентоспособность продукции, внедряются цифровые технологии на всех этапах создания стоимости сельскохозяйственного производства, включая электронную торговлю (e-commerce), и расширяется присутствие на быстрорастущем азиатском рынке [162].

Проводимая с 2013 г. политика «агрессивного сельского хозяйства» в целях повышения конкурентоспособности японской продукции реализуется через несколько стратегий. Стратегия FВI или японский бренд «Made in Japan» охватывает экспорт продукции с точки зрения использования продуктов и ингредиентов японской кухни в мировой кулинарии (F, from Japan; также реализуется через продвижение туризма как желание иностранных путешественников иметь доступ к продуктам японской кухни в своей стране) и экспансию японской культуры питания и пищевой промышленности за рубеж (B, by Japan). Укрепление бренда японской сельскохозяйственной продукции для дальнейшего экспорта реализуется через распространение системы защиты географических указаний (региональный бренд), которая закреплена законодательно [273]. Это характеризует качество, особенности (природно-климатическая зона и метод производства) и репутацию продукта, а также защищает его наименование.

Впоследствии стратегия FВI стала частью стратегии «Global Food Value Chain Strategy», нацеленной на повышение добавленной стоимости на всех этапах жизни продукта от производства до потребления через кооперацию и сотрудничество, которые в настоящее время реализуются или находятся на стадии обсуждения с Австралией, Бразилией, Вьетнамом, Индией, Индонезией, Камбоджей, Кенией, Китаем, Мьянмой, Россией, Таиландом, Узбекистаном, Филиппинами, Южной Африкой [273].

Например, в отношении России используется тактика проникновения на рынок через сотрудничество нескольких компаний. Зондируется возможность экспансии японских компаний на Дальний Восток с использованием японских технологий производства, переработки и сохранения свежести продуктов с дальнейшей ориентацией экспорта продовольствия на Азиатско-Тихоокеанский рынок (АТР) и в Европу через Транссибирскую магистраль, а также розничных компаний в Европейскую Россию (крупные города, включая Москву). В отношении дальневосточных

возможностей отмечается потенциал наиболее важных для японского рынка продуктов: не ГМО соя, зерновые и овощи, морские ресурсы [273].

Еще одним инструментом развития экспорта в целях обеспечения продовольственной безопасности стало размещение японских производственных мощностей за рубежом через создание самостоятельных или совместных предприятий. Так, Kobe Bussan Group приобрела 3 тыс. га земли в провинции Кена на юге Египта для производства пшеницы, помидоров, люцерны, ромашки, лемонграсса и базилика. На полностью пустынном ландшафте были построены подъездные дороги, распределительная сеть, оросительный трубопровод и 14 центральных ирригационных систем [261]. Стоит отметить, что планирование в данном случае сыграло определяющую роль: ставка была сделана на богатые ресурсы подземных вод Нила и отсутствие сорняков, избавляющее от необходимости загрязнять землю пестицидами и средствами для борьбы с ними. То есть через долгосрочные инвестиции в инфраструктуру японские компании обеспечивают внутренние потребности и содействуют решению продовольственной проблемы в мире.

Кроме того, Япония находит перспективные для себя форматы сотрудничества и каналы для торговли сельскохозяйственной продукцией, заключая региональные и трансрегиональные интеграционные соглашения. На 2021 г. в рамках ВТО подписаны, ратифицированы и нотифицированы 18 соглашений с участием Японии.

Важным является и то, что, участвуя в таких либеральных зонах свободной торговли, Япония оговаривает специальные условия для сельскохозяйственной продукции: устанавливает специальные ставки для расчета импортных пошлин, идет на снижение или даже обнуление импортных пошлин, предоставляет тарифные преференции развивающимся странам.

В отдельных случаях могут применяться методы нетарифного регулирования. Например, обязательное получение разрешения на

экспорт/импорт. Также применяются меры количественного ограничения (квоты), за превышением которых следуют высокие ставки импортных пошлин: на овощи, бобовые, зерновые и продукты их переработки, некоторую молочную продукцию, рис. Например, тариф на импорт риса, превышающий утвержденную квоту в 682 тыс. т, составляет 778% [20, с. 188-189]. Стоимость 1 кг риса вне квоты составляет 341 йену [201]. Так, получается, что японский потребитель платит за 1 кг риса в 5 раз дороже, чем, например, потребитель в США.

В рамках Всеобъемлющего и прогрессивного транстихоокеанского партнерства (далее – ТТП-11) Япония установила повышающуюся тарифную квоту на австралийский рис, должна снизить тарифы на мясную продукцию, пересмотрела квоты на сливочное масло и сухое обезжиренное молоко, а также должна отменить тарифы на некоторые виды сыров и молочные продукты.¹⁾

Соглашение об экономическом партнерстве с Европейским союзом (далее – JEЕРА) для Японии предполагает постепенную отмену таможенного тарифа на макаронные, сахарные, кондитерские изделия, твердые сыры, шоколад, говядину и свинину (аналогично условию в ТТП-11); отменен 15% тариф на вино; для обеих сторон сохраняются тарифные ставки на рис [240].

В результате наполнения японского рынка продукцией стран ТТП-11 и JEЕРА, сельскохозяйственный экспорт США, для которого Япония является третьим по объему рынком сбыта, стал терять свои конкурентные преимущества. В 2020 г. вступило в силу торговое соглашение с США (USJTA), которое предполагает снижение тарифа на свежие и замороженные говядину и свинину; отмену тарифа на миндаль, грецкие орехи, чернику, клюкву, сладкую кукурузу, зерно сорго, пищевые добавки, брокколи и

¹⁾ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership text and resources // New Zealand Foreign Affairs and Trade. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-cptpp/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-text-and-resources/> (дата обращения: 15.05.2021).

чернослив; поэтапную отмену тарифа на вино, сыр и молочную сыворотку, этиловый спирт, замороженное мясо птицы, обработанную свинину, свежую вишню, говяжьи субпродукты, замороженный картофель, апельсины, яичные продукты и томатную пасту; преференциальный доступ (нулевая квота) для Японии будет введен на пшеницу и пшеничные продукты, солод, фруктозу, глюкозу, кукурузный и картофельный крахмал. Япония при этом получит отмену или снижение тарифа на экспорт говядины, хурмы, зеленого чая, жевательной резинки, соевого соуса, некоторых кондитерских изделий и многолетних растений [269]. По оценкам Торгового представительства США, результатом выполнения положений соглашения станет беспошлинный или преференциальный доступ 90% американского продовольствия на рынок Японии [256].

А в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (РВЭП) Япония оставляет за собой высокие импортные пошлины на рис, пшеницу, говядину и свинину, молочные продукты и сахар, защищая таким образом чувствительные сектора [278].

Таким образом, опыт Японии показывает, что усиление роли внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности страны стало следствием либерализации торговых отношений в результате вступления страны в ВТО. Япония становится все более либеральной для импортной продукции и отдает предпочтение поставкам, формирующимся в рамках зон свободной торговли. При этом страна защищает интересы японских сельхозпроизводителей, обеспечивая достаточный уровень тарифной и нетарифной защиты, а также субсидируя отрасль, и стремится наращивать свои экспортные возможности.

Опыт обеспечения региональной продовольственной безопасности в Европейском Союзе. Одним из наиболее удачных примеров обеспечения продовольственной безопасности на уровне региональной интеграции является Европейский союз: 27 стран, объединенных территориальной близостью, однако различающихся между собой по уровню экономического

развития, природно-климатическим условиям, культуре питания и пищевым традициям.

Интеграционным стержнем по линии сельского хозяйства и продовольствия является Единая аграрная политика (The common agricultural policy, CAP, далее – ЕАП). С момента ее фактического утверждения 39 статьей Римского договора 1957 г.,¹⁾ она существенно реформировалась к 2013 г. От перепроизводства в целях ликвидации послевоенного продовольственного дефицита и искажающей рынок государственной поддержки ЕАП трансформируется в преодоление глобальных вызовов, достижение устойчивости и обеспечение продовольственной безопасности стран-участниц общего рынка.

На современном этапе ЕАП держится на трех опорах: поддержка доходов за счет прямых выплат фермерам; рыночные меры по борьбе с падением цен и спроса; развитие сельских территорий.

Прямые выплаты фермерам в поддержку дохода зависят от обрабатываемых ими гектаров. Они включают в себя обязательные платежи (базовый платеж; платеж за устойчивое использование земли; платеж молодым фермерам) и дополнительные платежи (платеж фермерам, ведущим сельскохозяйственную деятельность в районах с природными ограничениями; платеж за перепроизводство; платеж малым фермерам). При этом фермеры обязаны руководствоваться принципами устойчивости при ведении сельского хозяйства и соответствовать предъявляемым требованиям. Каждая страна самостоятельно реализует финансирование в рамках правового регулирования ЕС. Преодоление разрыва между выплатами разным странам и фермерам и их усреднение по ЕС регулируется механизмом внешней конвергенции.

Сельское хозяйство ЕС функционирует в рамках общего рынка, на котором действуют единые ценовые, санитарные, ветеринарные и иные

¹⁾ The Treaty of Rome // European Commission. – Текст : электронный. – 1957. – URL: https://ec.europa.eu/archives/emu_history/documents/treaties/rometreaty2.pdf (дата обращения: 18.06.2021).

правила в целях беспрепятственного обращения агропродовольствия.¹⁾ Для поддержания его стабильности принимаются меры рыночного вмешательства. При ведении внешней торговли сельскохозяйственной продукцией со странами, не входящими в ЕС, применяется Единый таможенный тариф. Европейская Комиссия (далее – ЕК, Комиссия) может квотировать импорт товаров со сниженной таможенной пошлиной. Кроме того, в отношении третьих стран могут применяться различные тарифные преференции.

По ряду отраслей, наиболее подверженным ценовым колебаниям, проводится государственное вмешательство: через механизм фиксированных цен или тендеры. Правительства стран ЕС покупают и хранят пшеницу, ячмень, кукурузу, рис, говядину и телятину, сливочное масло и сухое обезжиренное молоко до их последующей продажи. В таком случае фермерская продукция, при строгом соответствии стандартам качества, защищена от падения рыночных цен ниже гарантированного уровня. Такой подход обеспечивает физическую и экономическую доступность продовольствия. А также минимизирует риски для фермеров и гарантирует стабильное производство продовольствия.

Кроме того, при низких рыночных ценах организовано хранение продукции частного сектора. Это относится к белому сахару, оливковому маслу, говядине и свинине, овечьему и козьему мясу, сливочному маслу и сухому обезжиренному молоку, льняному волокну.

Для наиболее чувствительных к рыночной адаптации секторов предусмотрены специальные меры поддержки. В целях адаптации к рыночным условиям и повышения конкурентоспособности оказывается отраслевая помощь: по фруктам и овощам, вину, оливковому маслу, пчеловодству и хмелю.

¹⁾ Regulation (EU) № 1308/2013 – common organization of the markets in agricultural products // European Commission. – Текст : электронный. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:0302_1 дата обращения: 18.06.2021).

Перечисленные выплаты происходят из общего бюджета, который формируется и распределяется государствами-членами ЕС и управляется Комиссией. Бюджет аккумулируют Европейский фонд сельскохозяйственных гарантий (EAGF) и фонд развития сельских районов (EAFRD).

В настоящее время ЕАП находится в стадии очередного реформирования. Вектором будущих изменений (2023 г.) обозначены стабильная поддержка фермерства, охрана окружающей среды, сохранение роли сельского хозяйства в экономике союза, «упакованные» в 9 целей.¹⁾ Каждая из стран-участниц должна будет разработать стратегию достижения и финансирования этих целей в рамках ЕАП, которую утвердит ЕК. То есть, национальные действия независимы, но гармонизированы со стандартами и целями ЕС.

В ЕС действуют высокие требования к качеству и безопасности импортируемой и производимой сельскохозяйственной продукции. Комиссией установлены высокие стандарты безопасности продовольствия, применяемые ко всем секторам пищевой цепи «от поля до стола» (F2F): к производству сельскохозяйственной продукции и кормов, пищевой промышленности, хранению, транспортировке и розничной торговле продовольствием.²⁾ Функционирует Европейское агентство по безопасности продовольствия (European Food Safety Authority). Для обмена информацией о возникновении и распространении рисков, связанных с продовольствием и кормами для животных, создана система быстрого оповещения Rapid Alert System for Food and Feed.

Для ЕС, где пропагандируется здоровый образ жизни, характерна рассмотренная выше проблема качественного продовольственного

¹⁾ Future of the common agricultural policy // European Commission. – Текст : электронный. – URL: https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries/key-policies/common-agricultural-policy/future-cap_en#a-new-way-of-working (дата обращения: 18.06.2021).

²⁾ White Paper on Food Safety (2000) COM (1999) 719 final, Commission of the European communities // European Commission. – Текст : электронный. – 2000. – URL: https://ec.europa.eu/food/system/files/2018-09/gfl_white-paper_food-safety_2000_en.pdf (дата обращения: 18.06.2021).

обеспечения. Поэтому вопрос улучшения качества питания находится в фокусе внимания и отражен в системе регулирования.

Однако потребление свежих фруктов, овощей и молока в ЕС не соответствует международным и национальным рекомендациям по питанию. В то же время возрастает потребление обработанных пищевых продуктов, в которых часто содержится много сахара, соли, жира или добавок. Для ослабления масштабов данной проблемы ЕС контролирует обеспечение здорового питания детей от детского сада до средней школы (в частности, потребление фруктов, овощей, молока и молочных продуктов). В дополнение к этому регламентируются требования по сокращению выбросов отходов для пищевой промышленности.

В ЕС широко распространено использование инструмента государственных закупок (далее – госзакупок) продовольствия и услуг общественного питания. Во-первых, госзакупки продовольствия способствуют созданию рабочих мест, росту инвестиций, распространению инноваций, соблюдению экологических стандартов и достижению социальных целей внутри союза [99, с. 574].

Во-вторых, государственные закупки сезонных продуктов в ЕС оказывают благоприятное воздействие на экологию. Благодаря «зеленым госзакупкам» (Green public procurement, GPP) через короткие цепочки поставок сокращаются парниковые выбросы.

В-третьих, это один из способов поддержки малых местных производителей, который, к тому же, способствует развитию сельского хозяйства и делает региональную продовольственную систему более устойчивой. В ЕС поощряется обеспечение доступа малых и средних производителей к рынку государственных закупок. Для обеспечения доступа крупные контракты дробятся на мелкие лоты. В таком случае гарантируются более выгодные условия и лучшее качество продукции/услуги.

Наконец, государственные закупки продовольствия вносят вклад в распространение здорового питания в ЕС. Опыт Швеции, Финляндии, Дании,

Франции, Италии свидетельствует о том, что обязательным условием поставок все чаще становится включение органических продуктов [169; 178; 260]. Особенно это касается организации питания в учебных и медицинских учреждениях.

При организации госзакупок страны придерживаются национальных законодательств, специальных Директив ЕС и основных принципов Римского договора 1957 г. В соответствии с последними страны не могут устанавливать преференциальные условия для отечественных поставщиков, так как дискриминация на национальной основе запрещена. Однако в соответствии с Директивой 2014/24/ЕС по государственным закупкам в государственные контракты могут быть прописаны качественные, экологические или социальные критерии, что косвенно создает более благоприятные условия для фермеров отдельных стран.

Несмотря на нехватку некоторого продовольствия для внутренних нужд, ЕС занимает ведущую роль среди мировых производителей и экспортеров сельскохозяйственной продукции. Особый вклад в этот результат вносит продвижение продукции с защищенным географическим наименованием. Опубликованное в 2020 г. Еврокомиссией исследование показало, что продажи продукции и напитков с защищенным географическим указанием составили 75 млрд евро, пятая часть (15,5%) из которых ЕС экспортируется (половина объема – экспорт вина) [115]. В таком случае репутация и качество самого товара обеспечивают успех производителя, а также защиту от контрафакта при торговле с третьими странами.

Ключом стабильности внутреннего рынка признан баланс между импортом и экспортом сельскохозяйственных товаров. С 2011 г. сальдо торгового баланса сельскохозяйственной продукции динамично растет и по итогам кризисного 2020 г. составило рекордные 62,3 млрд евро. В экспорте преобладают сельскохозяйственное сырье (28,4%), готовая продукция (19,6%). 17,9% составляют продукты глубокой степени переработки с

добавленной стоимостью (масла, алкогольные напитки, шоколад, сыры, макаронные изделия и др.). При этом для производства такой продукции ЕС импортирует сырьевую базу из стран, не входящих в объединение: какао-бобы, кофе, свежую рыбу, орехи и др. В 2020 г. это составило 65% совокупного импорта.¹⁾ Основными покупателями европейской агропродукции являются Великобритания, США, Китай.

Важно также отметить, что внутренняя торговля агропродовольствием среди стран-членов ЕС стабильно почти в два раза превышает торговлю ЕС с третьими странами. Это подтверждает действие принципа приоритета произведенного в ЕС продовольствия над иностранным в целях обеспечения продовольственной безопасности.

Для наращивания экспорта за пределы ЕС ЕК финансирует мероприятия по продвижению агропродовольственных товаров как в регионе, так и за рубежом. Например, бюджет на 2021 г. составляет 182,9 млн евро.²⁾ Все кампании направлены на продвижение зеленого направления: органическая продукция, устойчивое сельское хозяйство, связь агропродовольственного сектора с климатом и окружающей средой, безопасность агропродовольствия и др. География действия кампаний – страны с высоким потенциалом роста: Япония, Южная Корея, Канада, Мексика.

Таким образом, сельское хозяйство в ЕС рассматривается с точки зрения многофункциональности – то есть его взаимосвязи с экологической, политической, социально-экономической ситуацией в регионе при сохранении культуры и традиций каждой из стран-членов интеграции. Поэтому ЕАП носит комплексный характер и включает в себя многосторонние меры.

¹⁾ Statistical Factsheet. June 2021 // European Commission. – Текст : электронный. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/food-farming-fisheries/farming/documents/agri-statistical-factsheet-eu_en.pdf (дата обращения: 20.06.2021).

²⁾ Promotion of EU farm products // European Commission. – Текст : электронный. – URL: https://ec.europa.eu/info/food-farming-fisheries/key-policies/common-agricultural-policy/market-measures/promotion-eu-farm-products_en (дата обращения: 20.06.2021).

В своей работе Э.С. Райнерт называет европейское сельское хозяйство «самым эффективным в мире», наравне с американским.¹⁾ ЕС признает давление на европейских фермеров со стороны внешнеэкономических факторов, в частности либерализации мировой торговли продовольствием, волатильности мировых цен, усиления конкуренции и колебания спроса. Поэтому в целях обеспечения интеграционной продовольственной безопасности ведение сельского хозяйства мотивируется на государственном уровне высокими субсидиями и протекционизмом. ЕС входит в число трех лидеров по общему объему субсидий в сельское хозяйство наравне с Японией и США. С 2010 года господдержка сельского хозяйства в ЕС остается стабильной на уровне около 19% [241].

Несмотря на успехи в производстве продовольствия и приумножении продовольственных резервов, продовольственная безопасность в ЕС рассматривается в качестве проблемы стабильного обеспечения населения региона продовольствием.

Таким образом, рассмотренные концептуальные подходы свидетельствуют о том, что внешнеэкономические факторы оказывают влияние на обеспечение продовольственной безопасности на национальном и региональном уровнях. Подтвержден предложенный автором методический подход: будучи экономически развитыми, исследуемые страны сфокусированы на обеспечении качества питания, а не на решении проблемы голода.

Выводы по 1 главе

Изучение теоретических и методических аспектов обеспечения продовольственной безопасности в первой главе диссертации позволяет констатировать следующее:

¹⁾ Райнерт, Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / перевод с английского Н. Автономовой; под редакцией В. Автономова; Государственный университет – Высшая школа экономики. – Москва : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2011. – С. 180. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-0816-9.

1) Несмотря на общность проблемы продовольственной безопасности и применимость универсальных характеристик, закрепленных римскими Декларациями 1996 и 2009 г. (традиционный подход), в современной глобальной экономике продовольственная безопасность специфична для разных стран: одни страны решают проблему голода, в то время как другие озадачены стремительным распространением неполноценного питания. И в том, и в другом случае обеспечение продовольственной безопасности связано с совокупностью внутренних и внешних факторов. Это позволяет определить продовольственную безопасность как состояние системы воздействия внутренних и внешних факторов на физический, социальный и экономический доступ к достаточной, безопасной, качественной пище в их непрерывном взаимодействии с изменяющимися условиями развития каждой конкретной страны.

2) Высокая взаимосвязь стран в условиях трансформирующихся процессов глобализации привела к усилению влияния внешних факторов на продовольственную безопасность. Под внешнеэкономическими факторами обеспечения продовольственной безопасности автор понимает совокупность движущих сил и экономических механизмов, связанных с глобализацией экономики и развитием международного разделения труда.

Были определены и обоснованы следующие обобщенные группы внешнеэкономических факторов: общеэкономические, ценовые, внешнеторговые, инвестиционно-финансовые, протекционистские, дестабилизационные, интеграционные, глобального управления и гуманитарные.

В современных условиях задача каждого государства состоит в поиске оптимального баланса между производственными возможностями национальной экономики (внутренними факторами) и обеспечением необходимым продовольствием с помощью внешнеэкономической деятельности (внешними факторами).

3) Изучение опыта Японии и Европейского Союза показало, что внешнеэкономические факторы оказывают влияние на обеспечение продовольственной безопасности как на национальном, так и на региональном уровнях. А также, что решение этой проблемы видится странам с точки зрения своего обеспечения качественным и безопасным продовольствием, независимо от источника его происхождения.

Глава 2

Роль внешнеэкономических факторов в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации

В первой главе была предложена обширная классификация внешнеэкономических факторов, влияющих на национальную продовольственную безопасность. В качестве наиболее релевантных факторов для изучения опыта Российской Федерации в современных условиях были выбраны: внешнеторговые, инвестиционные в разрезе деятельности МНК на территории России и поступающих в российский АПК прямых иностранных инвестиций, интеграционные в контексте участия России в ЕАЭС и международного сотрудничества в АПК с другими странами. А также импортозамещение как фактически внутренний защитный процесс, вызванный действием дестабилизационных факторов (санкций и геополитической напряженности) и определяющий дальнейшее действие внешнеторговых факторов. Эти факторы в той или иной мере и степени находят отражение в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации до 2030 г.

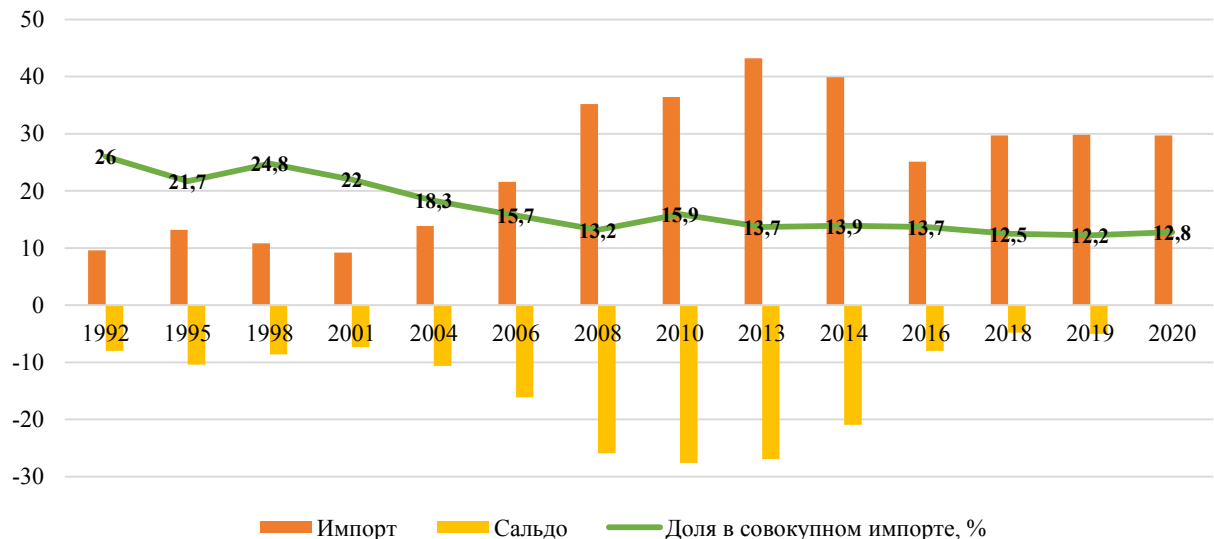
2.1 Россия в международной торговле агропродовольствием в условиях геополитической напряженности

Переосмысление роли аграрного сектора и дискуссии о продовольственной безопасности в России начались в начале 1990 гг. Сельское хозяйство РСФСР в то время серьезно деградировало: составляло 15,3% национального производства с занятостью в нем 13,9% населения [193]. И хотя Россия производила почти половину валовой продукции сельского хозяйства СССР, она была нетто-импортером агропродовольственной продукции из соседних республик и из-за границы,

так как собственного производства было недостаточно для обеспечения населения.

Правительство, опасавшееся гражданского недовольства, предпочитало доступный по цене импорт и игнорировало интересы отечественных производителей. Однако в то время это больше был вопрос противостояния политических сил и электорального выбора, нежели вопрос решения продовольственной проблемы. Достигшее предела саморазвития государственное сельское хозяйство обнажило две проблемы: недостаток внешних экономических стимулов деятельности предприятий и отсутствие мотивации труда внутри хозяйства. Решение состояло в принципиальном изменении основ сложившейся системы.

Аграрная реформа 1991 г. в ходе распада СССР, заключавшаяся в преобразовании государственных объектов (колхозов и совхозов) в частные фермерские хозяйства и аграрные компании, стала новым этапом в развитии аграрной отрасли России. Рыночная трансформация подтолкнула страну к либерализации хозяйственной деятельности и укреплению экономических связей с внешним миром. Одним из результатов стало снятие ограничений на зарубежный продовольственный импорт продукции, сельскохозяйственного сырья и необходимых для развития земледелия и животноводства материальных, технических, технологических средств. Притчей во языцех того времени стали слова министра финансов Б.Г. Федорова: «Наше сельское хозяйство убыточное... Будем продавать нефть, газ, металлы, лес и закупать продовольствие» [195]. В результате с 1992 г. по 2010 г. объемы импорта продовольствия увеличились в 3,8 раза, как показано на рисунке 9. Это стало представлять угрозу продовольственной независимости страны и национальной безопасности в целом.

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [236].

Рисунок 9 – Динамика внешней торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем (кроме текстильного) Российской Федерации в 1992-2020 гг., в миллиардах долларов

30 января 2010 г. Указом Президента № 120 был утвержден основополагающий инструмент экономической политики в агропродовольственном секторе – Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (далее – Доктрина 2020). Аграрный вопрос переместили с периферии в центр стратегического планирования, придав ему статус государственной проблемы. Основной идеей документа стало смещение фокуса с внешних факторов на решение внутренних проблем. Смысл свелся к росту собственного производства выделенных групп продовольствия, вопросу качества этого продовольствия и его доступности для населения. Таким образом, независимость от импорта и доступность для населения стали равнозначными приоритетными задачами.

В 2012 г. Правительством была утверждена Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности до 2020 г., в которую было заложено сокращение импортной продукции: по мясу на 67,8%, по молоку (29,9%), по овощам (70,3%), по плодово-ягодной продукции (20%), по винограду (54,6 %) [14].

Еще одним событием 2012 г. стало вступление в ВТО. Россия обязалась ограничить использование ряда инструментов экономической

политики в части господдержки сельского хозяйства по истечении имплементационного периода, то есть к началу 2018 г. В частности, сократить средневзвешенный импортный тариф на сельскохозяйственные товары почти в 1,4 раза до 11,3% (на 4,9% до 14,9% на молочные продукты, на 5,1% до 10% на зерно, на 1,9% до 7,1% на масла и жиры, на 20 долл. до 223 долл. за т сахара, на 75 евро до 45 евро за т риса); установить применение тарифных квот с последующим повышением ставок на говядину (15% до 55%), мясо птицы (25% до 80%), свинину (0% до 65%) и некоторые виды кисломолочных продуктов (10% до 15%) [294]. Кроме того, сократить максимально допустимый объем агрегированных мер поддержки (АМП, желтая корзина) на 4,6 млрд долл. до фиксированных 4,4 млрд долл. при поддержании продуктово-специфической АМП на уровне не выше 30% от продуктово-неспецифической АМП. Ожиданием было облегчение доступа российского экспорта на внешние рынки и, как следствие, его увеличение, а главным опасением – несдерживаемый приток импортной продукции и, как следствие, сокращение отечественных производителей.

Однозначного ответа о влиянии вступления России в ВТО на сельское хозяйство нет. С одной стороны, для России это репутационный вопрос, возможность быть полноценным членом мирового сообщества с правом участия в разработке правил международной торговли и с возможностью устранения дискриминационных мер в отношении российских товарных экспортных групп. Тем не менее, такая либерализация торговых правил явно противоречит стратегической логике обеспечения продовольственной безопасности, отраженной в Доктрине 2020 – курсу на снижение импортной зависимости.

Переломным моментом в вопросе импортной составляющей на российском аграрном рынке стала ответная реакция на ограничительные политические и экономические меры Запада. В августе 2014 г. Россия ввела запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, «страной происхождения которых являются государства, принявшие

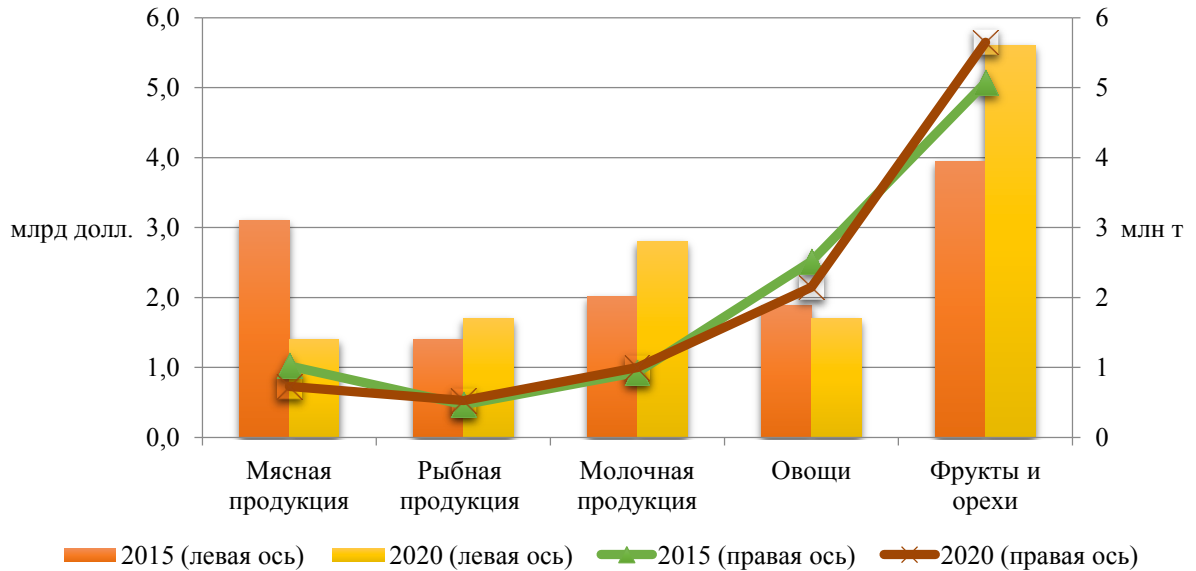
решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению» [10]. Ежегодно с 2014 г. запрет обновляется и пролонгируется. Ход российского продовольственного эмбарго представлен в приложении Г. Из представленных в нем данных видно, что под запрет сразу попали почти все основные агропродовольственные товары (мясная, молочная, рыбная продукция, овощи, фрукты и орехи). С течением времени санкционный список изменялся, добавились продукты молочной промышленности и соль. Но уже в течение месяца со дня его введения и в дальнейшем из него выводили важнейшие для отечественного АПК позиции, фактически обнажая его слабые места: семенной и племенной материал, витамины и добавки, мясное, овощное и молочное сырье для детского питания.

В результате начавшейся кампании по ограничению агропродовольственного импорта по некоторым позициям заметно снизилась продовольственная импортозависимость, что можно оценить на основе анализа динамики объемов импортных поставок сельскохозяйственного сырья и продовольствия и доли импорта в товарных ресурсах.

П р и м е ч а н и е – Товарные ресурсы – это товары, формируемые из объемов производства отечественных производителей, импортных поступлений и вовлечения товаров из запасов, которые могут быть использованы на производственное потребление, экспорт и реализацию (продажу) населению.

Доля отечественных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли возросла с 66% в 2014 г. до 72% в 2020 г. За тот же период в российской товарной структуре импорта доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья уменьшилась на 1,7% и составила 12,8%. С 2015 г. наибольшее сокращение в стоимостном объеме произошло по мясной продукции – 46%. Удельный вес импортной говядины в товарных ресурсах снизился в 1,7 раз, свинины – в 5 раз, птицы и мясных консервов – в 1,3 раза. Все изменения представлены в таблице Д.1.

Из рисунка 10 видно, что с 2015 г. незначительно сократился импорт овощей – 5%. В то время как возрос импорт рыбной продукции (+31,5%), молочной продукции (+36%), фруктов и орехов (+27,3%).

Источник: составлено и рассчитано автором по материалам [225].
Рисунок 10 – Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в Россию в 2015 г. и в 2019 г.

В 2020 г. в структуре импорта преобладали фрукты (бананы, яблоки, груши, мандарины, апельсины, виноград, лимоны и лайм), алкогольные и безалкогольные напитки (вина, виски, пиво солодовое, вода), молочные продукты (сыры, творог, сливочное масло, сухое молоко), мясная продукция, овощи (томаты, картофель, огурцы, морковь, лук, чеснок), рыбная продукция, семена и плоды (соевые бобы, жмыхи), растительные масла (пальмовое, соевое), какао и продукты из него и др. разные пищевые продукты. Товарная структура импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в Россию представлена в таблице Д.2. Таким образом, сохраняется импортная зависимость по ограниченным природно-климатическими условиями категориям, а также по готовой продукции.

Достижение положительного сальдо торгового агропродовольственного баланса является важным критерием достижения

продовольственной безопасности России. Это позволило поставить амбициозную цель по наращиванию экспорта продукции АПК до 45 млрд долл. к 2025 г. и начать активную реализацию политики экспортной ориентации [8].

Данная цель легла в основу Национального проекта «Международная кооперация и экспорт», в частности в федеральный проект «Экспорт продукции АПК» [12]. Его реализация предполагает расширение товарного ассортимента в результате технологического перевооружения отрасли, создание товаропроводящей инфраструктуры для экспорта, устранение торговых барьеров для беспрепятственного выхода российской агропродукции на целевые рынки, а также разработку системы ее продвижения и позиционирования – то есть обнажает слабые места на пути более глубокой интеграции России в глобальный рынок продовольствия.

На протяжении своей истории Россия была вовлечена во внешнюю торговлю сельскохозяйственной продукцией и даже занимала позицию одного из главных экспортеров продовольствия. Традиционно структуру экспорта составляли зерновые, продукция масложировой отрасли и др., как представлено в таблице 5.

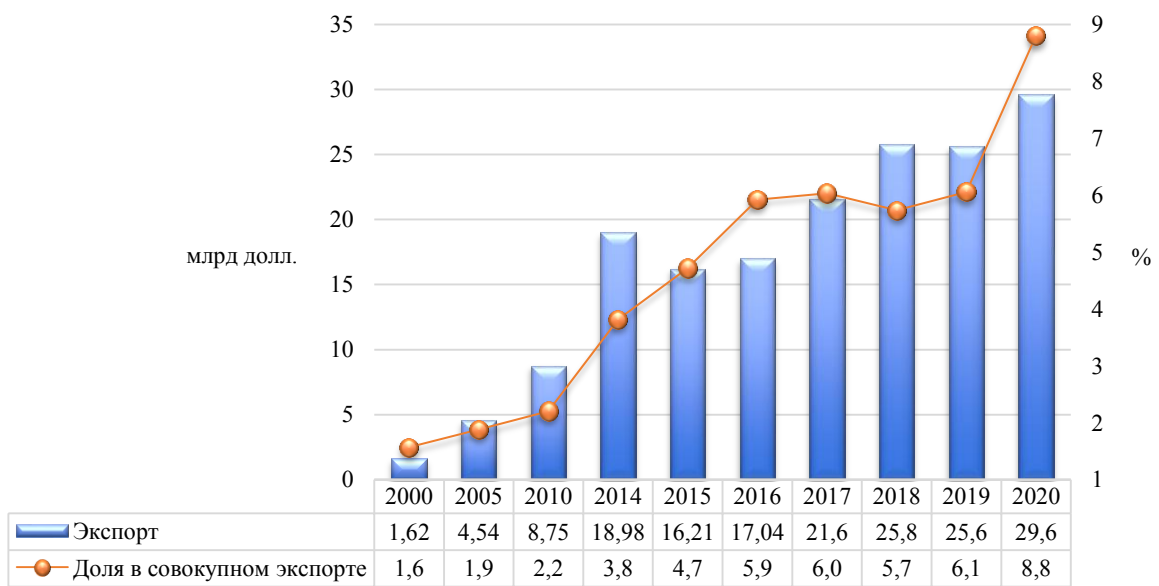
Таблица 5 - Ретроспективный анализ российского экспорта сельскохозяйственной продукции в XX в - начале XXI в.

Период	Основные экспортные позиции	Основные импортеры
1900-1917	Куриное яйцо, пшеница, сливочное масло	Бельгия, Великобритания, Германия, Франция
1920-1940	Пшеница, рожь	Великобритания, Германия, Голландия, Франция
1950-1970	Мука, пшеница, сахар, хлопок	ГДР, Куба, Польша, Чехословакия
1970-1990	Кукуруза, мясная и молочная продукция, пшеница, сахар	Аргентина, Бразилия, Канада, Новая Зеландия, США
2000-2017	Зерновые, продукция масложировой отрасли, рыбная продукция	Китай, страны ЕС, страны бывшего СССР, Турция
2018-2020	Зерновые, продукция масложировой отрасли, рыбная продукция	Египет, Казахстан, Китай, Республика Корея, страны ЕС, Турция

Источник: составлено автором по материалам [237].

АПК также испытывал и кризисные времена, когда экспорт опускался до нуля, а советское сельское хозяйство было не в состоянии обеспечить население основными зерновыми культурами.

Начиная с 2000 г., Российская Федерация начала развивать внутреннюю базу для дальнейшего развития экспортного потенциала, постепенно наращивая долю экспорта продукции АПК в совокупном товарном экспорте, как показано на рисунке 11.

Источник: составлено и рассчитано автором по материалам [225; 236].

Рисунок 11 – Экспорт продукции АПК 2000-2020 гг. и его доля в совокупном экспорте России

За последнее десятилетие продовольственный сектор превратился в важный компонент роста российского экспорта. Доля продукции АПК в совокупном экспорте увеличилась в 4 раза. Из таблицы 6 видно, что в отличие от стоимостных показателей, физические объемы экспорта продукции российского АПК демонстрировали тенденцию к увеличению. Наибольший рост пришелся на продукцию растительного происхождения (преимущественно на зерновые) и масложировую продукцию при незначительной динамике вывоза продукции животного происхождения (мясной, молочной и рыбной продукции) и готовой продукции различной степени переработки.

Таблица 6 - Динамика объема экспорта продукции российского АПК в стоимостном и физическом измерении

Товарная группа	2012		2014		2016		2018		2019	
	млрд долл.	млн т	млрд долл.	млн т	млрд долл.	млн т	млрд долл.	млн т	млрд долл.	млн т
Продукты животного происхождения	3,1	1,7	3,5	1,7	3,6	1,9	5,1	2,3	5,7	2,3
Продукты растительного происхождения	7,6	25,2	8,3	32,5	7,1	37,7	12,2	59,7	10,0	45,1
Масложировая продукция	2,3	1,9	2,3	2,6	2,2	2,8	2,7	3,5	3,4	4,7
Готовая продукция	4,6	9,9	5,2	9,6	4,2	11,7	4,9	12,4	5,6	13,2
Экспорт	17,6	38,7	19,2	46,4	17,1	54,0	24,9	77,9	24,7	65,3

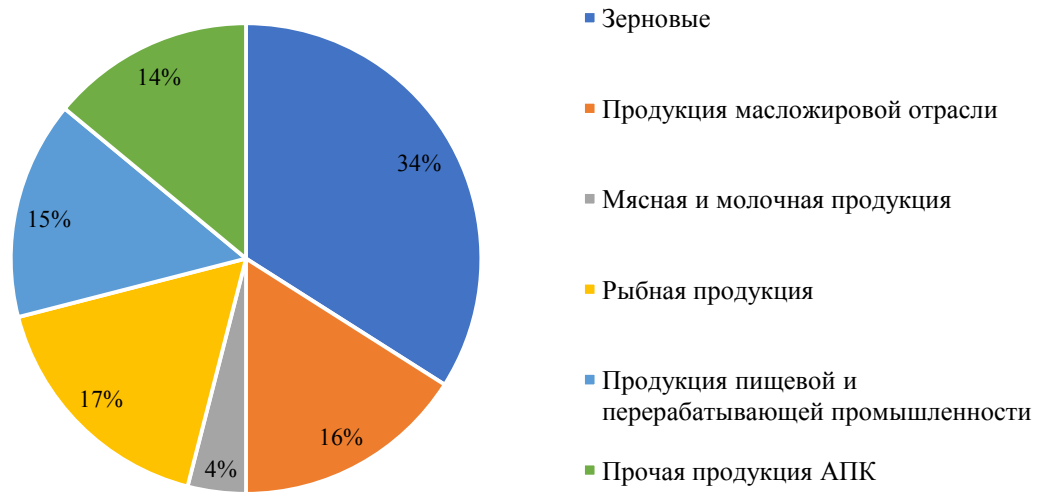
Источник: составлено и рассчитано автором по материалам [238].

За 2010-2020 гг. стоимостной показатель российского экспорта возрос в 3,4 раза, составив на конец кризисного 2020 г. абсолютный рекорд в истории российского экспорта сельскохозяйственной продукции – 29,6 млрд долл. В товарной структуре российского экспорта продовольственная часть составляет 9 %, что эквивалентно седьмой части экспорта товаров топливно-энергетической группы или двойной экспортной выручке от вооружений [219].

П р и м е ч а н и е – По данным Минсельхоза России в 2020 г. экспорт сельхозпродукции составил 30,7 млрд долл, что позволяет сделать вывод о становлении России нетто-экспортером продовольствия (в стоимостном выражении) впервые за постсоветскую историю. Данные ФТС свидетельствуют о том, что экспорт составил 29,6 млрд долл, в то время как импорт – 29,7 млрд долл.

Пандемия COVID-19 подтвердила высокую востребованность российской продукции АПК. В 2020 г. поставки на внешние рынки составили 79 млн т, что на 20% превысило аналогичный показатель предыдущего года, несмотря на непростые макро- и геоэкономические условия. Рост был обеспечен за счет зерна (+29% в денежном выражении), масложировой продукции (+22%), мясной продукции (+49%), молочной продукции (+11%)

и продукции пищевой и перерабатывающей промышленности (+13%). Структура экспорта представлена на рисунке 12.

Источник: составлено автором по материалам [237].

Рисунок 12 – Структура экспорта российского АПК в 2020 г., в процентах

То есть в экспорте преобладали товары нижних и средних переделов, в то время как продукция верхнего передела почти в 3 раза уступала соответствующему импорту.

Из 150 импортеров позицию крупнейшего сохранил Китай, на долю которого пришлось 13% (4,02 млрд долл.) поставок российского продовольствия. Стоит отметить, что российский агропродовольственный экспорт в страны ЕАЭС на 0,6% в стоимостном выражении превышает поставки в Китай [201]. На втором месте расположилась Турция – 10% (3,14 млрд долл.). Следом идут Казахстан и Египет, импортирующие примерно по 6,5% (2,09 и 1,96 млрд долл. соответственно). В приложении Е представлены основные импортеры российского продовольствия в 2020 г. по укрупненным группам.

Таким образом, благодаря усилиям государства по поддержке модернизации аграрного сектора, благоприятным погодным условиям для урожая, девальвации рубля, сжатию внутреннего потребительского спроса в результате снижения доходов населения и сокращению розничного товарооборота, Россия планомерно совершает переход на

экспортоориентированную модель его развития. Однако по-прежнему делает ставки на сравнительно узкий ассортимент продукции растительного происхождения, в частности зерновые.

Сопутствующей проблемой при этом остается обеспечение экономической доступности питания для населения в долгосрочной перспективе. Погоня за выходом на внешние рынки, особенно в условиях девальвации рубля, а также высокая волатильность мировых цен на сырьевые продовольственные товары в период COVID-19 показали, что рост экспорта может приводить к увеличению внутренних цен на традиционные для российского АПК товары в рознице при относительно стабильных мировых ценах, отсутствии дефицита данных продуктов, фактора сезонности и производственных сокращений [226]. Это коснулось зерна, сахара, подсолнечного масла, муки, макаронных изделий, хлеба. Для стабилизации внутренних цен на продовольствие и снижения зависимости национального рынка от последствий неблагоприятной международной ситуации, вызванной COVID-19, Правительство Российской Федерации перешло на «ручное» регулирование стоимости социально значимых продуктов.

П р и м е ч а н и е – В перечень социально значимых продуктов вошли: хлеб, мука, рис, пшено, гречка, вермишель, говядина, свинина, баранина (кроме бескостного мяса), куры (кроме куриных окорочков), мороженая рыба (кроме филе), масло сливочное и подсолнечное, молоко, куриные яйца, сахар-песок, соль, картофель, белокочанная капуста, репчатый лук и морковь.

Кроме того, были введены ограничения на экспорт зерновых культур (пшеницы и меслина, кукурузы, ячменя) за пределы Таможенного союза – «плавающая» экспортная пошлина с последующим возвратом в виде субсидий растениеводам (механизм зернового демпфера) [11]. Аналогичные регуляторные механизмы разрабатывают для сахарного (сахар белый и сахар-сырец) и масложирового (масло подсолнечное) рынков.

Последствия от принятия подобных мер могут быть катастрофическими. Во-первых, в результате увеличения внутренних цен и себестоимости на мясную и молочную продукцию, крупы, муку,

хлебобулочные изделия растениеводы, экспортеры зерновых, животноводы, кондитеры, хлебопеки несут убытки, которые не компенсирует субсидирование. Это грозит снижением зарплаты, в которую закладывается недополученная выручка и расходы на подорожавшее ресурсное обеспечение производства (удобрения, яды, селитру, сельхозтехнику), сокращением занятости и разорением аграриев. Кроме того, дополнительные финансовые нагрузки на сельхозпроизводителей скажутся на сокращении посевных площадей. Во-вторых, снижается инвестиционная привлекательность отрасли. В-третьих, появляется риск ухудшения страновой позиции на мировом продовольственном рынке и недостижения национальной цели по экспорту. Наконец, оборотной стороной экспорта агропродовольствия и его регулирования был и остается рост цен на внутреннем рынке и снижение экономической доступности продовольствия.

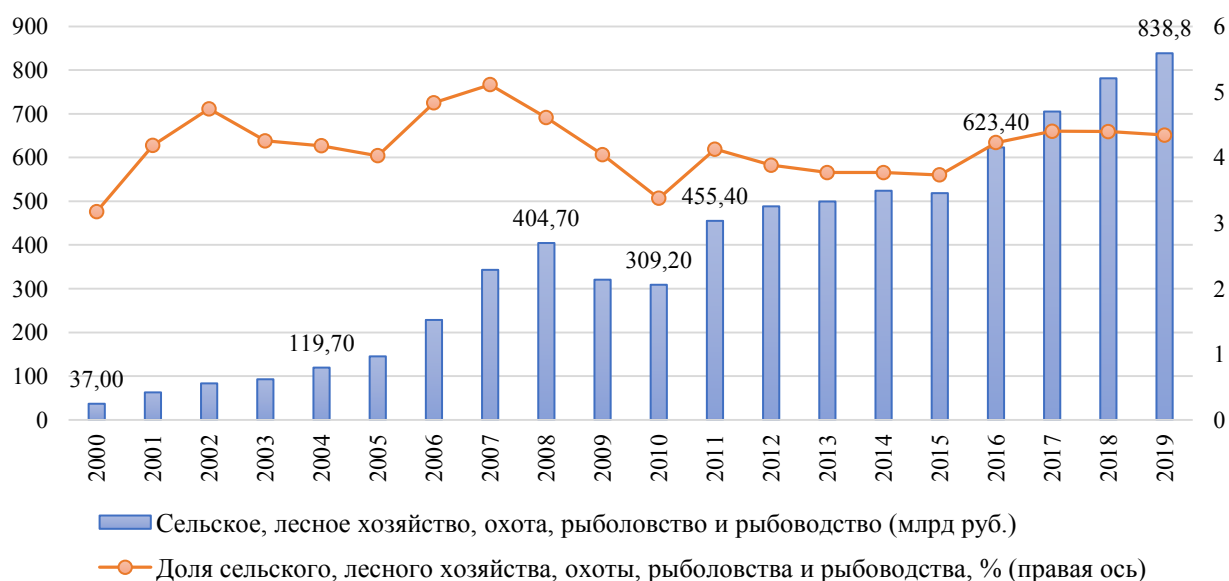
Согласно Указу Президента, до 2030 г. рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров должен составить не менее 70% показателя 2020 г. [9]. В группу этих товаров входит продукция АПК. При этом в соответствии с Доктриной 2030 реализация экспортного потенциала возможна только при обеспечении продовольственной самообеспеченности. Вопрос эффективного приращения агропродовольственного экспорта будет рассмотрен в третьей главе.

2.2 Инвестиционное и производственное сотрудничество России с зарубежными странами в сфере агропромышленного комплекса

Состояние и перспективы развития российского АПК, а следовательно, и продовольственная безопасность страны, в значительной мере определяются активностью инвестиционной деятельности. Поэтому вопрос фактического обеспечения российского АПК иностранным капиталом требует изучения.

Проблемам, связанным с инвестированием в российское АПК, посвящены работы многих исследователей. По мнению В.С. Загашвили, российский АПК нуждается в кардинальном улучшении инвестиционного климата. «Современное сельскохозяйственное производство широко использует самые современные технологии, в применении которых наши производители заметно отстают от зарубежных конкурентов. Отечественному сельскому хозяйству и перерабатывающим отраслям необходимы инвестиции и приток передовых достижений науки и техники» [63, с. 57]. Л. Тю отмечает важность привлечения иностранного капитала для развития агропромышленного производства. Однако для преодоления проблем инвестирования необходимо повышение инвестиционной привлекательности сельского хозяйства и эффективности государственного воздействия на аграрный бизнес [91, с. 24].

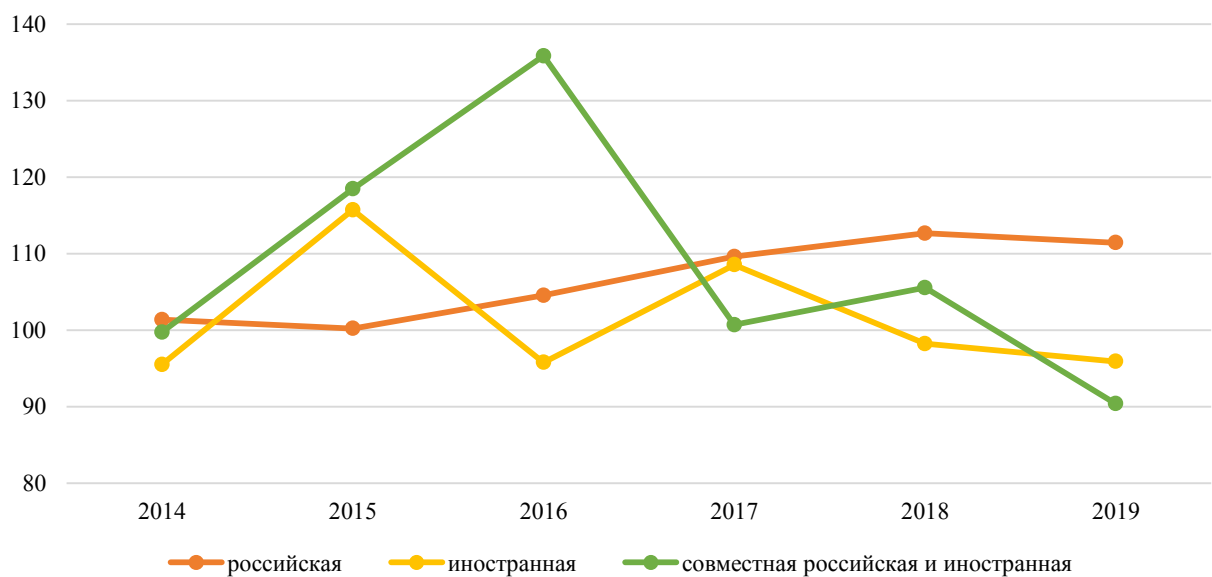
Из рисунка 13 следует, что в целом инвестиции в основной капитал по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» увеличиваются. С 2015 г. инвестиционные вложения в отрасль демонстрируют небольшой рост, составляя на начало 2020 г. 4,3% в совокупном объеме инвестиций.

Источник: составлено автором по материалам [225].

Рисунок 13 – Инвестиции в основной капитал сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства и их доля в совокупных инвестициях

Статистические данные Росстата не предполагают конкретизацию инвестиций по географическому признаку с уточнением их «национальной принадлежности». В то же время, существующая информация характеризует инвестиции в основной капитал предприятий по форме собственности. С 2014 г. инвестиции в основной капитал предприятий с иностранной собственностью, несмотря на небольшое оживление в 2015 г. и в 2017 г., в целом демонстрируют понижающийся тренд, равно как и инвестиции в совместные предприятия, что отражено на рисунке 14.

Источник: составлено автором по материалам [225].

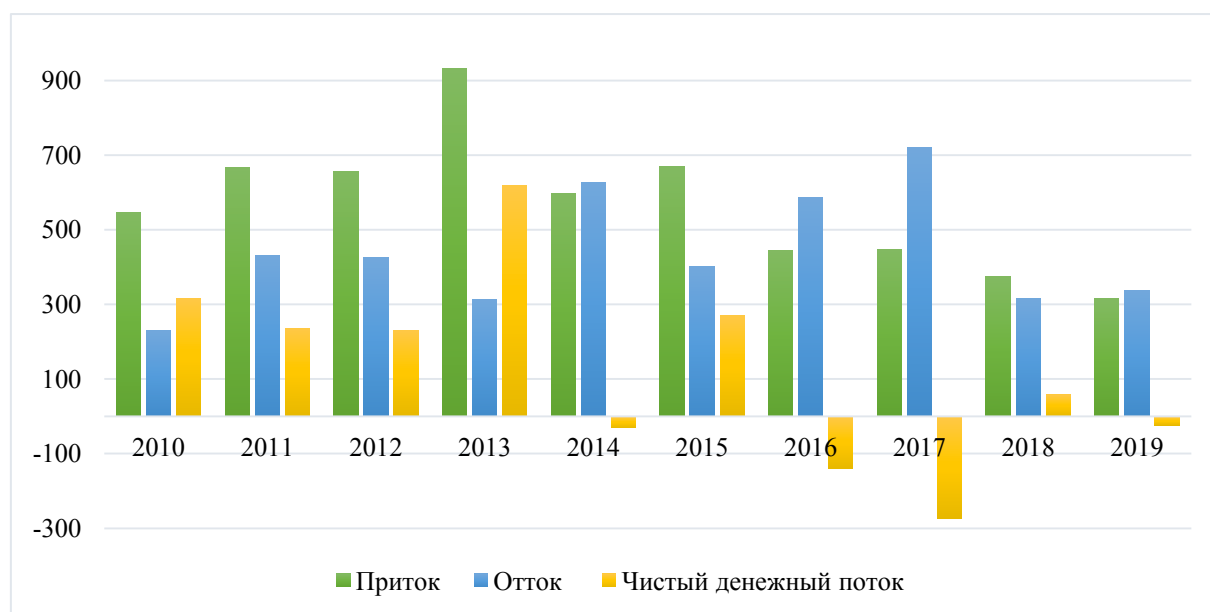
Рисунок 14 – Темп роста инвестиций в основной капитал по формам собственности в 2014-2019 гг., в процентах

В настоящее время Россия занимает 28 место в рейтинге Всемирного банка Doing Business 2020 из 190 стран [253]. Несмотря на существенное улучшение позиций (в 2011 г. она была на 123 месте, а в 2017 г. – на 45 месте), в сельском хозяйстве сохраняется инвестиционная недостаточность. И хотя некоторые эксперты отмечают, что в официальной статистике по ПИИ не учитываются деньги зарубежных инвестиционных фондов, например, из Азиатского региона, которые «осуществляют инвестиции в российские агрокомпании, но не афишируют это публично»

[194], на зарубежный капитал в общем объеме вложений в российскую экономику приходится менее 1%.

Согласно данным ЦБ РФ по ПИИ, с 2010 г. по 2020 г. больше всего инвестиций из-за рубежа в отечественное сельское хозяйство поступило в 2013 г. Тогда их объем составил 934 млн долл. Однако уже в 2014 г. приток зарубежных вложений сократился более чем в 1,5 раза до 598 млн долл. Безусловной причиной явилось начало санкционной войны, речь о которой шла в первом параграфе данной главы. На рисунке 15 показано, в 2015 г. наблюдался прирост на 12,3%, а в 2016 г. объем инвестиций снова снизился (до 446 млн долл.) и сохранил понижающийся тренд.

В.Ю. Чернова и Б.А. Хейфец отмечают, что в 2016 г. наибольшее сокращение предприятий с иностранным капиталом пришлось именно на сельское хозяйство – 55%, хотя оборот в отрасли вырос [97, с. 36].

Источник: составлено автором по материалам Центрального Банка Российской Федерации : сайт. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 18.03.2020). – Текст : электронный.

Рисунок 15 – Прямые иностранные инвестиции в сельское, лесное хозяйство и рыболовство Российской Федерации, в миллионах долларов

По мнению Г. И. Идрисова, причинами оттока иностранного капитала из России стали ухудшение макроэкономической ситуации, снижение суверенного, инвестиционных и кредитных рейтингов страны, неблагоприятные условия на развивающихся рынках, геополитические

факторы [64, с. 45]. Другой эксперт считает, что причина оттока кроется в разочаровании иностранцев: ошибочно транслировать локальные бизнес-модели и стратегии на российский рынок без внесения корректировок [194].

Тем не менее, все ярче проявляется деятельность зарубежных МНК в решении российских продовольственных проблем. Наиболее весомые на российском рынке МНК представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Многонациональные компании (МНК) пищевой промышленности в России

В процентах

МНК	Доля МНК на российском рынке	Доля выручки от продаж на российском рынке в общей выручке компаний
Балтика/Carlsberg Group	27 (пивного рынка)	11,8
Данон Трейд/Danone	6,6 (молочного рынка)	6
ККЭБСЕ/Coca-Cola Hellenic Bottling	60 (выручки от сбыта соков и безалкогольных напитков совместно с PepsiCo)	2,9
Макдоналдс и ЗАО Москва-Макдоналдс/McDonald's	7 (ресторанного рынка)	5,7
Марс, Ригли/Mars	58 (рынка кормов для животных)	5,6
Мон Дэлис Русь/Mondelez International	11,5 (рынка шоколадных изделий)	3,2
Нестле Россия/Nestle	71,4 (кофейного капсульного рынка), 31,1 (рынка растворимого кофе), 35,2 – детское питание, 31,2 – корма для домашних животных, 23,2 – каши моментального приготовления и 45,6 – готовые завтраки, 42,5 – кулинария, 13,9 – кондитерские изделия	2,7
Пепсико Холдингс/PepsiCo	6,7 (молочного рынка)	6

Источник: составлено автором по материалам [197; 232; 251; 259].

Некоторые сектора пищевой и перерабатывающей промышленности находятся в зависимом от деятельности МНК положении. Среди прочего это обусловлено применением стратегии слияния и поглощения успешных

локальных компаний с известными торговыми марками. Например, в 2019 г. более 70% российского пивного рынка аккумулировались в руках только трех «иностранцев»: 28% – AB InBev Efes – продукт объединения Anheuser-Busch InBev (США, Бельгия, Бразилия) и Efes (Турция) в 2018 г., 13,3% – голландская Heineken, датская Carlsberg Group – 27% [197].

С введения контрсанкций, заблокировавших целый ряд традиционных направлений продовольственного импорта, МНК используют различные стратегии локализации производства на территории России: строительство заводов, организация собственных сборочных производств, сборочные производства на базе российских предприятий, совместные с российскими предприятиями производства, совместное производство нескольких МНК и др. Степень локализации отличается: «от продажи запасных частей отдельными представительствами, до создания предприятий, выпускающих продукцию под брендом «Сделано в России».

Фактически, МНК участвуют в российском импортозамещении и содействуют продвижению на мировые рынки российского экспорта продукции высокой степени переработки (мороженое, шоколад, какао содержащие продукты и др.) [34, с. 74, 84].

Проблемой в данном случае является то, что до настоящего времени отсутствуют законодательные требования к локализации полного производственного цикла конечной продукции. Тогда как это имеет стратегическое значение. В противном случае будет сохраняться зависимость от импортных поставок производственных компонентов и низкая доля добавленной стоимости России в конечной цене продукта.

Нельзя не отметить благотворительную деятельность МНК в период распространения COVID-19, когда сама коммерческая деятельность МНК находилась в турбулентном состоянии в результате падения выручки с закрытием предприятий сегмента гостеприимства (HoReCa), сокращения контрактов на госзакупки (школьное питание), потери каналов сбыта, роста издержек производства в связи с ужесточением требований к средствам

индивидуальной защиты, увеличением сроков доставки готовых продуктов и сырья в ходе закрытия границ, нехватки рабочей силы по причине болезни сотрудников, падения курса рубля, повлиявшего на себестоимость, и др.

Так, оказывалась прямая продовольственная помощь медикам и больным (McDonald's и Danone предоставляли бесплатные обеды, молочную продукцию и зондовое питания; «Нестле Россия» совместно с фондом Росконгресс – шоколадные и кондитерские изделия, готовые сухие завтраки, каши быстрого приготовления и детские каши, растворимый кофе и быстрорастворимые напитки; бренд Nespresso компании Nestle – кофемашины и капсульный кофе; Mars – шоколадные батончики, шоколадные конфеты, соусы и пр.) [214; 229]; благотворительный фонд PepsiCo Foundation и компания PepsiCo Россия через фонд продовольствия «Русь» выделили более 500 тыс. долл, а Mars – 50 млн руб. на поддержку пенсионеров, многодетных семей и медработников [195; 272]; компания Coca-Cola совместно с Российским Красным Крестом покупали аппараты ИВЛ для российских больниц и через фонд продовольствия «Русь» обеспечивала напитками (соками, питьевой водой, холодными чаями и др.) волонтеров, пенсионеров и людей из социально незащищенных групп.¹⁾

Опыт МНК по реорганизации бизнеса в период COVID-19 доказал, что внедрение в производственный и операционный процессы цифровых технологий – не просто «активатор роста» и способ увеличения выручки, но фактор дальнейшего выживания в условиях неопределенности, позволяющий повысить производительность и конкурентоспособность. Согласно антикризисному плану Danone, цифровизация позволит сэкономить 1 млрд евро к 2023 г. и реинвестировать их в поддержку роста, развитие брендов и повышение маржинальности [252]. Coca-Cola переводит свою работу в поле e-commerce (интернет торговля), принимая его не только как новый канал сбыта, но и как новый паттерн поведения потребителя, с

¹⁾ Что компания Coca Cola делает в поддержку борьбы с пандемией COVID-19 в России и по всему миру // Coca Cola. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <https://www.coca-cola.ru/do-good/covid-19-and-coca-cola-what-we-re-doing-in-russia-and-beyond> (дата обращения: 10.01.2021).

которым зарождается новая экосистема и появляется принципиальная возможность занять в ней свое место [248].

Исследования поведения потребителей в период режима самоизоляции показали возросшую роль «перекусов» во всем мире [285]. МНК смогли удовлетворить изменившийся спрос максимально быстро, составив конкуренцию друг другу. Так, PepsiCo обогнала Coca-Cola, снизив производство напитков и нарастив выпуск картофельных чипсов и готовых завтраков на достроенном в 2019 г. снековом предприятии в городском округе Кашира (Московская область) [277]. Nestle смогла нарастить производство растительных альтернатив привычных продуктов животного происхождения, удовлетворив спрос на востребованные в России снеки, поддерживающие здоровое пищеварение: молочный продукт Nesquik на растительной основе, новая версия веганского бургера [274].

Деятельность МНК важна с точки зрения формирования глобальной репутации страны. Однако нередко продукция МНК (напитки, табачные изделия, снеки, продукция с высоким содержанием сахара) имеет мало общего с принципами качественного питания, описанными в первой главе данной работы. Необходимо дальнейшее проведение количественных исследований о роли МНК в обеспечении продовольственной безопасности России, в частности в российском импортозамещении: анализа производства продукции с точки зрения соответствия принципам качественного питания, влияния на вкусы потребителей (формирование культуры питания, пищевых привычек) и т.д.

Актуальные на сегодняшний день проекты в российском АПК с иностранным участием, находящиеся на стадии обсуждения или первоначальной реализации, представлены в приложении И. Они показывают, что аграрный сектор, в целом, интересен инвесторам, исходя из географической локализации их деятельности и широкого перечня проектов, в которые они вкладывают средства.

Однако в каждом из проектов «иностранцы» преследуют свои интересы, которые часто отличаются от российских. Например, в случае с Вьетнамом и Китаем – это доступ к земле в России и насыщение своего внутреннего рынка. В случае с турецкой компанией Petek Un – приближение к сырью. Турция стала одним из крупнейших в мире экспортеров муки, поставляя на мировой рынок, в частности в страны Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, около 3 млн т или 23% всего мирового экспорта муки (для сравнения Россия – 311 тыс. т по итогам 2019 г.).

Релокация производства на территорию России позволила бы обойти посредническое звено – зерновых трейдеров, тем самым снизив цены для турецкой стороны, которая закупает украинское, российское и румынское сырье. Кроме того, экономия в себестоимости может быть достигнута и за счет более дешевой энергии и рабочей силы. Аргумент в пользу создания новых рабочих мест стоит оценить как малоперспективный, так как благодаря высоким технологиям современные мельницы не нуждаются в высоких трудозатратах. А риск дальнейшей переквалификации мощностей на производство другой продукции переработки зерна турецкой стороной без российского участия отмечается специалистами как наиболее вероятный.¹⁾

Отметим, что иностранные инвесторы сталкиваются с неформальными трудностями ведения бизнеса в России. Так, проект вьетнамской TH Group по строительству молочных ферм, предполагавший вьетнамские инвестиции в 2,7 млрд долл., оказался под угрозой срыва в результате проблем с российскими подрядчиками и отсутствия взаимопонимания с властями [197].

Таким образом, МНК демонстрируют быструю адаптацию и гибкость в изменяющихся кризисных условиях. Эти преимущества, а также недостатки присутствия зарубежных компаний на российском рынке представлены в таблице 8.

¹⁾ Турецкая компания планирует построить на Кубани два мукомольных завода // ЮГ TIMES. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://yugtimes.com/news/55276/> (дата обращения: 05.03.2020).

Таблица 8 - Преимущества и недостатки присутствия МНК и зарубежных компаний в российском АПК

Преимущества	- создание рабочих мест на производственных площадках; - контрактное взаимодействие с малым бизнесом как оказание поддержки российским сельскохозяйственным производителям; - развитие инфраструктуры и сырьевой базы; - развитие конкурентной среды в отрасли; - пополнение федерального и регионального бюджетов; - наибольшая стабильность и гибкость в период турбулентности; - создание добавленной стоимости для российской экономики напрямую, за счет собственного производства, и косвенно, через поддержку широкой сети поставщиков и клиентов по стране; - использование опыта «иностранцев» как носителей знаний о новейших технологиях и методах сельскохозяйственного производства: внедрение новых технологий, например, автоматизации и компьютеризации, «конвейерного» животноводства, безотходного сельского хозяйства; - содействие продвижению российского экспорта на мировой продовольственный рынок; - благотворительность во время пандемии COVID-19;
Недостатки	- подавление/вытеснение более мелких производителей-поставщиков продуктов сельского хозяйства за счет более влиятельных позиций в международной торговле; - злоупотребление доминирующим положением на рынке (МНК являются лидерами в розничной торговле, продовольственном распределении и в формировании предложения); - поглощение и слияние с локальными брендами – потеря национальной идентичности; - «захват земли» - покупка или аренда сельскохозяйственной земли для производства продовольствия, и ее дальнейшая деградация в результате интенсивного использования; - экспорт производящегося продовольствия в инвестирующую страну без насыщения внутреннего рынка; - риск подмены инвестиций на кредит российским предпринимателям под средства производства; - инвестирование в целях минимизации налогообложения/ухода от налогов, схемы round-tripping; - подрыв основ здорового традиционного питания через распространение переработанных пищевых продуктов с высоким содержанием сахаров, жиров

Источник: составлено автором по материалам [33; 97, с. 42; 152; 219; 257].

Ведущими игроками на российском «агрополе» наравне с МНК становятся сверхкрупные агрохолдинги (далее – АХ). По оценкам аналитического центра «Эксперт», в 2018 г. суммарная выручка крупнейших АХ составила 2,1 трлн руб., прирост чистой прибыли к 2017 г. составил 27,3%, а средняя рентабельность возросла до 5,4% [239]. Учитывая данные Росстата по обороту сельскохозяйственных организаций в 2018 г.

(3,16 трлн руб.), можно сделать вывод, что «агрогиганты» аккумулируют 2/3 выручки российского АПК. Исследование РАНХиГС показало, что 62 из 978 АХ в аграрной структуре России находятся в руках «иностранцев», которые занимаются производством сельхозпродукции (в основном мясом птицы, свинины и сахара): датские, нидерландские, немецкие компании, китайские холдинги на Дальнем Востоке, а также офшоры - кипрские, Британские Виргинские острова [195].

П р и м е ч а н и е – Агрохолдинг (АХ) – это совокупность компаний, занимающихся производством и реализацией сельскохозяйственной продукции, одна из которых является управляющей (материнской компанией), а остальные – подконтрольные ей (дочерние). В России термин законодательно не закреплен.

Однако, как и в рассмотренном выше случае с инвестициями от зарубежных МНК, в большинстве случаев это «псевдоиностранные» круговые инвестиции (round-tripping FDI), направляемые обратно в национальную экономику через третьи страны в виде ПИИ. По оценкам Международного валютного фонда, Россия является страной-лидером в мире по привлечению денег российского происхождения от зарубежных компаний-пустышек – 23,2% от общего объема иностранных инвестиций, накопленных в экономике [125]. Объясняется это не только оптимизацией налогов, но и институциональными и регуляторными факторами (бегство от изъянов «домашней» системы, желание защитить инвестиции, удобство распределения прибыли), политическими рисками.

В целом, входящие ПИИ в Россию являются самыми низкими среди всех крупных развивающихся стран. Это подтверждает тезис об остром дефиците «эффективных» инвестиций, необходимых для технологической модернизации отрасли и обеспечения ресурсной независимости.

2.3 Импортозамещение в российском агропромышленном комплексе в условиях внешних вызовов: национальный и интеграционный аспекты

Период проведения импортозамещения в России условно можно разделить на 3 этапа:

- начальный или «идейный», с 2010 г. по 2014 г.;
- вынужденный или «адаптационный», с 2014 г. по 2019 г.;
- «осознанный», с 2020 г.

Основы импортозамещения были заложены в Доктрину 2020 и позднее дополнены принятием «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» в 2012 г. В ответ на стремительное освоение российского продовольственного рынка западными МНК целью стало «ускоренное импортозамещение по мясу (свинина, мясо птицы и крупного рогатого скота), молоку, овощам открытого и закрытого грунта, семенному картофелю и плодово-ягодной продукции».¹⁾

Неблагоприятная внешнеполитическая и внешнеэкономическая конъюнктура в 2014 г. привели к разработке и принятию антикризисного плана по обеспечению и поддержанию устойчивого развития экономики, где большое внимание отводилось импортозамещению.²⁾ То есть на первоначальной стадии реализации импортозамещение было не продуманной стратегией государства, а скорее вынужденной мерой по противостоянию внешним факторам, результатом которой были рост цен, ухудшение качества, сужение ассортимента, монополизация производства [63, с. 56].

По своей сути российское импортозамещение уникально. В отличие от классического подхода, в российской практике запретительные меры коснулись только стран, введших санкции против России. Следствием этого стала географическая переориентация на других импортеров, которую ФАО

¹⁾ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы [Постановление Правительства от 14 июля 2012 года №717] // Гарант: офиц. сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения: 21.06.2020).

²⁾ Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году [Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/ (дата обращения: 21.06.2020).

тогда охарактеризовало как «импортозамещение» [29, с. 4]. А переход к наращиванию собственного агропродовольственного производства оказался длительным, трудоемким и дорогим процессом.

С 2013 г. по 2020 г. состав стран-поставщиков продуктов питания, в том числе санкционных, претерпел изменения по сравнению с досанкционным. Географическая карта поставок продовольствия в Россию представлена в таблице Д.3. В настоящее время крупнейшими поставщиками продовольствия в Россию являются: Белоруссия, которая заместила поставки мясной и молочной продукции из ЕС и Украины; Турция и Эквадор, нарастившие поставки фруктов, ранее приходившие из ЕС; а также Египет и Азербайджан, заменившие плодоовощные поставки из ЕС.

При этом часть санкционной продукции по-прежнему поставляется на российский рынок путем реэкспорта через посредников. Так, исследование Национального Рейтингового Агентства показало, что экспорт фруктов из ЕС в Эквадор вырос более чем в 7 раз, в то время как импорт из Эквадора в Россию составил почти треть совокупного фруктового импорта. Европейский экспорт овощей в Китай увеличился в 3 раза, в то же время доля китайских плодоовощных поставок возросла на 13%. Экспорт норвежской рыбы в Чили возрос трехкратно, в то время как доля чилийских рыбных поставок на российский рынок увеличилась двукратно [204, с. 7-10].

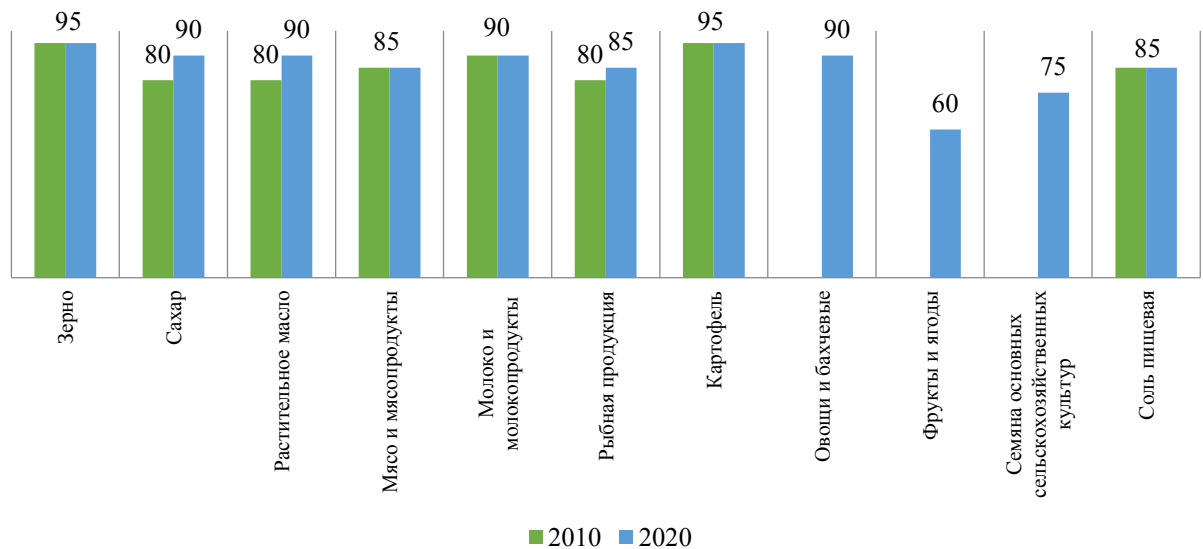
В январе 2020 г. принята Доктрина с реализацией до 2030 г. (далее – Доктрина 2030). Ее принятию способствовал ряд событий, во многом изменивших условия развития Российской Федерации, ее интеграции в систему мирового хозяйства, а также вектор дальнейшего развития АПК страны и продовольственную политику государства на ближайшую перспективу. Не малую роль на изменения в документе оказала критика экспертного сообщества, приведенная в таблице 9, которой подвергалась Доктрина 2020 на протяжении своего существования.

Таблица 9 - Мнения экспертов о Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

Критическое суждение	Автор
Отсутствие целостности документа, его внутренние противоречия и «кабинетный» стиль. Доктрина не дает однозначного представления ни о национальной модели развития продовольственного рынка в соответствии с глобальными тенденциями, ни о состоянии отечественного АПК	Р.Р. Гумеров
Доктрина не учитывает источники продовольствия и покупательную способность населения	О.С. Сухарев
Отсутствие упоминания о перспективах продовольственной экспансии на мировой рынок как генерального плана развития аграрного бизнеса для выхода в мировые лидеры среди производителей продуктов питания	С.Ю. Барсукова, Р.Р. Гумеров
Доктрина придает значение конечной продукции, но не всей производственной цепочке, из которой очевидно, что технологии, семена и средства производства Россией импортируются	Д.Н. Рылько
Необходимость расширения перечня продуктов с пороговыми значениями продовольственной независимости	И.Г. Ушачев
Моральное устаревание документа, несоответствие актуальным вызовам и угрозам, архаичность используемых в нем подходов	И.Г. Ушачев, Р.Р. Гумеров

Источник: составлено автором по материалам [46; 57; 58; 88, с. 45; 92, с. 11; 205].

На рисунке 16 представлено сравнение пороговых значений отечественного производства по группам продовольственных товаров.

Источник: составлено автором по материалам [6].

Рисунок 16 – Пороговые значения отечественной агропродовольственной продукции в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка, в процентах

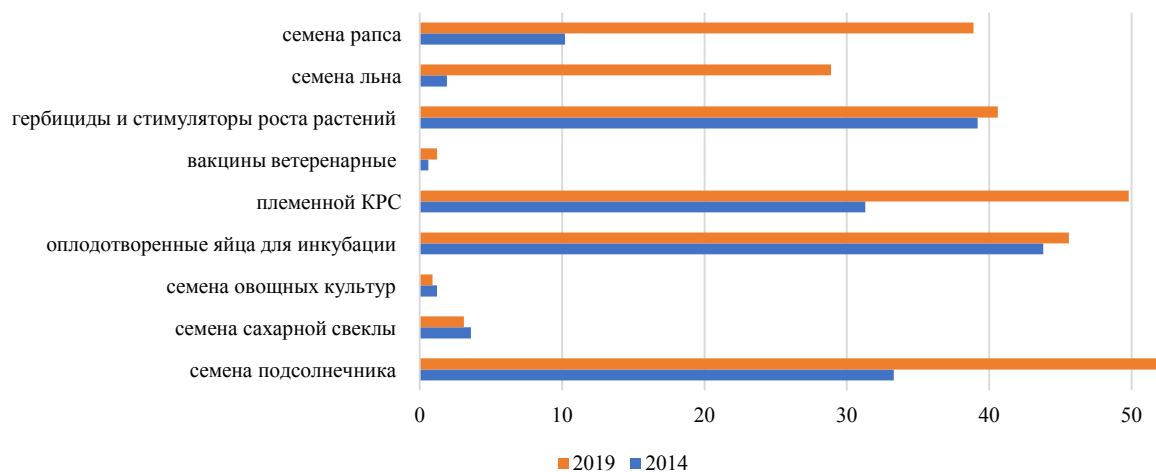
Как и прежде, продовольственная независимость – самообеспеченность продукцией внутреннего производства – является

первостепенным индикатором достижения продовольственной безопасности страны. 10% рост уровня самообеспеченности страны сахаром и растительным маслом объясняется достижением плановых показателей к 2020 г. 5% повышение требований к самообеспеченности рыбной продукцией оценивается экспертами как знак тревожного опасения: отмечается малый вклад российского рыболовства в обеспечение рекомендуемых показателей, высокий уровень экспорта рыбной продукции, в том числе по «серым» схемам, обеспечение внутреннего рынка по остаточному принципу, несовершенство логистики, технические и организационные факторы [52].

Поставлены ранее не обозначенные цели по самообеспеченности овощами, бахчевыми, фруктами и ягодами. Природно-климатические условия не позволяют производить некоторые позиции совсем или в достаточном количестве. Например, цитрусовые, бананы, иные экзотические фрукты, орехи, кофе, чай и др.

Уязвимым местом в переходе на независимое от внешних поставок отечественное производство остается использование импортных материально-технических ресурсов: комплектующих для тепличного строительства; сельскохозяйственной техники и оборудования для растениеводства, животноводства и производства основных видов пищевых продуктов; кормовых добавок и удобрений; средств защиты растений и борьбы с сорняками на полях; ветеринарных препаратов, вакцин и других средств для животноводства; семян отечественной селекции; посадочного материала отечественных племенных животных и кроссов птиц [72, с. 1705; 93, с. 6]. А.П. Потапов даже ввел в научный оборот понятие «ресурсная независимость аграрного производства», которое характеризует зависимость АПК от импорта элементов ресурсного потенциала для производства отечественных продуктов питания [83]. Эксперты отмечают: «наше сельское хозяйство – отверточное. Оно, в сущности, локальная сборка из привозных компонентов» [203].

На рисунке 17 представлена динамика импорта некоторых ресурсов для нужд российского АПК. С 2014 по 2019 г. более чем в 1,5 раза увеличились поставки семян подсолнечника, племенного КРС; более чем в 15 раз – семян льна; почти в 4 раза – семян рапса. По-прежнему значительны семена сахарной свеклы и овощных культур. Возрос импорт оплодотворенных яиц для инкубации, ветеринарных вакцин, гербицидов и стимуляторов роста растений.

Источник: составлено автором по материалам [289].

Рисунок 17 – Динамика импорта ресурсов для АПК, в тысячах тонн

В Доктрине 2030 впервые отмечается важность самообеспечения таким производственным компонентом как семена основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции – не менее 75%. Большой проблемой для российского АПК остается отставание в семеноводстве. По ряду позиций доля импортных семян составляет от 20% в малоэффективных до 80% в высокотехнологичных хозяйствах [24, с. 3]. Это объясняется, во-первых, монополизацией отрасли МНК-лидерами (американская Corteva Agriscience, немецкая Bayer и др.), а во-вторых – внутренними факторами, среди которых сокращение количества селекционеров в результате разрушения селекционно-семеноводческой системы после распада СССР, низкий уровень бюджетного финансирования отрасли семеноводства, ослабление функциональных связей «семеноводство-товаропроизводитель» [71, с. 82].

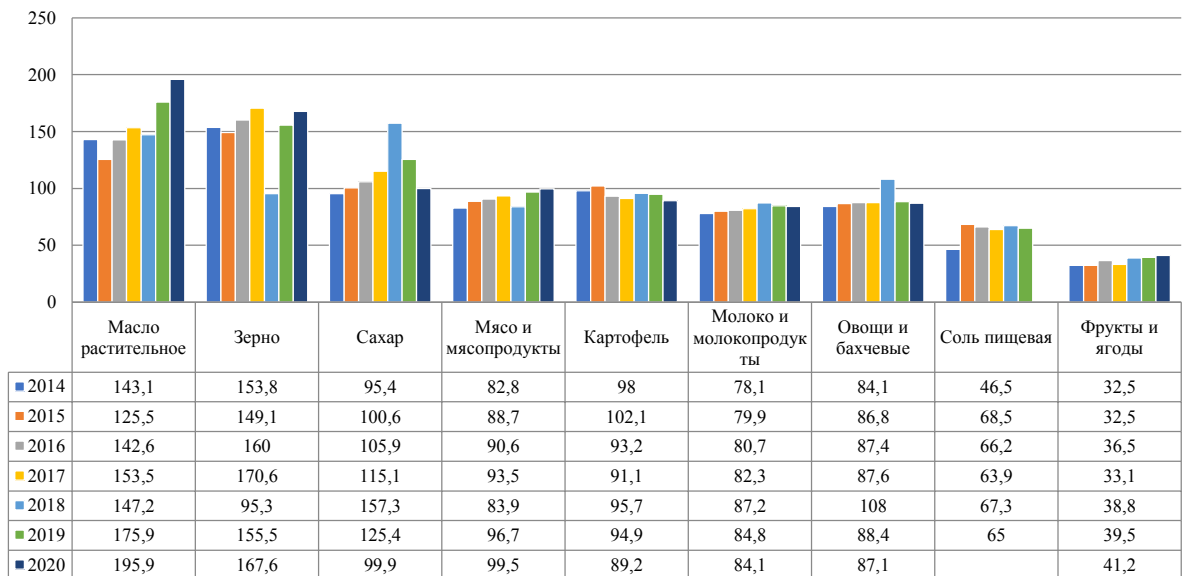
Также в Доктрине 2030 поставлена цель снижения импортной зависимости по технологиям, оборудованию, племенной продукции. Все это вместе с семенным фондом отражает более глубокий уровень продовольственной независимости, связанный со средствами производства, производимыми внутри сельского хозяйства.

В целом пороговые значения по самообеспечению различными продуктами от 60% до 95% к 2030 г. свидетельствуют о том, что к истечению срока реализации Доктрины 2030 Россия по-прежнему будет зависеть от импорта [103, с. 112].

Исследование рынка сельскохозяйственной техники показало, что несмотря на сокращение доли импортных сельскохозяйственных машин с 2015 г., по итогам 2018 г. зависимость российского рынка сельхозтехники сохранилась на высоком уровне и составила 40%, по итогам 2020 г. – возросла до 45% [51, с. 6].

Объясняется это большей производительностью, надежностью, быстротой, меньшими потерями и многими характеристиками, присущими иностранной сельхозтехнике, особенно важными для переменчивых российских погодных условий. В основном это техника из Республики Беларусь и продукция таких компаний-производителей как «Джон Дир» (John Deere, США), «Кейс Нью Холланд» (Case New Holland (CNH), США), КЛААС (Claas, Германия). При этом, однако, сократилось количество сельхозмашин на 1 тыс. га пашни. Так, в 2018 г. 1 трактор обрабатывал 337 га пашни, что на 2,7% меньше, чем годом ранее, и на 18,6% меньше, чем 5 лет назад [194]. Количество зерноуборочных комбайнов на обработку 1 тыс. га посевов составило чуть больше 2 единиц. Для сравнения, в США на 1 тыс. га пашни приходится почти 30 тракторов и 20 зерноуборочных комбайнов, в Германии – 65 и 11,5, в Канаде – 16 и 7, в Беларуси – 9,3 и 5, в Казахстане – 6,4 и 2,8, соответственно [212].

Импортозамещение неоднозначно повлияло на АПК. С одной стороны, по некоторым позициям заметно возросла продовольственная независимость.

Источник: составлено автором по материалам [3].

Рисунок 18 – Самообеспеченность России основными продуктами питания, в процентах

Из рисунка 18 видно, что к 2021 г. достигнуты и перевыполнены показатели по зерну (167,6%, что на 72,6 п.п. выше порогового значения, заданного Доктриной 2030), по маслу растительному (195,9%, +105,9 п.п.), по сахару (99,9%, +9,9 п.п.), по мясу и мясопродуктам (99,5%, +14,4 п.п.). Не достигнуты проектные показатели по пищевой соли, молоку и молочной продукции (на 5,9 п.п. ниже показателя, заданного Доктриной 2030), картофелю (-5,8 п.п.), фруктам и ягодам (-18,8 п.п.), овощам и бахчевым культурами (-2,9 п.п.).

За период с 2014 г. по начало 2021 г. более чем вдвое увеличилось производство свинины, на 135% возросло производство фруктов, ягод и орехов, заметный прогресс есть в производстве замороженной плодоовощной продукции, производство которой увеличилось с 45,8 тыс. т до 141 тыс. т и других продуктов питания. Подробнее об этом в приложении Ж.

Кроме того, благодаря проведению политики импортозамещения, появились целые отрасли, которые позволили нарастить производство

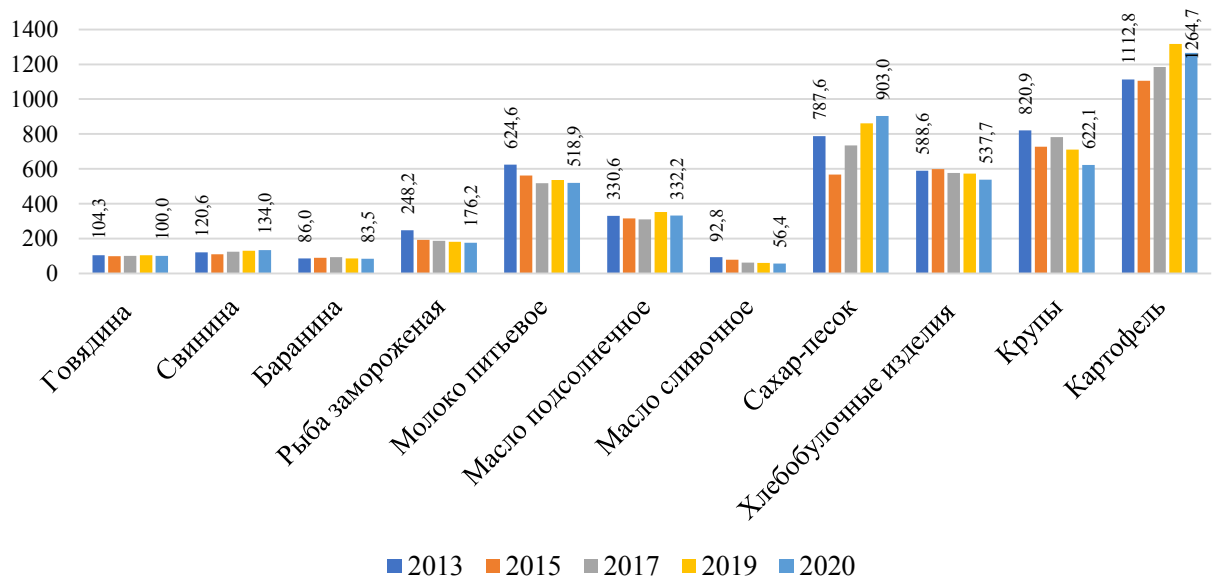
нетрадиционных видов продукции [219]. Развитие АПК позволило обезопасить страну от негативного влияния COVID-19. По данным Всемирного Банка в разгар пандемии (апрель-май 2020 г.) сельское хозяйство продемонстрировало положительную динамику [227, с. 8]. Минэкономразвития отмечает ускорение роста индекса производства сельскохозяйственной продукции на 4% (июль) после 3% в июне 2020 г. в сравнении с 2019 г. [207]. Основной вклад в динамику индекса сельскохозяйственного производства внес сектор растениеводства.

С другой стороны, на фоне проведения политики импортозамещения возникли проблемы, которые легли на плечи потребителей, ослабив важнейшую составляющую продовольственной безопасности – экономическую доступность питания.

Н.А. Волчкова и Н.А. Турдыева отмечают, что «торговые барьеры приводят к росту цены на внутреннем рынке на стоимостной эквивалент этих барьеров (по сравнению с мировой ценой товара) как для отечественных потребителей, так и для производителей». В результате последние получают возможность торговать тем, что производили и продавали раньше, только по более высокой цене, а также расширять производство за счет мощностей, использование которых при старой цене товара стоило для них дороже [54, с. 141].

На основе проведенного Н.А. Волчковой анализа денежных потерь в результате охлаждения российско-западных отношений был сделан вывод об отрицательном результате импортозамещения для потребителя в 445 млрд руб. в год, что составляет около 3000 руб. на человека в год. Эти средства перераспределяются между российскими производителями – 374 млрд руб. или 2500 руб. с человека в год, и зарубежными, чьи товары возросли в цене по сравнению с досанкционным периодом – 16 млрд руб. или 110 руб. с человека [259]. То есть, за рост цен на продукцию (импортную и отечественную), обращающуюся на внутреннем рынке, платит потребитель через высокие розничные цены.

Так называемый эффект «полных прилавков» не принимает в расчет фактор ценовой доступности, баланс цен и доходов населения и зачастую сопровождается высокими ценами и дефицитом потребления. При этом на продовольственный спрос довлеет динамика реальных располагаемых доходов населения, которые по итогам 2020 г. на 10% отстают от соответствующего показателя в 2013 г. и на 3,5% от итога 2019 г. [225]. На рисунке 19 показано, как по отношению к 2013 г. изменилась покупательная способность россиян: небольшой рост возможности приобретения показали сахар-песок (14,6%), картофель (13,6%), свинина (11%) и подсолнечное масло (0,5%). В то же время на 29% ослабла возможность покупки рыбной продукции, на 39% – сливочного масла, на 24% – круп, на 8,6% – хлебобулочных изделий, на 16% – питьевого молока.

Источник: составлено автором по материалам [225].

Рисунок 19 – Динамика покупательной способности населения с 2013 г. по 2020 г., в килограммах

SWOT-анализ импортозамещения в АПК России представлен в приложении И.

Проблемой остается то, что обеспечение продовольственной безопасности в большей степени сфокусировано на производственном аспекте (экспорториентированное импортозамещение и продовольственная независимость). В то время как социальный аспект (потребитель и его

финансовые возможности) учитываются в меньшей степени. Целесообразно принимать государственные меры по стимулированию внутреннего спроса. Однако подобные рекомендации находятся за пределами темы настоящего диссертационного исследования.

Не выработано и общепринятое научное толкование термина «импортозамещение». Одни эксперты считают импортозамещение фактором национальной безопасности или задачей российского АПК [61]. Другие считают государственной политикой [54; 59; 64; 69; 93]. Третьи – стратегией [95]. По мнению автора, российское импортозамещение представляет собой продолжительный процесс создания независимого от агропродовольственных и материально-технических ресурсов экспортоориентированного прогрессивного национального АПК, первоочередной задачей которого является обеспечение населения страны доступной, достаточной, качественной, безопасной продукцией собственного производства. В настоящее время Россия вступила в новый этап, ориентированный на устранение сопряженных с импортозамещением проблем и наращивание экспортного предложения.

Проведение импортозамещения в России отражается на взаимодействии стран-членов ЕАЭС. Вхождение России в Таможенный союз (ТС) и Единое экономическое пространство (ЕЭП) предполагает проведение единой согласованной агропромышленной политики по отношению к третьим странам. Основные положения Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики были заложены в ст. 94, 95 «Договора о ЕАЭС» (далее – Договор). Долгосрочной задачей такой политики признан переход к применению единых мер развития АПК ЕАЭС и обеспечение коллективной продовольственной безопасности.

Кроме того, импортозамещение предусматривает Карта агроиндустриализации Союза [201]. ЕАЭС признает большую долю импорта сельскохозяйственных товаров и ресурсов и ставит задачу по снижению зависимости стран ЕАЭС от зарубежной агропродукции. Основные

категории импорта – фрукты и овощи, кофе и чай, алкоголь и табак, ресурсы (семена, удобрения, пестициды, племенной материал). Однако его проведение сдерживается рядом факторов.

В ходе применения Россией специальных экономических мер для обеспечения национальной безопасности сама идеология интеграционного объединения показала свою несостоятельность. При отсутствии подобных решений о применении ограничительных мер со стороны остальных государств-членов торговая политика ЕАЭС становится менее согласованной. Это также противоречит функционированию единой таможенной территории, так как пересекая внешнюю таможенную границу, товар должен свободно перемещаться по интеграционному объединению.

Участились торговые конфликты между странами евразийской «пятерки». Как уже отмечалось, Белоруссия стала транзитным каналом для ввоза санкционных продуктов в Россию. В основном это норвежская рыба, польские овощи и фрукты, литовская молочная продукция (феномен «белорусского лосося»). Проблема также состоит в отсутствии достоверной статистики по объемам импортируемой и растаможенной в Белоруссии продукции, которая поставляется в Россию с недостоверными в части страны происхождения реэкспортными сертификатами.¹⁾ Реэкспорт товаров подрывает цель интеграции по устранению контроля над перемещением товаров на внутренних границах.

П р и м е ч а н и е – Название феномен «белорусского лосося» предложено автором в качестве обобщения ситуации, когда запрещенный импорт ввозится на территорию России через страну-партнера по ЕАЭС. Как, например, в случае с поставками норвежского лосося через Белоруссию.

Взаимная торговля Казахстана и России продовольственными товарами также переживала сложные времена. Казахстан в 2015 г. вводил эмбарго на конфеты, масло, мясо, соки, яйца, макароны, муку, некоторые алкогольные напитки из России. Причиной тому была девальвация рубля,

¹⁾ Терпение лопнуло: Россия тормозит санкционку из Белоруссии // Газета.ру. – 2019. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/28/12271346.shtml> (дата обращения: 21.09.2020).

которая наносила ущерб местным производителям в результате удешевления данных продуктов. Ответной реакцией стало выявление нарушений фитосанитарных норм в дынях, кефире и молоке, поступающих из Казахстана.

Конфликты не обошли стороной Казахстан и Кыргызстан. Они были связаны с киргизской молочной продукцией, идущей транзитом через Казахстан. В результате введения казахской стороной запрета на автоперевозки мясной и молочной продукции из Киргизии в Россию и на Запад, продукция, не соответствующая установленным на территории ЕАЭС нормам и стандартам, стала поступать на рынок Казахстана. Позднее (конец 2017 г.) Казахстан обвинил соседа в контрабанде китайских товаров через киргизскую границу, что нарушает принципы функционирования ЕАЭС и наносит ущерб экономике Казахстана.

Нетарифные ограничения под маской санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер – распространенная практика на внутренних товарных рынках ЕАЭС [101, с. 9]. Так, в ноябре 2019 г. Россия запретила ввоз 138 т помидоров, перца и мандаринов из Казахстана, фасоли и орехов из Кыргызстана, а также 500 л киргизского напитка «Чалап Шоро». Ранее в сентябре 100 т киргизской продукции также не пропустили через российскую границу. Причиной в обоих случаях было отсутствие фитосанитарных сертификатов и документов, которое на самом деле объясняется следующим: при выращивании фасоли фермеры в Киргизии стали злоупотреблять химическими удобрениями, что ухудшило качество продукции. В то время как получение сертификата – процесс затратный по времени и не гарантирующий результата, многие фермеры предпочитают продать товар посредникам, пытающимся реализовать его в дальнейшем [200]. Однако здесь же стоит отметить, что в некоторых случаях подобные меры могут быть оправданы, так как на территории ЕАЭС растет производство и распространение фальсифицированной и контрафактной продукции. По оценкам, в продовольственном сегменте средний уровень фальсификации

пищевых продуктов в 2017-2018 гг. составил 20-30% (по отдельным группам – до 60%) [206, с. 28].

Все это вытекает в периодическое несоблюдение индикативных балансов объемов поставок продовольствия, предусмотренных ст. 95 п. 7.2 Договора в целях реализации согласованной агропромышленной политики, и является угрозой обеспечению продовольственной безопасности, так как с их учетом планируются производство, товаропотоки и инвестиционные вложения в отрасль.

Кроме того, стремительно развивается ложный или «исчезающий» транзит – ситуация, когда, согласно документам, продукция перемещается через территорию России из Белоруссии в Казахстан, хотя фактически разгружается и оседает в Москве. С января по сентябрь 2018 г. к соседям по ЕАЭС не доехало 61 тыс. т, или 74,5% всей ввезенной в Россию молочной продукции [98].

Проведению полноформатного импортозамещения в ЕАЭС препятствуют слабое развитие рыночной инфраструктуры, наличие посреднических элементов, влияющих на конечную цену продукта, низкие производственные объемы продукции с добавленной стоимостью и ее недостаточно высокое качество, неразвитость товаропроводящей сети (далее – ТС)¹ в рамках единого агропродовольственного рынка для беспрепятственного межрегионального товарообмена. В настоящее время внутрисоюзная логистическая инфраструктура слабо развита, не соответствует потенциалу интеграции и сильно отстает от мировой; отсутствуют крупные логистические хабы, что приводит к высоким сбытовым издержкам и потерям продовольствия на этапе транспортировки по ЕАЭС.

П р и м е ч а н и е – Товаропроводящая сеть представляет собой сеть оптово-распределительных центров (ОРЦ), которая связывает всех участников товаропроводящей системы и охватывает цепочку товаропродвижения от производителя до полки.

Более подробно вопрос, связанный с выработкой и проведением согласованной аграрной политики ЕАЭС, будет рассмотрен в третьей главе. Здесь же отметим, что некоторые заложенные в Доктрину 2030 пункты, касающиеся евразийской интеграции, не соответствуют положениям Договора. Например, высокие пороговые значения продовольственной независимости, отраженные в Доктрине, предполагают минимизацию любого продовольственного импорта с целью защиты российского рынка. Это идет вразрез с идеей функционирования общего аграрного рынка и развитием внутренней торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием среди стран ЕАЭС. То есть, Доктрина 2030 в большей мере ориентирована на освоение евразийских продовольственных рынков российскими производителями, нежели на повышение своей открытости для партнеров по интеграции.

В контексте данной проблемы обращает на себя внимание сотрудничество России и Беларуси. Белорусский агропродовольственный экспорт в Россию возрос с 3,1 млрд долл. в 2015 г. до 4,3 млрд долл. в 2020 г., что составляет треть совокупного белорусского экспорта в Россию [236]. Доктрина 2030 предполагает углубление связей этих двух государств. Однако она совсем не учитывает тот факт, что белорусское сельское хозяйство традиционно специализируется именно на товарах, заложенных в показатель продовольственной самообеспеченности России: картофеле, мясной и молочной продукции. Уровень самообеспеченности Белоруссии по итогам 2020 г. по этим категориям составляет 100,4%, 134,9% и 256%, соответственно [196]. А повышение показателя продовольственной независимости по данным группам может поставить Союзное государство и партнера России по ЕАЭС в затруднительное положение, так как несмотря на расширение географии поставок, зависимость от российского рынка безальтернативно и критически высока. Сокращение экспорта в Россию и невозможность быстрой и масштабной экспортной переориентации потоков

белорусского продовольствия могут привести к существенным бюджетным потерям и затовариванию для белорусской экономики.

Таким образом, импортозамещение в российском АПК необходимо изучать не только на национальном, но и на интеграционном уровне. Его результаты во многом определяются положением дел в интеграции, поскольку зарубежные страны ЕАЭС являются крупными поставщиками агропродовольствия в Россию. От результатов замещения иностранной продукции в ЕАЭС в перспективе зависит экономическая доступность продовольствия в странах-участницах, так как импортозамещение могло бы снизить стоимость продуктов в рознице.

Выводы по главе 2

В главе подтверждена гипотеза исследования: внешнеэкономические факторы играют важную роль в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности. В то же время их действие противоречиво. Они могут как укреплять продовольственную безопасность, так и ослаблять ее.

Импортозамещение в России имеет противоречивый характер. С одной стороны, страна смогла обеспечить свою независимость по большинству товарных групп в условиях усиливающегося геополитического давления, что позволило ей расширить экспортное предложение. С другой стороны, и импортозамещение и наращивание экспорта ослабляют экономическую доступность продовольствия для населения, прежде всего из-за роста внутренних цен. Особенно ярко это проявляется при падении покупательной способности в период девальвации рубля и высокой волатильности мировых цен на сырьевые продовольственные товары в период COVID-19.

Ограничение негативного влияния внешнеэкономических факторов на продовольственную безопасность нашей страны возможно при более

активном использовании преимуществ внешней торговли и региональной экономической интеграции в ЕАЭС. Актуальность приобретает проведение импортозамещения в АПК на уровне ЕАЭС и, как следствие, создание региональных цепочек добавленной стоимости. Целенаправленное повышение эффективности и конкурентоспособности евразийского сельского хозяйства в перспективе способно укрепить коллективную и национальную продовольственную безопасность стран-членов ЕАЭС. Однако в настоящее время возникают некоторые противоречия при реализации политики продовольственной безопасности на национальном и интеграционном уровнях.

Глава 3

Совершенствование использования внешнеэкономических факторов для обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации

3.1 Развитие агропродовольственного экспорта в целях обеспечения национальной продовольственной безопасности

Связь развития экспорта с обеспечением продовольственной безопасности на первый взгляд может показаться не очевидной и даже спорной. Однако, во-первых, экспорт формирует внешнеполитический имидж страны, делая ее более привлекательной для иностранных инвестиций, которые в дальнейшем направляются на развитие национального АПК. Во-вторых, расширение экспорта аграрной продукции подразумевает модернизацию существующих и создание новых производств, чтобы производимая страной продукция соответствовала мировым требованиям и стандартам, была конкурентоспособной по цене и качеству; а также диверсификацию продовольственного ассортимента. Теоретически, при выходе на внешний рынок снижается цена для внутреннего рынка и улучшается снабжение населения. В-третьих, за счет экспорта формируются валютная выручка страны, налоги и пошлины, которые вносят вклад в поддержку и развитие АПК, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также позволяют импортировать не имеющееся в стране агропродовольствие. Однако, чтобы экспорт действительно способствовал обеспечению продовольственной безопасности, теоретический подход должен быть усилен практическим контролем в части мониторинга целевой направленности экспортной выручки в развитие продовольственной самообеспеченности.

При этом существует ряд важных оговорок, применимость которых во многом зависит от политики обеспечения продовольственной безопасности страны. Во-первых, продукция внутреннего производства должна обеспечивать потребление внутри страны. В то же время на рассмотренных примерах Японии и ЕС было установлено, что эти страны, несмотря на нехватку некоторого продовольствия для удовлетворения потребностей населения, активно наращивают свои экспортные возможности. При этом их продукция конкурентна, во многом благодаря высоким стандартам качества и безопасности.

Во-вторых, экспорт должен быть эффективным, то есть служить национальным целям страны-экспортера. В данном контексте интересен пример США: страна импортирует дешевую сельскохозяйственную продукцию для использования в производстве продукции с добавленной стоимостью, которая в дальнейшем экспортируется; а финансовое выражение разницы между экспортом и импортом направляется на поддержку малоимущих и уязвимых слоев населения.

Сопутствующие переходу на экспортоориентированную модель развития аграрного сектора проблемы, которые были отмечены во второй главе, обуславливают необходимость научно обоснованного подтверждения объективности ограничительных мер и выработки рекомендаций по экспорту продовольствия.

Связь экспорта и продовольственной безопасности находится в фокусе внимания многих исследователей. С. Estrades, М. Flores, G. Lezama, а также Т. Fellmann, S. Helaine и О. Nekhay рассматривают вопрос с точки зрения влияния экспортных ограничений, вводимых в целях продовольственной безопасности, на продовольственные цены [132; 134]. Неэффективность и высокая стоимость экспортных ограничений доказана в работе В. Wright [191]. Влияние ограничений экспорта на международные поставки и мировые цены изучена в работе А. Espitia, N. Rocha, M. Ruta. Влияние экспортных ограничений на внутренний рынок страны их вводящей

анализируют М. Siddhartha, J. Tim, E. Aragie, K. Pauw, V. Pernechele [116; 177]. Связь экспорта с продовольственной самообеспеченностью отражена в работах J. Beckman, C. Estrades, M. Flores, A. Aguiar, В.Ю. Черновой [22; 120]. Однако, несмотря на широкий спектр работ, рассмотренных в них аспектов и концепций, не была предложена методология и система расчетов, связанная с экспортным регулированием в целях обеспечения продовольственной безопасности.

В данной связи представляется целесообразным дополнить существующие теоретические наработки анализом влияния экспорта на продовольственную безопасность и предложить эконометрическую модель экспортного регулирования. Ее целью является определение товарных групп и допустимого объема их экспорта, не наносящего ущерба целевой самообеспеченности страны, и выявление взаимосвязи между внутренней и мировой ценами на экспортируемое продовольствие. Модель ограничена отсутствием балансов по растительному маслу и сахару в открытом доступе, а также отсутствием данных о российских экспортных ценах на мясо и рыбу.

Применяемая до настоящего времени методика расчета уровня самообеспечения ограничена учетом только внутреннего производства для удовлетворения национальных потребностей (среди которых: производственное потребление, личное потребление, потери продукции, промышленная переработка на непищевые цели) [5; 7]. В то же время, как отмечалось в главе 1, в международной практике используется более широкий подход к оценке самообеспеченности. Это соответствует характеристике страны как импортера или экспортера продовольствия.

Принципиальным в модели является учет экспорта продовольствия в общем объеме доступного для потребления внутреннего предложения. Это в большей степени соответствует текущему статусу России как страны-экспортера.

Расчет коэффициента самообеспеченности при текущем потреблении, в основу которого заложена доля доступного для потребления внутреннего

предложения с учетом продовольственных потерь и экспорта, производится по формуле (4)

$$SSR_S = \frac{(DP-L-E)}{(DP-L-E)+I+(S_{НГ}-S_{КГ})}, \quad (4)$$

где SSR_S – коэффициент самообеспеченности при текущем потреблении;
 DP – внутреннее производство;
 L – уровень потерь данного вида сельскохозяйственной продукции;
 E – объем экспорта данного вида сельскохозяйственной продукции;
 I – объем импорта данного вида сельскохозяйственной продукции;
 $S_{НГ}$ – запасы на начало года;
 $S_{КГ}$ – запасы на конец года.

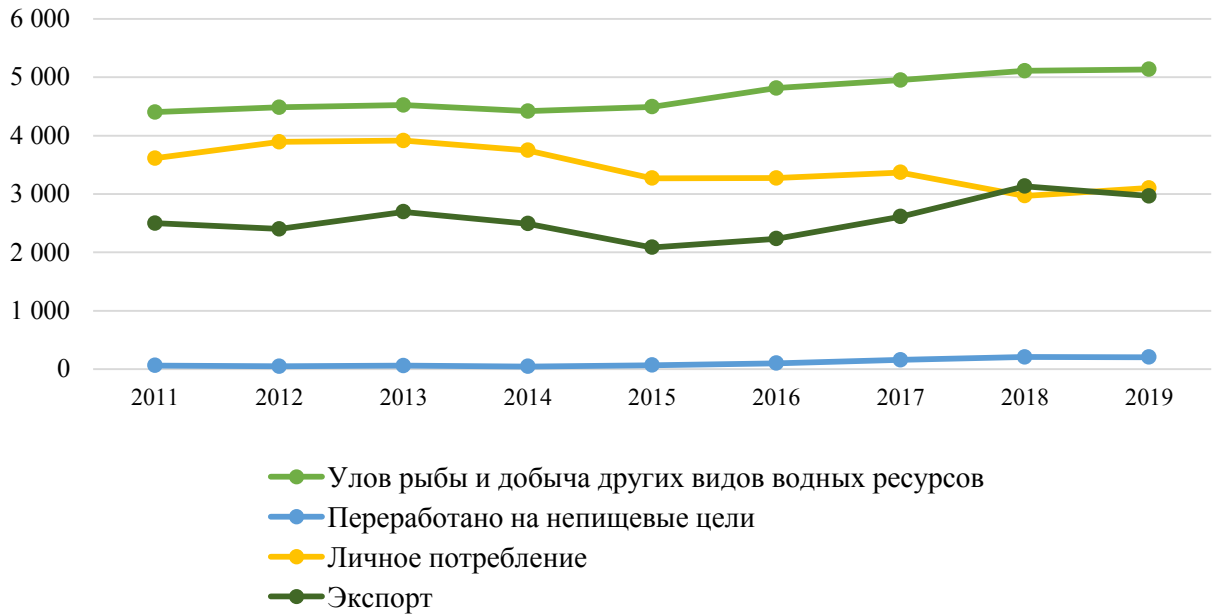
Из формулы (4) выражаем формулу (5) для расчета допустимого (предельного) объема экспорта, который не наносит ущерба целевой продовольственной самообеспеченности, установленной Доктриной 2030:

$$E_{ТЕК}^{ПРЕД} = \frac{DP-L-SSR_S(DP-L+I+S_{НГ}-S_{КГ})}{1-SSR_S}. \quad (5)$$

Превышение показателя самообеспеченности, установленного Доктриной 2030, характеризует экспортный потенциал по данной товарной группе [94, с. 5]. Анализ балансов продовольственных ресурсов свидетельствует о том, что экспортными товарными группами являются зерновые, мясная и рыбная продукция. Однако применение модели позволяет утверждать, что самообеспеченность по рыбной продукции, равно как и по остальным товарным группам, не достигнута. В приложении Л собраны иллюстративные материалы, характеризующие выполненные расчеты.

С 2015 г. Россия полностью самообеспечена мясной продукцией, в основном за счет мяса птицы и свинины. В то же время фактический объем экспорта в 2020 г. оказался в 12 раз меньше допустимого.

В последние годы фактический экспорт рыбной продукции почти в 2 раза превышает предельно допустимый объем. В 2018 г., как видно из рисунка 20, экспорт превысил внутреннее потребление. Это создает дефицит рыбы на внутреннем рынке, несмотря на улов в достаточном объеме.

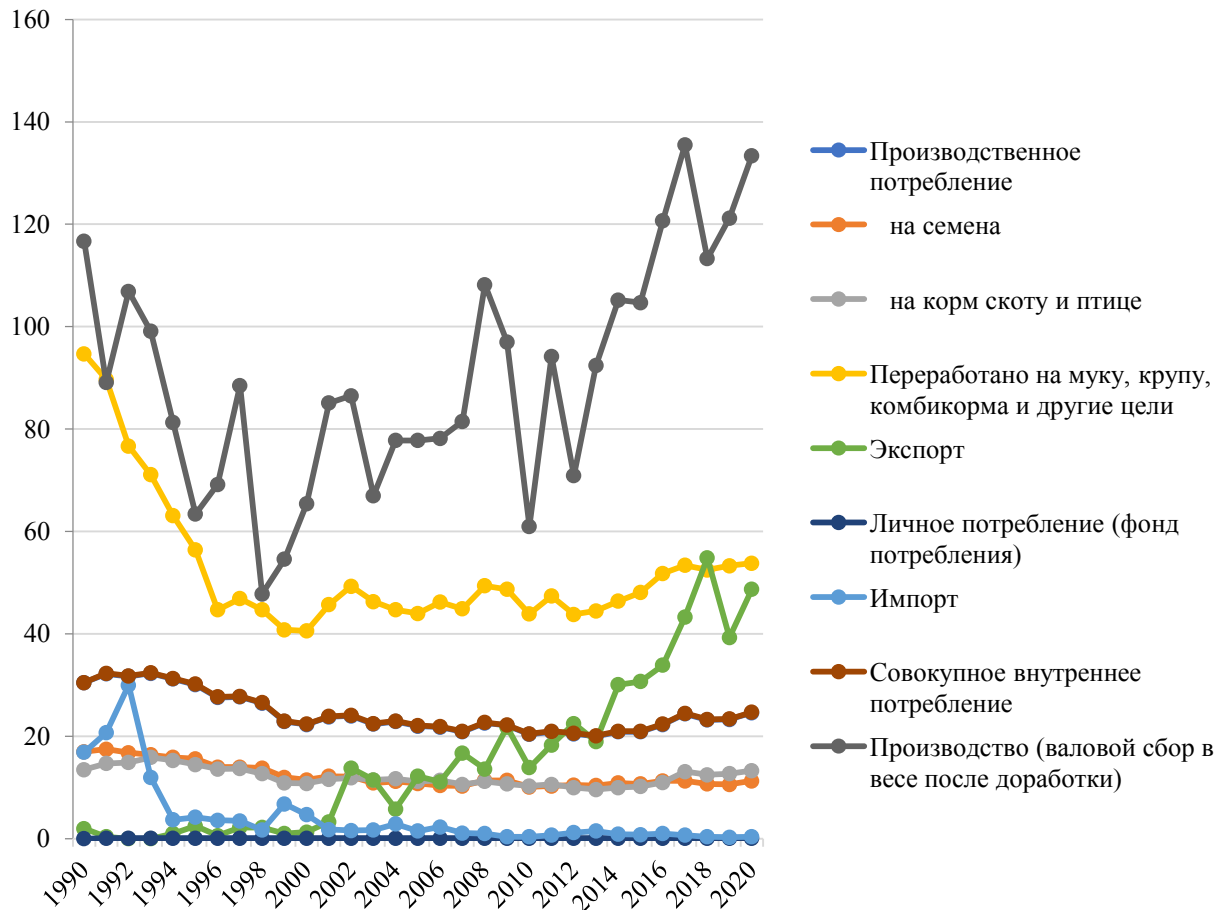

Источник: составлено автором по материалам [225].

Рисунок 20 – Объемы улова, потребления и экспорта рыбной продукции, в тысячах тонн

Зерновые, как самый актуальный для российского экспорта и зависимый от мировой конъюнктуры товар, представляет собой наибольший интерес для анализа.

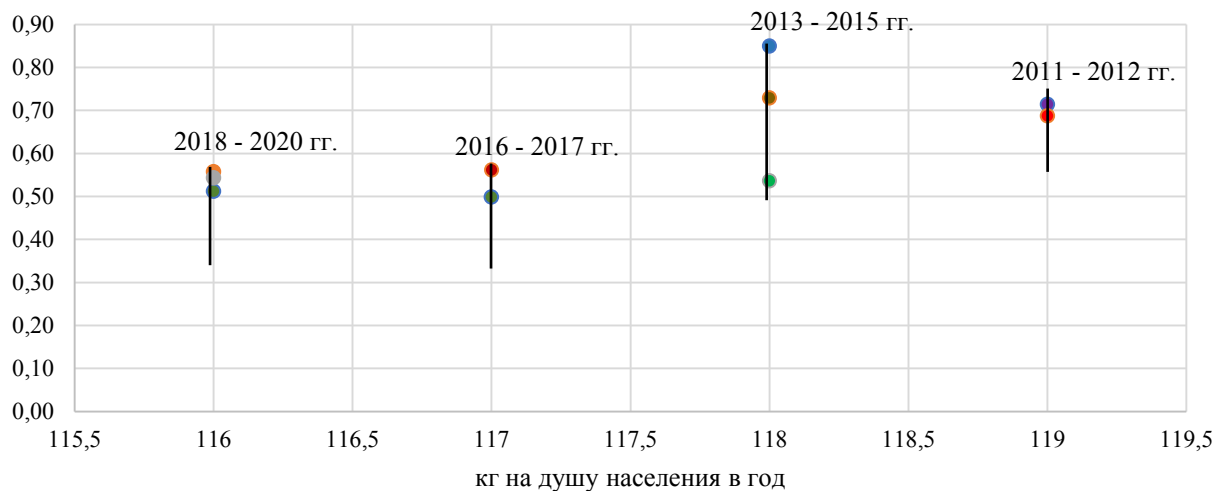
Начиная с 2013 г. темпы роста российского экспорта зерновых превышают темпы роста внутреннего потребления, которое в течение последнего пятилетия практически неизменно, в соответствии с рисунком 21. Несмотря на это, в 2020 г. фактический экспорт был в 4,7 раза меньше допустимого значения, в том числе из-за экспортных ограничений.

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок 21 – Динамика экспорта, импорта и внутреннего потребления зерновых в период с 1990 г. по 2020 г., в миллионах тонн

При этом спрос населения на зерновые и продукты их переработки на среднесрочных временных интервалах (2-3 года) – совершенно неэластичен. Как показано на рисунке 22, объем потребления населением хлеба и макаронных изделий, пересчитанный на крупы, муку и бобовые, в 2011 – 2012 гг. находился на уровне 119 кг при разном уровне цен, в 2013 – 2015 гг. – на уровне 118 кг, в 2016 – 2017 гг. – на уровне 117 кг, в 2018 – 2020 гг. – на уровне 116 кг.

Источник: составлено автором по материалам [225].

Рисунок 22 – Потребление населением хлебных продуктов (хлеба, макаронных изделий в пересчете на муку, крупу, бобовые) в 2011 – 2012 гг., в 2013 – 2015 гг., в 2016 – 2017 гг. и в 2018 – 2020 гг.

Таким образом, катализатором развития отрасли производства зерновых является производственное потребление, в т. ч. животноводство, и экспорт. Россия является страной-лидером по экспорту пшеницы с долей на мировом рынке в 20%, поэтому цена российского экспорта на пшеницу не может не оказывать влияния на мировую цену. Существует и обратная связь.

В данном исследовании оценка наличия взаимосвязи между внутренней оптовой ценой на зерновые культуры и мировой ценой осуществляется посредством корреляционного анализа. Такая взаимосвязь может быть выражена по формуле (6)

$$Y = f(X), \quad (6)$$

где X – независимая переменная или аргумент;

Y – функция от независимой переменной или зависимая переменная.

Если обнаружена корреляция между двумя переменными, это означает, что при систематическом изменении в одной переменной, происходит систематическое изменение в другой; переменные изменяются вместе в течение определенного периода времени. Если найдена корреляция, в

зависимости от измеренных числовых значений, она может быть как положительной, так и отрицательной.

Положительная корреляция существует, если одна переменная увеличивается одновременно с другой, то есть высокие числовые значения одной переменной относятся к высоким числовым значениям другой.

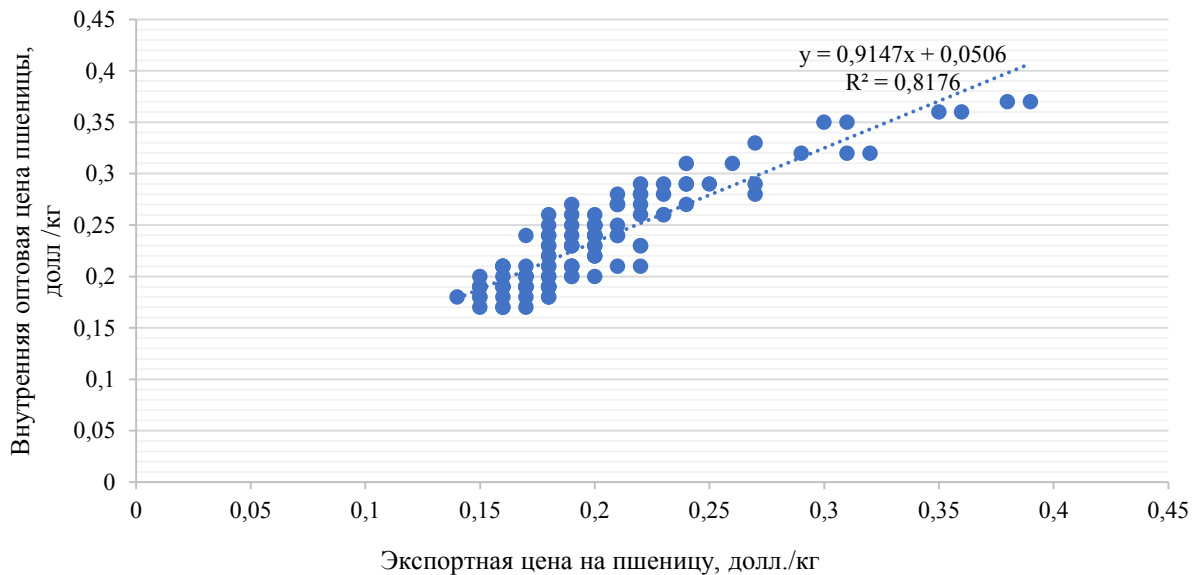
Отрицательная корреляция существует, если одна переменная уменьшается, когда другая увеличивается, то есть высокие числовые значения одной переменной относятся к низким числовым значениям другой.

Уравнение для коэффициента корреляции представлено формулой (7)

$$R(X, Y) = \frac{\Sigma(x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\Sigma(x - \bar{x})^2 \Sigma(y - \bar{y})^2}} \quad (7)$$

При значении коэффициента корреляции ближе к +1 или -1, он указывает на положительную (+1) или отрицательную (-1) корреляцию между массивами данных. Положительная корреляция означает, что при увеличении значений в одном массиве, значения в другом массиве также увеличиваются. Коэффициент корреляции ближе к 0 свидетельствует о том, что корреляция отсутствует или является слабой.

Данное исследование показало, что зависимость внутренней оптовой цены на пшеницу (y) от экспортной цены (x) описывается уравнением $y = 0,9147x + 0,0506$, как представлено на рисунке 23. Коэффициент корреляции равен 0,8176, что свидетельствует о высокой взаимозависимости внутренних оптовых и экспортных цен.

Источник: рассчитано и составлено автором.

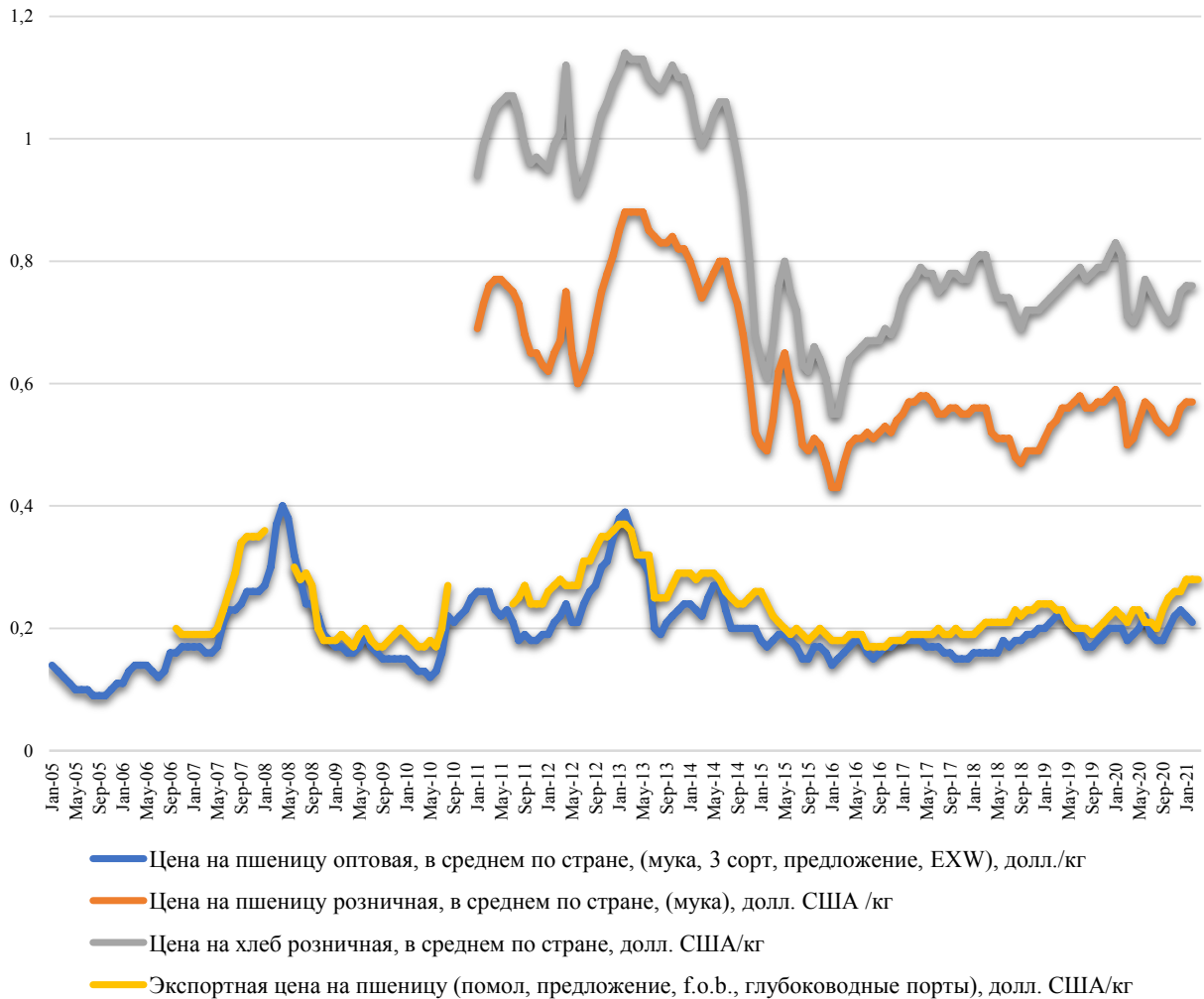
Рисунок 23 – График зависимости внутренней оптовой цены на пшеницу от экспортной цены

Когда личное потребление на среднесрочных временных интервалах – величина постоянная при любом уровне цен и в долгосрочном периоде имеет тенденцию к снижению, а производственное потребление характеризуется слабым ростом, количественное ограничение экспорта при полном насыщении внутреннего рынка может снизить стимулы к развитию отрасли.

С одной стороны, введение пошлин на экспорт и иных мер регулирования цен в условиях очень тесной зависимости внутренних оптовых цен от экспортных цен неизбежно приведет к росту внутренних оптовых цен. Так, к примеру, введение пошлины в размере не менее 100 долларов за тонну может привести к росту внутренней оптовой цены более чем на 91,47 долларов за ту же тонну. В то же время отсутствие регулирования экспорта зерновых при высоких мировых ценах может привести к полному вывозу всего произведенного в стране объема зерновых и нанести ущерб продовольственной безопасности.

С другой стороны, регулирование экспорта в отсутствие регулирования внутренних розничных цен не дает ожидаемого эффекта снижения цен для потребителей. Как показано на рисунке 24, снижение оптовой цены с декабря 2020 г. по февраль 2021 г. на 9% сопровождалось ростом розничных цен на

муку и хлеб, которые в долларовом измерении выросли на 9,6% и 8,6%, соответственно.

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [257].

Рисунок 24 – Динамика экспортных, внутренних оптовых и розничных цен на пшеницу, муку и хлеб в период с января 2005 г. по январь 2021 г.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) Для товарных групп, по которым достигнута продовольственная самообеспеченность в установленных Доктриной 2030 пределах, необходимо развивать экспортное направление и не ограничивать экспорт в коридоре допустимого объема. К таким товарным группам относятся зерновые и мясная продукция.

2) Для товарных групп, по которым не достигнута продовольственная самообеспеченность (рыбная продукция), а экспорт

превышает предельно допустимый объем, необходимо вводить ограничительные меры.

3) Для стабилизации внутренних цен и предотвращения вывоза за рубеж продукции сверх предельно допустимого объема необходимо:

– ввести верхнюю и нижнюю границу цен для розничной торговли исходя из экономического обоснования этих цен. Однако данное предложение требует дальнейшего исследования в части выявления рисков, преимуществ и возможных последствий. При установлении ценового коридора, цены, с большой вероятностью, будут стремиться к верхнему пределу. В соответствии с данной рекомендацией требуется определение «потолка» цены для производителя и для розничной торговли по каждому виду продукции в каждом субъекте страны;

– разрешить отрасли беспрепятственный экспорт в пределах допустимого объема по сложившимся на мировых рынках ценам при условии обязательной поставки на внутренний рынок того объема продукции, который обеспечит продовольственную самообеспеченность в установленных Доктриной объемах по ценам не выше предельно установленных (экономически обоснованных в текущей ситуации).

3.2 Формирование и возможные перспективы расширения экспортного потенциала российского агропромышленного комплекса

Расширение экспортного потенциала и обеспечение продовольственной безопасности – два национальных приоритета России, заложенные в Доктрину 2030. Задача по достижению положительного сальдо торгового агропродовольственного баланса требует поиска наиболее эффективных способов приращения агропродовольственного экспорта.

Концепция экспортоориентированного импортозамещения, или как было отмечено выше – «осознанный» этап импортозамещения, в основе которой лежит создание национальных производств, способных обеспечить

как внутреннее потребление, так и конкурентоспособность на внешних рынках, позволяет усилить положение страны в глобальной экономике, сохранив целостность и независимость национального хозяйственного комплекса. Примером того, как преуспевшие в промышленном экспорте страны добились таких результатов благодаря синергии протекционизма и ориентации на внешний мир, может служить экономическое чудо в Юго-Восточной Азии.

Как уже отмечалось, в последние годы Россия улучшила свои позиции в рейтинге основных мировых экспортеров продовольствия, прочно утвердившись в числе лидеров по экспорту пшеницы. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что для России открываются перспективы во внешней торговле продовольствием, и требует уточнения возможностей и способов решения сопутствующих проблем при расширении экспортного потенциала российского АПК.

Расширение экспортного потенциала базируется на трех столпах: предложение, его конкурентоспособность и рынки сбыта. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Предложение или продукция на экспорт. Требуется диверсификация сельскохозяйственного и продовольственного экспортного предложения, создание новой товарной массы с добавленной стоимостью. Еще в начале 1820 годов российский экономист Н.С. Мордвинов призывал «переменить вывоз из России хлебного зерна – вывозить мукою в бочках» [82].

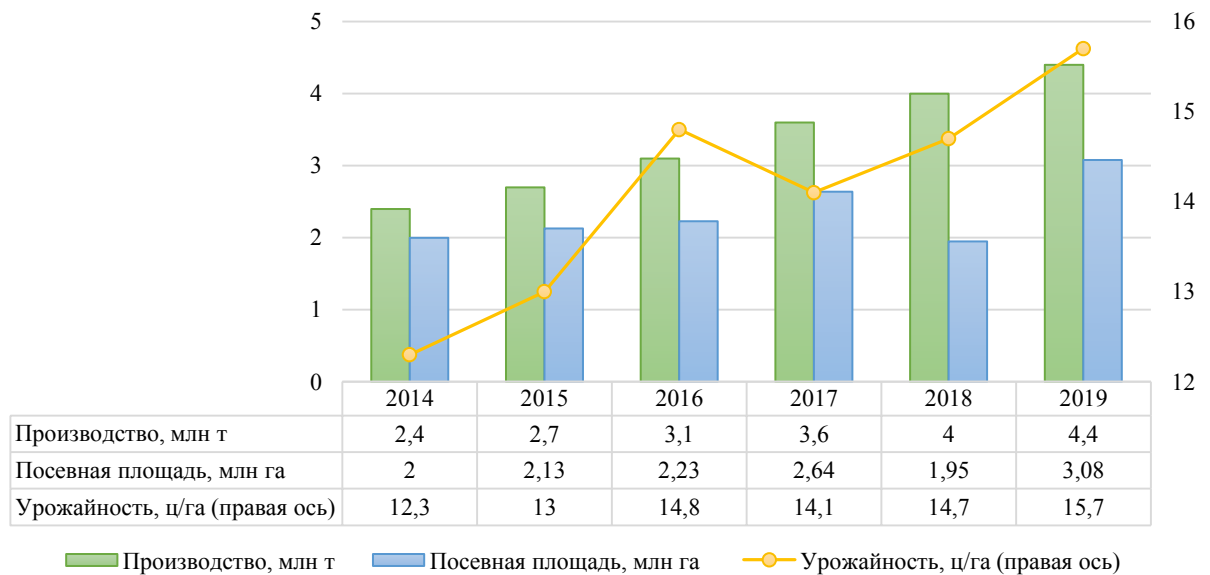
В то же время аграрный экспорт России преимущественно сырьевой, который в дальнейшем используется импортерами для создания продуктов с добавленной стоимостью. Например, зерно для турецкой муки, минтай для китайских крабовых палочек и т.д. Перспективным направлением является глубокая переработка сырья и импортных сырьевых поставок на территории России и последующий экспорт готовой продукции.

В прогнозе ОЭСР-ФАО на 2020-2029 гг. сделан вывод, что в ближайшее десятилетие предложение будет обгонять спрос, а цены на

сельскохозяйственное сырье не изменятся или снизятся [161]. В таком случае более правдоподобным представляется увеличение в объемных показателях, нежели в денежных, что затрудняет достижение цели к 2025 г. Это лишь добавляет аргументов в пользу продвижения несырьевого экспорта, продуктов переработки с добавленной стоимостью. При этом необходим эффективный механизм возмещения затрат на строительство площадей и на высокотехнологичное оборудование для глубокой переработки в качестве стимулирования производителей к производству такой продукции.

Одним из вариантов расширения экспортной товарной массы является реакция на запрос рынков сбыта. Например, со стороны Турции существует потребность в кукурузе, производство которой требует большого количества дорогой для Турции воды. Несмотря на конкуренцию со стороны Украины, урожай которой в два раза превышает российский, турецкие эксперты отмечают качество и приоритет последнего.

Кроме того, во всем мире, особенно со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона, возрастает потребность в сое, и особенно с высоким содержанием протеинового белка (36-40%). Преимуществом России является то, что сорта дальневосточной селекции не подвергаются генным модификациям, представляя собой экологически чистый продукт [87]. Для России соя является одной из самых рентабельных культур, в том числе с точки зрения перспектив ее экспорта. По данным Минсельхоза, валовый сбор сои в России с 2014 г. вырос в 1,8 раза, составив 4,4 млн т в 2019 г. Средний темп прироста посевных площадей за последние шесть лет составил 9%. Площадь посева в 2019 г. – 3,08 млн га (в 2014 г. – 2,0 млн га) при урожайности 15,7 ц/га против 12,3 ц/га в 2014 г., как показано на рисунке 25.

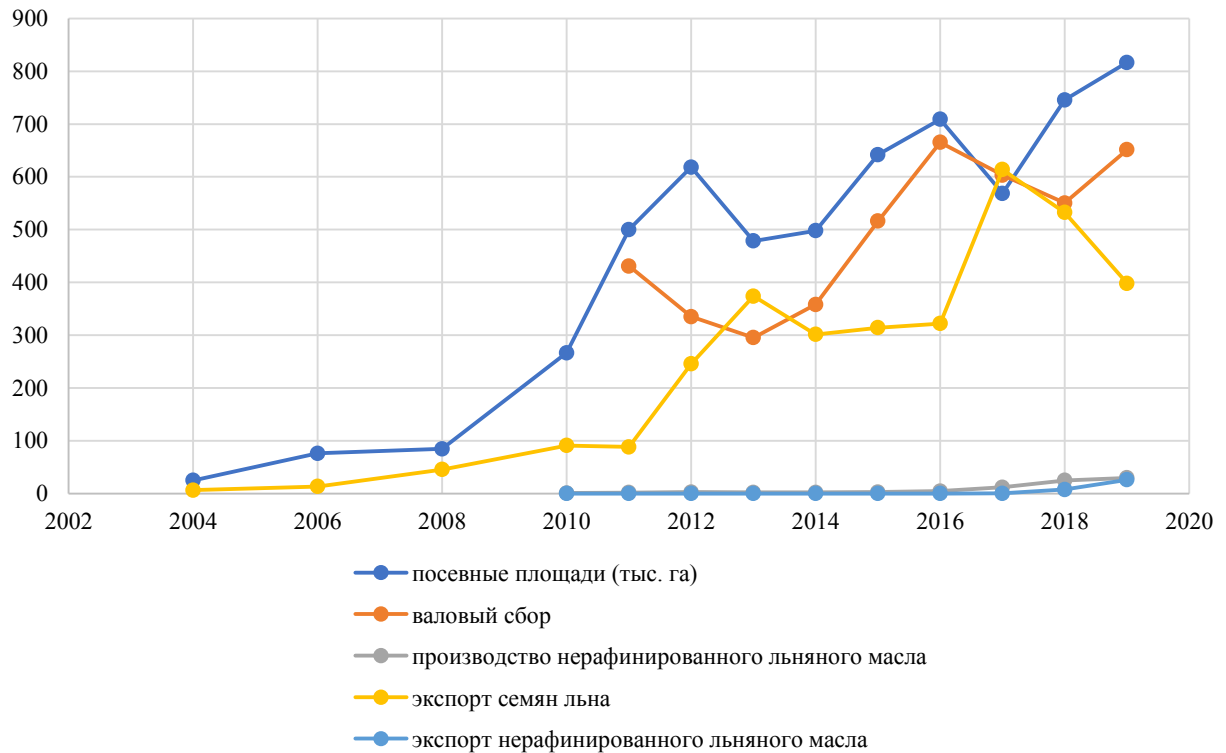
Источник: составлено автором по материалам [3].

Рисунок 25 – Динамика производства сои в России во всех категориях хозяйств

Наравне с соей необходимо расширять производство других технических культур, таких как лен, рапс, отходя от ориентации только на подсолнечник. Например, за последние десять лет цена тонны масличного льна возросла в 6 раз. Это обусловлено позицией России в тройке мировых лидеров в производстве после Казахстана и Канады, формирующей ограниченное предложение для возрастающего спроса на данную культуру. Лен – неприхотливая к условиям возделывания и климату культура, в меньшей степени подверженная паразитированию болезней и вредителей, что кратно сокращает потери урожая. В семенах льна-кудряша содержится до 48% масла. Внутренняя переработка льна в растительное масло – дополнительный потенциал для расширения экспортного предложения с добавленной стоимостью. При этом льняное масло признано продуктом, связанным с качественным питанием, содержание ненасыщенных жирных кислот в нем в два раза превышает рыбий жир.

Однако, несмотря на увеличение площади посевов масличного льна (+64% к уровню 2014 г., до 816 тыс. га в 2019 г.), производство нерафинированного масла до сих пор незначительно, что отражено на рисунке 26. Например, в третьем по объему посевных площадей крупнейшем

регионе – Алтайском крае, на переработку остается лишь 2-3%, остальное отправляется за рубеж в качестве сырьевого экспорта [208].

Источник: составлено автором по материалам [210].

Рисунок 26 – Посевные площади, производство и экспорт масличного льна в России, в тысячах тонн

Из рисунка 26 также видно, что с 2004 г. российский экспорт семян льна возрос в 60 раз (на пике в 2017 г. – почти в 93 раза). Это еще раз подчеркивает проблему бесконтрольного и бездумного вывоза сырья. Наряду с зерновыми и масличными с приграничных территорий в больших объемах вывозятся продукты, составляющие основу качественного рациона и здоровья нации: кедровый и лесной орехи, расторопша, березовый гриб (чага) и др. Это требует государственного контроля за стратегическим сырьем. Необходима разработка списка стратегического агропродовольствия (например, по критерию пищевой ценности), и дальнейшее проведение постоянного мониторинга экспорта занесенных в него наименований.

Еще одним ориентиром при создании товарной массы для агроэкспорта должны стать потребительские предпочтения, прежде всего продукты здорового или этически произведенного с точки зрения концепции

«устойчивости» питания. Например, «не содержит ГМО», «Gluten Free», «органик», «эко» и др. Это соответствует и предлагаемому в данной работе новому методологическому подходу к оценке продовольственной безопасности.

«Экологизация» сельского хозяйства признана мировым сообществом как один из эффективных инструментов реализации задач ЦУР. Мировой рынок органики поступательно растет: в период 2015-2019 гг. среднегодовой темп роста составил 9% и превысил 120 млрд долл. [213].

Россия этот тренд не просто поддерживает, регламентируя рынок органической продукции (ФЗ «Об органической продукции»), она педалирует возможность производства «чистой» и безопасной продукции, создавая национальный «Зеленый бренд». Для понимания отличительных свойств последнего, в приложении М охарактеризована используемая в контексте экологически чистой продукции терминология. В зависимости от юрисдикции, после сертификации производитель имеет право называть свой продукт по-разному. В стандартах всех англоязычных стран или государств, где английский является вторым языком, например в Индии и Китае, применяется термин «органик». В то же время в европейском законодательстве, применимом для стран ЕС, несмотря на тождественность понятий «эко», «био» и «органик», есть приложение, согласно которому за каждой страной закреплено использование определенного названия [249].

В России до настоящего момента отсутствует общее понимание на первый взгляд синонимичных терминов, что, среди прочего, сдерживает развитие данной отрасли, а также ставит вопрос о признании российской продукции на зарубежных рынках. Российский рынок ЭКО-продукции находится на стадии зарождения, и именно к нему власти планируют отнести «Зеленый стандарт» (The Green One), под которым понимают триединство интенсивного аграрного производства, современных технологий и защиты окружающей среды. В условной пирамиде производимых продуктов он расположен между более эксклюзивной и менее доступной органикой и

интенсивно производимой сельскохозяйственной продукцией. Характерной чертой «зеленой» торговой марки станет использование удобрений с пониженным воздействием на почву и урожай, что повысит экологичность продукции.

Благоприятными предпосылками для производства чистой продукции являются национальные природные ресурсы. По оценкам ФАО, площадь земли, пригодной для ведения органического сельского хозяйства в России с 2010 г. возросла с 44 тыс. га до 607 тыс. га, что, конечно, в 58 раз уступает Австралии, но всего в 3 раза меньше, чем в среднем по Европейскому Союзу и в США.

В настоящее время требования к нормативам содержания токсичных элементов в фосфоросодержащих минеральных удобрениях (свинца, кадмия, мышьяка, никеля, ртути, хрома (VI), меди, цинка и биурета) ужесточаются во всем мире. Так, например, в июне 2019 года Евросоюз принял повсеместный запрет оборота фосфорных удобрений с содержанием кадмия выше 60 мг/кг содержания фосфора, который вступит в силу в 2022 г. Хотя уже сейчас Французское национальное агентство санитарной безопасности питания, окружающей среды и труда (ANSES) рекомендует установить предельный уровень кадмия в фосфатах в 20 мг/кг, иначе производимая на этих удобрениях продукция может нанести серьезный вред здоровью. В России подобных требований никогда не существовало, поскольку природное содержание следов токсичных веществ в российских фосфатах колеблется около нуля. Тем не менее, с появлением «Зеленого стандарта» российские производители минеральных удобрений получают возможность официально подтвердить чистоту своей продукции за рубежом.

Конкурентоспособность. В случае с «чистой» продукцией принципиальным является вопрос востребованности на мировом рынке. Для этого, как минимум, российские нормативы должны быть интегрированы в глобальные нормы «зеленого» регулирования, включая сертификацию и маркировку отечественной продукции на основе современных европейских и

международных стандартов (например, Кодекс Алиментариус). Задача Роскачества и Росстандарта, разрабатывающих в настоящее время требования к «зеленой» продукции, определить не сугубо национальные правила, а указания, совместимые с международными стандартами. Среди прочих в них следовало бы отразить вопросы защиты окружающей среды по всей производственной цепочке, от требования по неиспользованию антибиотиков до установки очистных сооружений на производящих предприятиях.

Это не просто усилило бы конкурентные позиции продукции «Зеленый стандарт» на внешних рынках, но и внесло бы вклад России в реализацию ЦУР. Если не уделить особого внимания разработке стандартов, то российское продовольствие с повышенными экологическими характеристиками ничем не будет отличаться от остальной продукции на мировом рынке. Это поставит крест на идее по расширению рынков сбыта, так как маркировка не станет мощнее ценового и политического факторов, которые являются определяющими при выходе за пределы страны.

В качестве обязательного условия реализации стратегии по расширению агроэкспорта должны проводиться комплексные высококачественные, аналитические исследования на государственном уровне по выявлению наиболее перспективных рынков и конкурентных видов продукции для конкретного рынка-импортера. В настоящее время затраты на такие исследования ложатся на производителя и снижают ценовую конкурентоспособность продукции, хотя опыт многих стран-экспортеров продовольствия свидетельствует о возложении этих затрат на государство [17, с. 181-182]. Поэтому подобные исследования, включающие в себя информацию о тарифных и нетарифных барьерах и ограничениях, дистрибьютерах, логистических цепочках, могут выступать в качестве инструмента государственной поддержки отрасли.

Для продвижения и позиционирования экспортной продукции создан зонтичный бренд «Сделано в России» (Made in Russia), подобно китайской

«Made in China 2025», американской «Made in USA» или индийской «Make in India» программам. В частности, для продукции АПК – суббренд «Good food Russia». Однако, что такое Россия с точки зрения продовольствия? Какая стойкая ассоциация возникает при упоминании российской продукции? Перспективным с точки зрения позиционирования может быть продвижение продукции с защищенным географическим наименованием, как было показано выше на примере Японии и ЕС. Так, всему миру известны сырная продукция бри, рокфор, пармезан, тильзитер, коньяк, шампанское, матча, вагю и др.

Для России такими товарами могут быть, например, адыгейский сыр, астраханский арбуз, башкирский мед, белевская пастила, вологодское масло, тульский и городецкий пряник, минеральная вода «Ессентуки» и «Архыз», шампанское Абрау-Дюрсо и др. – традиционные национальные бренды с историей, которые могут стать драйверами развития АПК конкретных регионов страны. Ключевое значение при выходе на мировой рынок имеет определение предложения и его маркетинговое продвижение.

Рынки сбыта. Особое внимание требуется поиску рынков сбыта. В качестве целевых направлений можно обозначить развивающиеся страны Юго-Восточной и Центральной Азии, Персидского залива и Африки. Особенно те из них, в которых покупательная способность опережает возможности национальных АПК.

Некоторые перспективы открывают последствия пандемии COVID-19, в результате которой возросло число импортозависимых стран с дефицитом местного производства. По оценкам экспертов ВПП, наиболее пострадавшими могут оказаться Нигерия, Эфиопия, Сомали, Йемен, Северная Корея, Венесуэла, Армения, Таджикистан и др.¹⁾ По оценкам Всемирного Банка, такими странами станут: развивающиеся страны – Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Египет, Йемен и Куба; менее

¹⁾ COVID-19: Potential impact on the world's poorest people. A WFP analysis of the economic and food security implications of the pandemic // WFP. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000114205/download/?_ga=2.161181757.1457691901.1639658314-1010236629.1639658314 (дата обращения: 18.05.2020).

развитые – республика Малави, Нигерия, большинство ближневосточных и северо-африканских стран; и развитые – Израиль, США, Канада, Швейцария.¹⁾

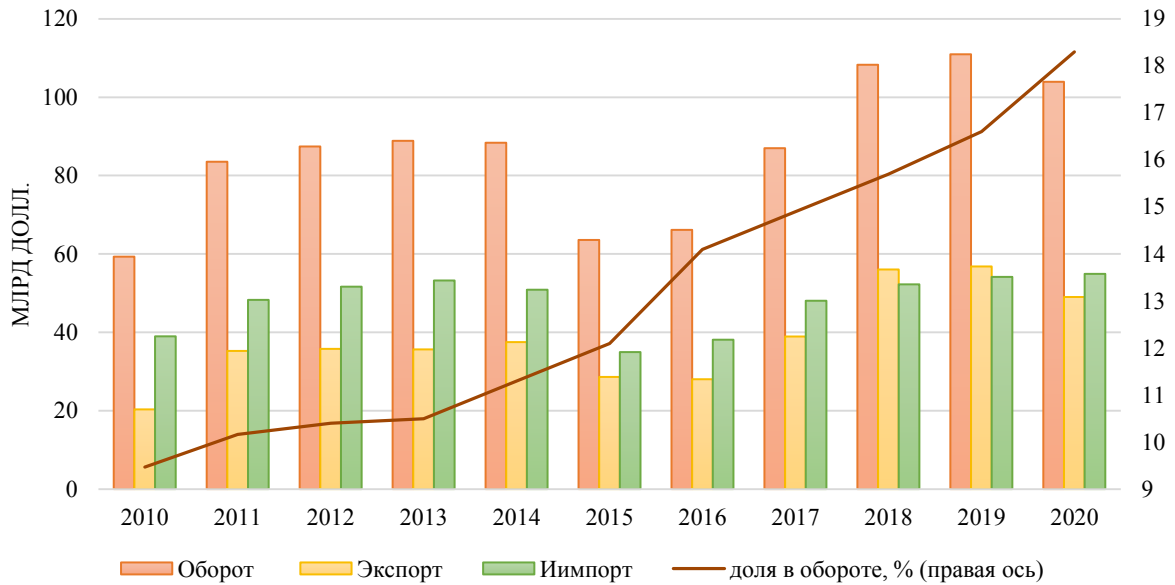
Кроме того, приоритетным остается «евразийское» направление: ЕАЭС, СНГ. Несмотря на политические разногласия, внимание также обращает на себя рынок Японии, тонкости и проблемы которого были рассмотрены в первой главе настоящей работы. По подсчетам ЕЭК, рынок Японии открывает перспективы для поставок сельскохозяйственной продукции государств-членов ЕАЭС [201].

Особого внимания требует вопрос сотрудничества с Китайской Народной Республикой (КНР). На сегодняшний день КНР – один из важнейших стратегических партнеров России на мировой арене. Страны связывают не только территориальная близость и сопредельность, но и общность взглядов на многие принципиальные вопросы современного миропорядка и ключевые международные проблемы, сотрудничество в рамках многосторонних организаций и форумов. И для России, и для Китая изменились геополитические условия. Затянувшиеся торговая война КНР с США и западные санкции против России становятся драйвером сближения и углубления двусторонних отношений, а также вовлечения Китая в сотрудничество со странами ЕАЭС.

Задача, поставленная главами двух государств, по увеличению двустороннего товарооборота до 200 млрд долл. к 2020 г. не выполнена. Тем не менее, как видно из рисунка 27, с 2016 г. во взаимной торговле наблюдается положительный растущий тренд, который незначительно скорректировала пандемия. Роль Китая в российской внешней торговле непрерывно возрастает. По данным российской таможенной статистики, в 2020 г. на Китай пришлось 18,3% общемирового внешнеторгового оборота России, что на 1,7% больше, чем годом ранее, а товарооборот уменьшился на

¹⁾ Covid-19 and Food Protectionism; The Impact of the Pandemic and Export Restrictions on World Food Markets // World Bank Group. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/417171589912076742/pdf/Covid-19-and-Food-Protectionism-The-Impact-of-the-Pandemic-and-Export-Restrictions-on-World-Food-Markets.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).

6,2% до 104 млрд долл. Для сравнения совокупный объем взаимной торговли товарами в ЕАЭС в 2020 г. составил 54,9 млрд долл. Однако доля России в совокупном китайском обороте в 2020 г. составила 2,32%, увеличившись с 2015 г. всего на 0,6%, а доля в импорте – 2,8%, что говорит о слабых позициях российского бизнеса в Китае [231].

Источник: составлено автором по материалам [236].

Рисунок 27 – Внешняя торговля России с Китаем в 2010-2019 гг., в миллиардах долларов

По итогам торговли в 2020 г. сельскохозяйственная продукция и продукты питания – третья по величине статья российского экспорта в Китай после минерального топлива, нефти и нефтепродуктов и древесины. Ее оборот составил 5,55 млрд долл., из которых на 4,09 млрд долл. импортировал Китай (+13,7% по сравнению с 2019 г.) [279].

Поставки подсолнечного масла увеличились в 2,2 раза по сравнению с 2019 г. до 629 тыс. т (447 млн долл.); соевого масла – в 1,8 раз до 290 тыс. т (213 млн долл.); рапсового масла – на 30% до 205 тыс. т (179 млн долл.); мяса птицы – в 3,5 раза до 123 тыс. т (226 млн долл.); мороженой рыбы – на 2,7% до 911 тыс. т (1,1 млрд долл., что на 4,9% меньше, чем в 2019 г.); соевых бобов – на 27% (201 млн долл.); семян рапса – в 2,5 раза (89 млн долл.); семян льна – на 48% (71 млн долл.). Однако, вопреки динамичному развитию российского агропродовольственного экспорта в

Китай, поставки продукции с добавленной стоимостью незначительны, хотя и возрастают: мясной муки – на 13% (65 млн долл.); сахаристых кондитерских изделий – в 1,8 раза (7,3 млн долл.); мороженого – на 20% (4,1 млн долл.); шоколада – на 7,4% до 42 тыс. т (88 млн долл.) [224].

В ближайшем будущем позиция Китая как крупнейшего импортера российского продовольствия будет усиливаться. Причин для того несколько. Во-первых, с 1961 г. население Китая стремительно растет и по итогам 2020 г. составило 1,4 млрд чел. [286]. Согласно прогнозным оценкам IFPRI, ВВП Китая на душу населения увеличится с 12 750 долл. в 2017 г. до 25 530 долл. в 2030 г. [182]. Как следствие, будет возрастать круг платежеспособных потребителей из числа среднего класса, изменяющих свои пищевые предпочтения в сторону выбора более разнообразных и качественных продуктов и, в целом, формирующих спрос на продовольствие, в том числе импортное для обеспечения полноценного питания. На протяжении последних двадцати лет структура потребления изменилась в направлении сокращения потребления зерновых при наращивании потребления растительных масел, мясных и молочных продуктов (преимущественно мяса птицы и свинины) [30, с. 7]. Согласно тому же прогнозу IFPRI, к 2030 г. Китай будет потреблять больше сахара, мяса, продуктов переработки семян масличных культур, бобовых, овощей и фруктов.

Во-вторых, сокращается число занятых в китайском сельском хозяйстве, с 364 млн чел. в 2000 г. до 195 млн чел. в 2019 г. При этом Китай является абсолютным мировым лидером по использованию пестицидов в сельском хозяйстве, которое в 2019 г. составило 1,8 млн т (42% мирового использования) или примерно 13кг/га [190]. Это на 72 % больше, чем в 2000 г. Международное исследование, проведенное в 2018 г., установило прямую зависимость между размером фермерского хозяйства и использованием удобрений и пестицидов на гектар [192]. Владения 98% фермеров составляют менее 2 гектаров на одно хозяйство, что говорит о

подавляющей доле малых фермерств. Ученые пришли к выводу, что чрезмерное использование сельскохозяйственных химикатов малыми фермерскими хозяйствами губительно влияет на китайское сельское хозяйство, сокращая пахотные земли, приводит к серьезным загрязнениям окружающей среды, подрывая экологическую устойчивость, а также к необратимым последствиям для жизни и здоровья населения.

Это позволяет сделать два важных связанных вывода:

1) Возможности сельского хозяйства Китая в результате применяемых агрессивных методов его ведения постепенно исчерпывают себя с точки зрения удовлетворения растущего спроса на продовольствие, в том числе на чистые продукты.

2) России следует учитывать данное обстоятельство при заключении соглашений о сотрудничестве с китайской стороной.

В конце 2015 г. был создан российско-китайский фонд агропромышленного развития (РКФАР) для реализации сельскохозяйственных проектов на Дальнем Востоке России: 90% капитала формируют китайские инвесторы, 10% – российские [216]. В 2019 г. в рамках работы РКФАР был анонсирован экспортноориентированный на Китай проект китайской компании Joyvio Weidahuang Agricultural Holdings по созданию вертикально интегрированного холдинга в Приморском крае для выращивания сои и кукурузы и возрождения рисоводства, стоимостью 9,7 млрд руб. [281]. Реализация проекта предполагает трехлетнюю аренду 100 тыс. га сельскохозяйственных земель в Приморье. Будучи одним из главных потребителей соевых бобов на мировом рынке, Китай не только увеличивает импорт, расширяя географию поставок, но и старается нарастить собственное производство. Поэтому интерес представляет выращивание сои на дальневосточной земле, вопреки климатическому непостоянству. Особую актуальность этому придает американо-китайская торговая война.

О проблеме «китаизации» Дальнего Востока давно говорят российские и зарубежные эксперты. Анализ более 20 тыс. выписок из

Росреестра на границах с Китаем сельскохозяйственные земли в пяти регионах (Забайкальский, Хабаровский и Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область), проведенный ВВС в 2019 г., показал, что по официальным данным китайские фермеры располагаются в 40% районов Дальнего Востока, занимая 353 тыс. га или около 16% всех используемых земель в указанных регионах [291]. Все это земельные участки, находящиеся в аренде или собственности китайских компаний, на которых трудятся в основном постоянно сменяющие друг друга мигранты из Китая.

П р и м е ч а н и е – Обнуление квот на привлечение трудовых мигрантов в сельское хозяйство Приамурья в 2013 г. не дало ожидаемых результатов.

России в данном контексте необходимо проработать вопрос контроля за состоянием почв при сдаче земель пригодных для ведения сельского хозяйства в аренду всем иностранным компаниям в целом, и китайским – в частности. В противном случае количественные показатели агроэкспорта будут расти, в то время как производительность земли будет сокращаться.

В целом, несмотря на кажущиеся перспективы, китайский продовольственный рынок крайне конкурентен, активность на нем проявляют страны ЕС. Так, российская мука сталкивается с австралийской, американской, немецкой конкуренцией. При этом возникает вопрос экспортного предложения без ущерба внутреннему рынку и продовольственной безопасности. Востребованность Китаем сои, импортированной в 2019 г. на 100 млн т, не может быть покрыта российским двухмиллионным предложением. По мнению экспертов, введение Россией ограничительных мер говорит о слабости производственной базы, без которой сложно прогнозировать долгосрочный выход на китайский рынок [231].

Непосредственно в случае Китая успех зависит от наличия имиджа продукции (бренда) и мощности рекламной кампании. В Китае сейчас популяризируется «зеленое» направление не только в свете достижения

углеродной нейтральности к 2060 г., но и исходя из ориентации потребителей на безопасную, в отличие от местной, качественную продукцию импортного происхождения (в Китае периодически происходят всплески недоверия к отечественному производству) [247].

Наряду с улучшением благосостояния и изменением образа жизни возникла проблема национальных масштабов – ожирение. По оценкам Национальной комиссии здравоохранения Китая, более 50% взрослого населения имеют избыточный вес, 16,4% из которых страдают ожирением [276]. Это обуславливает озабоченность и интерес к здоровому образу жизни в части потребления натуральных продуктов, не содержащих искусственных красителей, ароматизаторов и ГМО, с низким содержанием калорий, соли, холестерина и сахара, с высоким содержанием овощей, фруктов, клетчатки и белка, из органических ингредиентов, способствующих потере веса [265]. Это добавляет аргументов в формирование российского «зеленого» бренда и имиджа страны-производителя экологически чистой безопасной продукции, в импорте которой заинтересован не только Китай, но и многие страны. Особенно те из них, кто видит решение продовольственной проблемы в гарантии качества и безопасности продовольственного обеспечения.

3.3 Направления развития евразийской интеграции в части обеспечения коллективной продовольственной безопасности в условиях меняющейся внешнеэкономической реальности

Пандемия COVID-19 в очередной раз доказала, что особое значение в современных условиях приобретает взаимодействие стран в рамках региональных интеграционных объединений, позволяющее реализовывать национальные конкурентные преимущества и минимизировать риски негативного влияния внешних факторов.

Для России таким интеграционным объединением является ЕАЭС. В основных направлениях деятельности Правительства на период до 2024 г.

развитие согласованной политики со странами-членами ЕАЭС является одним из приоритетных направлений участия России в международной интеграции [4]. Это связано с тем, что перед странами ЕАЭС стоят схожие глобальные вызовы: неблагоприятная внешняя конъюнктура, усиление конкуренции за рынки сбыта, необходимость ускоренного технологического развития всех секторов экономики, постепенное исчерпание конкурентных преимуществ и др. шоковые вызовы.

Большое значение ЕАЭС для России также декларируется Доктриной 2030 в части проведения единой внешнеторговой политики в отношении агропродовольствия, приоритетного, наравне с самообеспечением, обеспечения коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС при реализации экспортного потенциала АПК. Поэтому основной задачей является эффективное использование интеграционного потенциала для организации системы устойчивого развития сельского хозяйства, проведения согласованной агропромышленной политики, создания общего аграрного рынка и совместного противостояния внешним угрозам.

За период функционирования ЕАЭС динамика сельскохозяйственного производства в целом, за исключением 2018 г., позитивна. Из рисунка 28 видно, что по итогам кризисного 2020 г. во всех государствах-членах возросло производство сельскохозяйственной продукции к соответствующему периоду предыдущего года на фоне драматического падения ВВП. Наибольший рост был отмечен в Казахстане (+5,6%) и Беларуси (+4,9%). В целом по ЕАЭС на 3,1% до 20,1 тыс. т возросли объемы производства мясной продукции, на 3% до 48,3 тыс. т – молока, в то же время на 0,9% снизилось производство яиц. Абсолютное лидерство принадлежит России, доля которой в совокупном производстве составляет 78%, 67% и 82%, соответственно. В целом доля сельского хозяйства в ВВП ЕАЭС за период его существования возросла на 0,4%, составив на конец 2020 г. 4,1%. При этом стоимостная величина продукции сельского хозяйства в ЕАЭС в целом сократилась с 144 млрд долл. в 2014 г. до 114 млрд долл. в 2020 г.

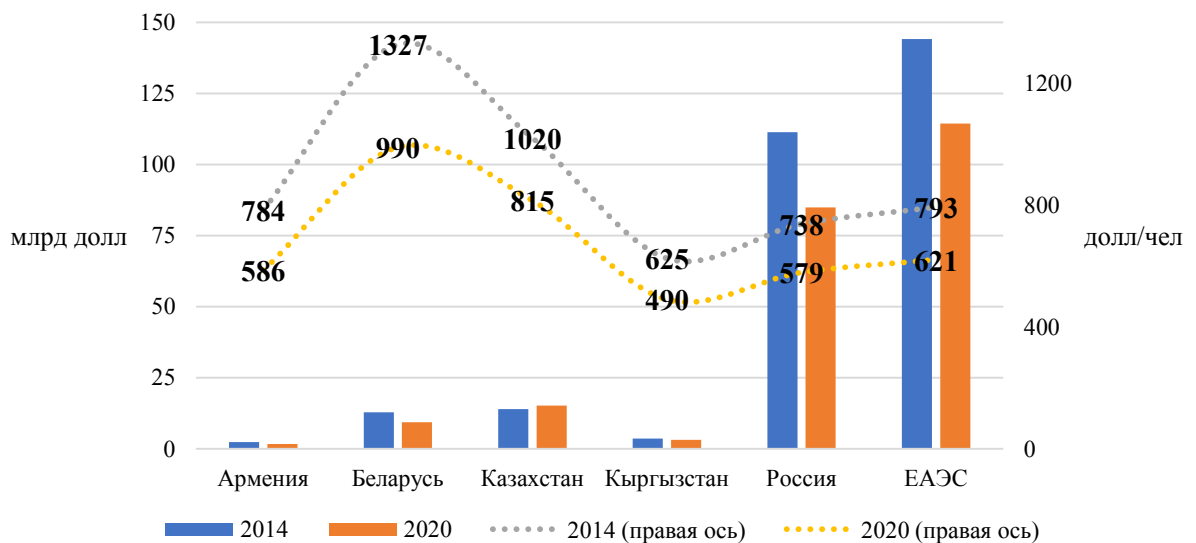
Хотя увеличилась на 2,3% (в сопоставимых ценах) по отношению к 2019 г.

Примечание – Сравнительный анализ целесообразно проводить по отношению к показателям 2014 г., который предшествовал образованию ЕАЭС. Договор о ЕАЭС был подписан Президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 29 мая 2014 года в Астане. Республика Армения, подписала Договор о присоединении к Союзу 10 октября 2014 года, Киргизская Республика – 23 декабря 2014 года. Договор о ЕАЭС вступил в силу 1 января 2015 г.

Источник: составлено автором по материалам [201].
Рисунок 28 – Индексы объема сельскохозяйственного производства и физического объема ВВП в странах-членах ЕАЭС в 2014-2020 гг., в процентах

Из рисунка 29 видно, что Беларусь остается ведущим производителем сельхозпродукции в расчете на душу населения, превышая средний показатель по ЕАЭС в 1,6 раза, Казахстан – в 1,3 раза.

Источник: составлено автором по материалам [201].
Рисунок 29 – Производство продукции сельского хозяйства в ЕАЭС, в том числе в расчете на душу населения, в 2014 г. и 2020 г.

Одним из ключевых индикаторов глубины интеграции выступает взаимная торговля. С 2015 г. объем взаимной торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем возрос на 2,7 млрд долл. и составил 9,8 млрд долл. на конец 2020 г. [201]. В товарной структуре продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье показали рост на 2,3% по сравнению с 2019 г. до 17,9%. Основной экспорт пришелся на Республику Беларусь (47%) и Российскую Федерацию (41%). Экспорт Киргизии незначителен (1,5%). Важно отметить, что годовое улучшение показателя произошло в период закрытия границ в качестве меры реагирования на распространение пандемии, что фактически негативно отразилось на торгово-экономических отношениях.

По итогам 2020 г. ЕАЭС стал нетто-импортером продовольствия и сельскохозяйственного сырья (-39 млн долл.). Импорт в ЕАЭС из третьих стран составил 29,86 млрд долл., уменьшившись за год на 2,3%. Основные поставщики мясной продукции – страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Чили); рыбной продукции – Норвегия, Фарерские острова, Китай; картофеля и овощей – Азербайджан, Египет, Израиль, Китай, Марокко; орехов и фруктов – Азербайджан, Иран, Китай, Молдова, Турция.

Значительные успехи отмечены со стороны экспорта из ЕАЭС в третьи страны в 2020 г., который возрос на 19,2% и составил 29,82 млрд долл. При этом ориентация на внешние рынки в большей степени задается российской стороной, на которую приходится 86% совокупной внешней общесоюзной торговли агропродукцией и 83% союзного импорта. Основными покупателями экспортируемых государствами-членами ЕАЭС товаров выступают страны ЕС (преимущественно Бельгия, Германия, Греция, Испания, Италия, Латвия), азиатские (Китай, Республика Корея, Турция, Япония и др.) и африканские страны (Египет, Нигерия).

Однако, как уже было отмечено во второй главе, агропромышленная политика стран-членов ЕАЭС не согласована. На сегодняшнем этапе развития интеграции каждая из стран-участниц стремится защитить

собственные национальные интересы, которые превалируют над интеграционными, и принципиально несовместимы между собой. В совокупности с высокой зависимостью от импорта то сдерживает потенциал интеграционного объединения.

В декабре 2020 г. главами государств были приняты «Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 г.» (Стратегия-2025) – документ, дополняющий Договор, принятый в целях углубления интеграции и приращения союзного потенциала [201]. Вопрос, связанный с продовольствием и сотрудничеством в области АПК, не выделен в отдельное направление.

Вместе с тем, учитывая мировую практику, прежде всего рассмотренный выше опыт ЕС, представляется возможным дополнить этот документ некоторыми актуальными задачами. Это могли бы быть:

– Инвентаризация невыполненных обязательств и накопленных претензий с дальнейшим обнулением и/или выработкой мер реагирования и предупреждения в будущем. В подобной ситуации в 1960-1970 гг. оказалось в то время Европейское экономическое сообщество (ныне Евросоюз), страны которого вводили нетарифные барьеры, препятствуя движению товаров и нарушая требования общего рынка. Решением стало принятие принципа взаимного признания, в соответствии с которым признание качества товара в одной стране означает автоматическое признание остальными странами интеграционного объединения. Подобная практика ликвидировала препятствия и способствовала формированию единого рынка.

– Разработка механизмов регулирования и контроля реэкспортных потоков агропродовольственной продукции, обращающейся на территории ЕАЭС. Актуализация и ужесточение правил определения страны происхождения агропродовольствия;

– Соблюдение прогнозных балансов спроса и предложения по важнейшим видам агропродовольственной продукции. Проведение

систематического мониторинга внешних и взаимных поставок на предмет их соответствия показателям сводных прогнозных балансов по странам ЕАЭС;

– Создание инфраструктуры (строительство овощехранилищ и теплиц, элеваторов, евразийской сети ОРЦ, совместных производств).

Отдельного внимания и дискуссии заслуживает вопрос о создании, управлении и финансировании наднациональных агрокластеров на приграничных территориях ЕАЭС. Кластерный подход - наиболее действенный и адекватный организационно-экономический механизм и инструмент поддержки национального/регионального агробизнеса, реализуемый через диверсификацию экономики территорий и решение социальных проблем регионов. Для ЕАЭС это возможность противостояния деятельности МНК на внутреннем и внешних рынках, сокращения издержек, обеспечения бесперебойного процесса внутрисоюзной аккумуляции добавленной стоимости, создания коллективного конкурентоспособного бренда «Сделано в ЕАЭС» и выхода на новые рынки.

П р и м е ч а н и е – Экспортный брендинг используется с 1990 годов. Термин «брендинг территории» как концепция конкурентной идентичности, которая определяет восприятие внешним миром страны/рынка, был введен маркетологом Саймоном Анхольтом в 2002 г. В рамках этой теории был разработан специальный индекс – Nation Brands Index (NBI).

Для «Сделано в ЕАЭС» необходима гармонизация требований к стандартам и сертификатам в соответствии с международными. Несоблюдение требований к производству, хранению и транспортировке, предъявляемых зарубежными странами, является серьезным препятствием для экспорта.

Создание товаропроводящей сети (ТС) также является одним из условий обеспечения коллективной продовольственной безопасности, так как напрямую влияет на снабжение стран-участниц продовольствием. По различным подсчетам, макроэкономическая эффективность от внедрения ОРЦ на территории ЕАЭС к 2040 г. может кратно возрасти: совокупный прирост объема ВВП стран-участниц составит 30%, а сальдо

внешнеторгового оборота продовольствия и сельскохозяйственного сырья – 5,8 млрд долл. [201].

В ходе распространения коронавирусной пандемии COVID-19, в мировом масштабе обострилась проблема сбоев в цепочках поставок в результате нарушения глобальной транспортной логистики. В данном контексте практическая реализация предложения Казахстана о создании наднациональной товаропроводящей системы, состоящей из 24 ОРЦ, существенно повлияет на продовольственное снабжение и минимизирует проблему пищевых потерь на этапе транспортировки [234].

– Проведение внутрисоюзного импортозамещения. В таком случае существенно снизится импортная зависимость по основным категориям продовольствия. Например, ожидание овощного урожая в России может быть восполнено поставками из южного Казахстана, Кыргызстана и/или Армении. Это касается раннего картофеля, лука, чеснока, моркови, капусты. При этом цена на такую продукцию должна быть ниже, чем аналогичная на продукцию из Египта и Турции. Однако это требует упрощения процедуры движения товаров, доступа на союзные рынки, ликвидации монополии поставок и снятия барьеров, которые сказываются на цене.

Необходимо выстраивание замкнутых региональных кооперационных цепочек для совместного производства высокотехнологичных продуктов (семеноводческая и животноводческая селекция, кормовые добавки, ветеринарные лекарственные препараты, средства защиты растений). А также содействие производителям семян в прохождении международной сертификации по посевным и сортовым качествам (ISTA, сортовая сертификация по схемам OECD) [228; 275] для дальнейшей коммерциализации на мировом рынке.

Немаловажным при этом остается обеспечение государственной поддержки сельского хозяйства. В настоящее время бюджетные субсидии разнонаправлены и не сопоставимы [89, с. 32]. К тому же, требования ВТО не применимы к Республике Беларусь, которая не является участником ВТО.

Например, это касается соблюдения 10% уровня мер «желтой корзины» в рамках Договора. В то время как остальные страны должны соблюдать требования по неперевышению минимального 5% порогового уровня.

– Региональное создание добавленной стоимости в АПК. Модель кооперации «ЕАЭС – зарубежные страны», теснящей в настоящее время модель «страна-член ЕАЭС – зарубежные страны», можно назвать «умной», так как она повышает эффективность и международную конкурентоспособность как агроотрасли, так и национальной экономики каждого вовлеченного государства в целом, при условии конкурентоспособности продукции на мировом рынке.

– Цифровизация общего аграрного рынка: цифровая маркировка продукции позволит предотвратить незаконные поставки продукции, минимизировать обращение фальсификата, отслеживать заболевания животных. Прослеживаемость на уровне интеграции позволит контролировать происхождение, местонахождение и движение сырья, кормов, продовольствия, материально-технических ресурсов на всех этапах производства, переработки и сбыта.

На сегодняшний день уровень внедрения передовых технологий в сельское хозяйство и агропродовольственный сектор ЕАЭС остается неудовлетворительным [149, с. 11]. Например, передача электронных ветеринарных сертификатов до настоящего времени налажена только в рамках Союзного государства через системы AITS и «Меркурий».

– Создание и бесперебойное функционирование единого рынка государственных закупок. Ст. 88 Договора регламентирует предоставление государствам-членам национального режима, развитие конкуренции и противодействие коррупции и злоупотреблениям в сфере закупок. Фактически системно прослеживаются изъятия из национального режима в сфере госзакупок. И если в 2015 г. дискриминация отмечалась по отношению к России [197], то в последнее время сложился неравный порядок доступа продукции ЕАЭС к российским госзакупкам.

– Контроль за качественным и безопасным продовольственным обеспечением и распространение принципов здорового питания среди населения. Включение критериев качественного питания (свежие продукты, короткая цепочка поставок, быстрая доставка, органические продукты) в систему государственных закупок, особенно при организации общественного питания.

Говоря об участии России в выполнении Стратегии-2025, важно отметить, что некоторые заложенные в российскую продовольственную Доктрину 2030 пункты, касающиеся евразийской интеграции, не соответствуют положениям Договора.

Доктрина 2030 могла бы быть дополнена информацией о допуске стран-партнеров по ЕАЭС к государственным закупкам. Жесткие российские требования по локализации производств идут в противоречие с неравными стартовыми позициями стран. В то время как активное привлечение партнеров по ЕАЭС к российским госзакупкам в агропромышленном секторе не просто усилило бы их интеграционное взаимодействие, но и способствовало бы проведению импортозамещения.

Сейчас объемы поставок товаров по линии госзакупок в РФ незначительны: Армения – 1,5 млн долл., Белоруссия – 102,2 млн долл., Казахстан – 25,5 млн долл., Киргизия – 0,04 млн долл. [209]. Эксперты объясняют это тем, что поставки из ЕАЭС рассматриваются в России как конкурентные по отношению к развитию собственного производства, заранее созданными под конкретные компании условиями участия и предрешенный результат [38, с. 14].

В качестве индикатора продовольственной безопасности Доктрина 2030 выдвигает требования по соответствию пищевой продукции требованиям законодательства ЕАЭС о техническом регулировании, что косвенно связано с критерием качества продуктов питания, закрепленным в Концепции коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС

(Концепция).¹⁾ Безопасность продовольствия, его перемещение, хранение, реализация и утилизация по пространству интеграционного объединения регламентируется особыми требованиями – законодательно закрепленными техническими регламентами, которые призваны защищать внутренний рынок ЕАЭС от небезопасной продукции, устранять технические барьеры в осуществлении взаимной торговли, повышать качество и укреплять конкурентоспособность продукции, производимой в ЕАЭС.

Ст. 51 п. 1.2 Договора в качестве принципа технического регулирования требует установления единых (национальных) обязательных требований в технических регламентах/законодательстве всех государств-членов ЕАЭС. Но технические регламенты нормируют только показатели безопасности, что идет в противоречие с введением в российское законодательство понятия «качество пищевой продукции» в ходе реализации «Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 г.» [13]. Под качеством пищевой продукции подразумевается безопасность продукции, ее потребительские свойства и сбалансированность составляющих ее компонентов с точки зрения энергетической и пищевой ценности.

В ЕАЭС в настоящее время отсутствует подобная стратегия качества продукции, равно как и эталонный наднациональный уровень качества, хотя согласно утвержденной Концепции, продовольственная безопасность связана не только с экономической и физической доступностью продовольствия, но и с критерием качества продовольствия. В этом контексте Доктрина 2030 могла бы быть дополнена требованием к качеству продовольствия и оговоркой о гармонизации данного требования с законодательством ЕАЭС.

Кроме того, как уже было отмечено во второй главе, Доктрина 2030 мало ориентирована на повышение открытости внутреннего рынка для продовольствия партнеров по интеграции. В то время как фактически, страны

¹⁾ Концепция коллективной продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза // Правовой портал Евразийского экономического союза. – Текст : электронный. – URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

ЕАЭС являются крупными поставщиками продукции АПК в Россию.

Практическая реализация этих задач могла бы способствовать формированию общей аграрной политики и достижению коллективной продовольственной безопасности стран-участниц ЕАЭС на основе создания устойчивой региональной продовольственной системы. Уместным может стать использование опыта Европейского Союза в части основополагающих принципов формирования общего аграрного рынка, рассмотренных в первой главе.

Для формирования динамичного, производительного и устойчивого к внешним шокам общего аграрного рынка такая политика должна быть более согласованной, направленной на эффективное внутрисоюзное разделение труда, внедрение передовых цифровых технологий, стимулирование производственного сотрудничества и расширение совместной инновационной деятельности.

Выводы по главе 3

1) Обосновано, что развитие экспорта оказывает положительное влияние на продовольственную безопасность, формируя внешнеполитический имидж страны, способствуя производственной и технологической модернизации АПК, развивая и повышая международную конкурентоспособность российской продукции, привлекая иностранный капитал в отрасль.

2) Однако оборотной стороной приращения экспорта становится рост внутренних цен на внутреннем рынке и снижение экономической доступности продовольствия.

В целях решения данной проблемы необходимо определить экспортные товарные группы, которые не наносят ущерба продовольственной самообеспеченности в установленных Доктриной 2030 пределах. Для стабилизации внутренних цен на продовольствие требуется введение экономически обоснованного ценового коридора и контроль над

объемами экспортных поставок. Кроме того, поставки на внутренний рынок должны быть приоритетными по отношению к экспортным.

Целесообразно принимать государственные меры по стимулированию внутреннего спроса. Однако подобные рекомендации находятся за пределами темы настоящего диссертационного исследования, в фокусе внимания которого находятся внешние факторы.

3) Расширение экспортного потенциала базируется на трех столпах: предложение, его конкурентоспособность и рынки сбыта. Агропродовольственное экспортное предложение должно быть диверсифицировано в соответствии с запросом рынков сбыта и потребительскими предпочтениями. Продукция на экспорт должна соответствовать международным стандартам качества для того, чтобы быть конкурентоспособной и востребованной, а также быть четко определена с точки зрения продвижения и позиционирования. Поиск рынков сбыта должен поддерживаться на государственном уровне через проведение комплексных высококачественных, аналитических исследований, покрывающих вопросы тарифных и нетарифных барьеров и ограничений, дистрибуции, логистических цепей и т.д.

4) На примере сотрудничества с КНР выявлено, что несмотря на высокий потенциал российского агроэкспорта, которому благоприятствуют климатические условия, обширные площади сельскохозяйственных земель, в том числе пригодных для ведения органического земледелия, существует ряд сопутствующих проблем. Среди которых: низкая производственная база, преимущественно сырьевая направленность российского экспорта, отсутствие имиджа продукции (российского бренда) и низкая для китайского рынка мощность рекламной кампании.

В соответствии с выявленной проблемой неполноценного питания (ожирения), характерной для Китая, рекомендовано формирование имиджа России как производителя экологически чистой безопасной продукции в качестве перспективного направления увеличения экспорта.

5) В ходе анализа евразийской интеграции по агропродовольственной линии было выявлено, что принятые странами-ЕАЭС Договором о ЕАЭС обязательства не исполняются: распространены торговые конфликты, нетарифные ограничения, национальные интересы стран-участниц превалируют над интеграционными. Наряду с рядом отраслевых проблем отсутствует согласованная агропромышленная политика, что препятствует достижению коллективной продовольственной безопасности.

Внесены предложения по дополнению «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.» в целях укрепления коллективной продовольственной безопасности.

Свой вклад в реализацию «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.» России необходимо начать с гармонизации заложенных в Доктрину 2030 пунктов, касающихся евразийской интеграции с положениями Договора.

Заключение

В современной глобальной экономике продовольственная безопасность специфична для разных стран: многие менее развитые страны решают проблему голода, в то время как развитые страны и страны с растущими экономиками озадачены стремительным распространением неполноценного питания. И в том, и в другом случае обеспечение продовольственной безопасности связано с совокупностью внутренних и внешних факторов.

Высокая взаимосвязь стран в условиях трансформирующихся процессов глобализации привела к усилению влияния внешнеэкономических факторов на продовольственную безопасность. Автор предлагает понимать под внешнеэкономическими факторами совокупность движущих сил и экономических механизмов, связанных с глобализацией экономики и развитием международного разделения труда. И различать следующие их обобщенные группы: общеэкономические факторы, характеризующие состояние мировой экономики и МПС; ценовые, учитывающие мировые и внутренние цены на продовольственное сырьевые ресурсы; внешнеторговые; инвестиционно-финансовые, характеризующие финансирование АПК через иностранный капитал; протекционистские; дестабилизационные, к которым можно отнести чрезвычайные и неконтролируемые ситуации, влияющие на продовольственное обеспечение; интеграционные, для оценки влияния региональных и трансрегиональных процессов на продовольственное обеспечение; факторы-механизмы глобального управления под которыми подразумевается страновое участие в деятельности международных организаций/комиссий/форумов, разрабатывающих регламенты, стандарты, влияющие на продовольственную безопасность; и гуманитарные, связанные с предоставлением международной помощи.

Исходя из вышесказанного, продовольственная безопасность – это состояние системы воздействия внутренних и внешних факторов на

физический, социальный и экономический доступ к достаточной, безопасной, качественной и приемлемой пище в их непрерывном взаимодействии с изменяющимися условиями развития каждой конкретной страны.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что внешнеэкономические факторы играют важную роль в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности. В то же время их действие противоречиво: они могут как укреплять продовольственную безопасность, так и ослаблять ее.

С 2014 г. Россия оказалась под западным санкционным прессингом, определившим дальнейшее развитие АПК страны. Обеспечивая продовольственную безопасность, Россия стремится к продовольственной независимости, которая достигается через проведение импортозамещения в АПК.

Импортозамещение в России имеет противоречивый характер. С одной стороны, страна смогла обеспечить свою независимость по большинству товарных групп в условиях усиливающегося геополитического давления, что позволило ей расширить экспортное предложение. С другой стороны, и импортозамещение, и наращивание экспорта ослабляют экономическую доступность продовольствия для населения, прежде всего за счет роста внутренних цен.

Для сдерживания внутренних цен на продовольствие Правительство Российской Федерации перешло на «ручное» регулирование стоимости социально значимых продуктов. Математический расчет, основанный на балансах продовольственных ресурсов и показателях самообеспеченности в предложении, позволил определить: экспортными товарными группами являются зерновые и мясная продукция, по которым достигнута самообеспеченность в установленных Доктриной 2030 пределах. Именно за счет них необходимо формировать экспортное предложение и не ограничивать экспорт в коридоре предельно допустимого объема. Для товарных групп, по которым не достигнута продовольственная

самообеспеченность, а экспорт превышает предельно допустимый объем, необходимо вводить ограничительные меры (рыбная продукция).

Чтобы стабилизировать внутренние цены и предотвратить вывоз за рубеж продукции сверх предельно допустимого объема, требуется введение экономически обоснованного ценового коридора, а также разрешение беспрепятственного экспорта в пределах допустимого объема по сложившимся на мировых рынках ценам при условии обязательной поставки на внутренний рынок того объема продукции, который обеспечит продовольственную самообеспеченность в установленных Доктриной 2030 объемах по ценам не выше предельно установленных (экономически обоснованных в текущей ситуации).

Ограничение негативного влияния внешнеэкономических факторов на продовольственную безопасность нашей страны возможно при более активном использовании преимуществ внешней торговли. Экспортное предложение должно быть диверсифицировано в соответствии с запросом рынков сбыта и потребительскими предпочтениями. Продукция на экспорт должна соответствовать международным стандартам качества для того, чтобы быть конкурентоспособной и востребованной, а также быть четко определена для позиционирования и продвижения российского бренда «Made in Russia» на мировых рынках продовольствия. Поиск рынков сбыта должен поддерживаться на государственном уровне через проведение комплексных высококачественных, аналитических исследований, покрывающих вопросы тарифных и нетарифных барьеров и ограничений, дистрибуции, логистических цепей и т.д.

На примере сотрудничества с Китаем установлено, что российской экспансии на китайский рынок сопутствуют рост численности платежеспособного населения среднего класса при сокращении производственных возможностей китайского сельского хозяйства и числа занятых в нем. Однако до настоящего времени российское предложение для рынка Китая ограничено производственными возможностями, не справляется

с иностранной конкуренцией и, в целом, не сформировано. Это осложняет продвижение через рекламные кампании, принципиальные при ведении бизнеса в Китае. Интерес для Китая в большей степени представляет не столько импорт российской продукции, сколько размещение производственных мощностей на территории российского Дальнего Востока.

В соответствии с характерной для Китая проблемой неполноценного питания (ожирения) целесообразно формировать имидж России как производителя экологически чистой безопасной продукции в качестве перспективного направления увеличения экспорта, которая также может быть востребована особенно теми странами, кто видит решение продовольственной проблемы в гарантии качества и безопасности продовольственного обеспечения (решении проблемы неполноценного питания).

Целенаправленное повышение эффективности и конкурентоспособности евразийского сельского хозяйства в перспективе также способно укрепить коллективную и национальную продовольственную безопасность стран-членов ЕАЭС. Евразийская интеграция имеет высокий потенциал. Однако в настоящее время возникают некоторые противоречия при реализации политики продовольственной безопасности на национальном и интеграционном уровнях. Принятые странами-ЕАЭС Договором о ЕАЭС обязательства не исполняются: распространены торговые конфликты, нетарифные ограничения, национальные интересы стран-участниц превалируют над интеграционными. Наряду с рядом отраслевых проблем отсутствует согласованная агропромышленная политика, что препятствует достижению коллективной продовольственной безопасности.

Укреплять интеграцию на пути к достижению коллективной продовольственной безопасности в ближайшей перспективе возможно через: инвентаризацию невыполненных обязательств и накопленных претензий с дальнейшим обнулением и/или выработкой мер реагирования и предупреждения в будущем; разработку механизмов регулирования и

контроля реэкспортных потоков продовольствия; соблюдение прогнозных балансов; создание инфраструктуры в союзном АПК; выстраивание замкнутых региональных кооперационных цепочек для совместного производства высокотехнологичных продуктов и продуктов с добавленной стоимостью; цифровизацию общего аграрного рынка; создание и бесперебойное функционирование единого рынка государственных закупок; контроль за качественным и безопасным продовольственным обеспечением и распространение принципов здорового питания. Эти направления составляют предложения по совершенствованию «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.».

Свой вклад в реализацию «Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 г.» России необходимо начать с гармонизации заложенных в Доктрину 2030 пунктов, касающихся евразийской интеграции с положениями Договора о ЕАЭС.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [подписан 29 мая 2014 года] // Правовой портал Евразийского экономического союза. – Текст : электронный. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014. (дата обращения: 15.08.2020).

2. Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства [одобрена решением Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2013 года № 35] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – Текст : электронный. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/r_35_konc.pdf. (дата обращения: 15.08.2020).

3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2019 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [утвержден Распоряжением Правительства РФ от 22 июня 2019 года № 1352-п] // Официальный сайт Правительства России. – Текст : электронный. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/61d/61d430039b8863186a4fbb1f60fab1c6.pdf>. (дата обращения: 25.06.2020).

4. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [утверждены Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 года] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/. (дата обращения: 15.05.2020).

5. Об утверждении Методических указаний по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов [Постановление Росстата от 25 декабря 2006 года № 82 (ред. от 21.10.2013)] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119523/. (дата обращения: 10.05.2021).

6. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 01.03.2020).

7. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 01.02.2020).

8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 20.04.2020).

9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 30.07.2020).

10. О применении отдельных специальных мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166922/ (дата обращения: 02.03.2020).

11. О ставках вывозных таможенных пошлин на зерновые культуры, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств-участников соглашений о Таможенном союзе» [Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2021 года № 117] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376329/ (дата обращения: 10.02.2021).

12. Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» [утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 года №16)] // Официальный сайт Правительства России. – Текст : электронный. – URL: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvAkvbZotaYtVKNEKaALYA.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

13. Российская Федерация. Законы. О качестве и безопасности пищевых продуктов [принят Государственной Думой 1 декабря 1999 года]. – СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 01.05.2020).

14. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года [утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 559-р.] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128940/ (дата обращения: 15.05.2020).

Диссертации

15. Бадуев, Б.В. Продовольственная безопасность Японии : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бадуев Борис Вячеславович; Институт Дальнего Востока Российской академии наук. – Москва, 2007. – 171 с. – Библиогр.: с. 160-171.

16. Белугин, А.Ю. Продовольственная безопасность Российской Федерации и ее измерение в современных условиях : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Белугин Алексей Юрьевич; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 186 с. – Библиогр.: с. 153-169.

17. Ломакин, П.Н. Обеспечение продовольственной безопасности России: внутренние и международные аспекты : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ломакин Петр Николаевич; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 2017. – 229 с. – Библиогр.: с. 200-221.

18. Мельников, Б.А. Приоритетные направления обеспечения продовольственной безопасности России : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мельников Борис Александрович; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. – Краснодар, 2018. – 201 с. – Библиогр.: с. 181-198.

19. Мухин, Н.Ю. Развитие внешней торговли России сельскохозяйственными товарами и продуктами их переработки в условиях импортозамещения : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мухин Никита Юрьевич; Всероссийская академия внешней торговли. – Москва, 2018. – 163 с. – Библиогр.: с. 144-163.

20. Ремчукова, В.К. Влияние преференциальных торговых соглашений на многостороннюю торговую систему: специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ремчукова Варвара Константиновна; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 2016. – 234 с. – Библиогр.: с. 202-222.

21. Тихомирова, В.А. Обеспечение продовольственной безопасности: международный и российский опыт : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Тихомирова Вера Александровна; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2019. – 190 с. – Библиогр.: с. 168-190.

22. Чернова, В. Ю. Импортозамещение как фактор модернизации внешнеторговой и структурной политики России в современных условиях: на примере агропродовольственного сектора : специальность 08.00.14 «Мировая экономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Чернова Вероника Юрьевна; ФГБУН Институт экономики Российской

академии наук. – Москва, 2020. – 395 с. – Библиогр.: с. 330-371.

Книги, монографии, доклады

23. Алтухов, А.И. Парадигма продовольственной безопасности России : монография / А.И. Алтухов. – Москва : Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 500 экз. – 685 с. – ISBN 978-5-6041260-1-1.

24. Анализ состояния и перспективы развития селекции и семеноводства масличных культур: научный аналитический обзор / В.Ф. Федоренко, Н.П. Мишуров, В.В. Пыльнев, Д.С. Буклагин. – Москва : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 96 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7367-1496-4.

25. Балабанов, В.С. Продовольственная безопасность: международные и внутренние аспекты / В.С. Балабанов, Е.Н. Борисенко. – Москва : Экономика, 2002. – 554 с. – ISBN 5-282-02155-2.

26. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: сборник трудов XVII международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / ИНИОН РАН. – Москва, ИНИОН РАН, 2018. – 612 с. – ISBN 978-5-248-00878-0.

27. Добросоцкий, В.И. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза: мировой и региональные аспекты : монография / В.И. Добросоцкий. – Москва: Одинцовский филиал МГИМО, 2019. – 128 с. – ISBN отсутствует.

28. Евразийская экономическая интеграция – 2019 / А.Р. Петросьян, В.С. Перебоев [и др.]; под редакцией А.Р. Петросьяна; Евразийский банк развития. – Москва : ЦИИ ЕАБР, 2019. – 140 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-906157-45-4.

29. Обзор агропродовольственной торговой политики в постсоветских странах 2016-2017. – ФАО, Рим, 2018. – 140 с. – ISBN 978-92-5-130829-5.

30. Перспективы российского агропродовольственного экспорта на рынке Китая / Р.А. Ромашкин, Д. Седик, М.В. Авдеев, О.В. Черкасова. – Москва : Издательство Перо, 2020. – 56 с. – ISBN 978-5-00150-883-0.

31. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства. Курс на сокращение потерь и порчи продовольствия. – ФАО, Рим, 2019. – 156 с. – ISBN 978-92-5-131852-2.

32. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2020. Преобразование продовольственных систем для обеспечения финансовой доступности здорового питания. – ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, Рим, 2020. – 287 с. – ISBN 978-92-5-132907-8.

33. Прогноз научно-технологического развития АПК Российской Федерации на период до 2030 года: основные положения / Минсельхоз России; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2017. – 140 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-1561-7.

34. Россия в глобальном производстве : доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю.В. Симачев, А.А. Федюнина, М.Г. Кузык [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 147 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7598-2186-1.

35. Система продовольственной безопасности: закономерности формирования и факторы развития / З.М. Ильина, В.Г. Гусаков, В. И. Бельский [и др.]; под редакцией З.М. Ильиной. – Минск : Институт экономики НАН Беларуси, 2007. – 112 с. – ISBN 978-985-6841-15-9.

36. Состояние рынков сельскохозяйственной продукции: 2015-2016 годы. Торговля и продовольственная безопасность: достижение оптимального баланса между национальными приоритетами и общим благом. – ФАО, Рим, 2015. – 87 с. – ISBN 978-92-3-408931-3.

37. Устойчивое здоровое питание - Руководящие принципы. – ФАО, ВОЗ, Рим, 2020. – 39 с. – ISBN 978-92-5-132628-2 [ФАО]. ISBN 978-92-4-151664-8 [ВОЗ].

38. Хейфец, Б.А. Как модернизировать Евразийский экономический союз: Научный доклад / Б.А. Хейфец. – Москва : Институт экономики РАН, 2019. – 45 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9940-0648-1.

39. Хейфец, Б.А. Новые экономические мегартнерства и Россия / Б.А. Хейфец. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 288 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-907115-65-1.

40. Цедилин, Л.И. Протекционизм в Российской экономической политике: институциональный исторический опыт / Л.И. Цедилин. – Москва : Институт

экономики РАН, 2014. – 207 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9940-0455-5.

41. Чернова, В.Ю. Международное разделение труда и роль России в глобальных цепочках добавленной стоимости : монография / В.Ю. Чернова. – Москва : Триумф, 2018. – 207 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-89392-805-1.

42. Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты: сборник научных трудов 5-й Международной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. – 357 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-9909988-2-8.

Статьи

43. Абанина, И.Н. Ключевые проблемы и направления упрощения торговых процедур в странах ЕАЭС / И.Н. Абанина // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск решений: материалы всероссийской научно-практической конференции (19 ноября 2020). – Москва, 2020. – С. 903-914. – ISBN 978-5-9580-0529-1.

44. Ажлуни, А.М. Мониторинг экспорта и импорта групп товаров продовольственной безопасности / А.М. Ажлуни, А.М. Ребась // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 2 (41). – С. 105-112. – ISSN 1997-4469.

45. Ахметшина, Л.Г. Перспективы адаптации в России зарубежного опыта обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций / Л.Г. Ахметшина, М.Г. Порвадов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 1. – С. 234-246. – ISSN 2224-9354.

46. Барсукова, С.Ю. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: оценка экспертов / С.Ю. Барсукова // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. – 2011. – № 1 (40). – С. 164-170. – ISSN 1680-0044.

47. Барышникова, Н.А. Международная торговля как фактор обеспечения продовольственной безопасности в современном мире / Н.А. Барышникова, О.М. Кирилук // Международная экономика. – 2020. – № 11. – С. 5-16. – ISSN 2074-6040.

48. Безматерных Н.С. Продовольственная безопасность региона и факторы ее определяющие / Н.С. Безматерных // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2008. – № 3. – С. 81-86. – ISSN 1996-4277.

49. Белугин, А.Ю. Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание / А.Ю. Белугин // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2019. – № 2. – С. 122-143. – ISSN 2078-3809.

50. Бунич, Г.А. Влияние ЕАЭС и БРИКС на развитие сельского хозяйства Российской Федерации / Г.А. Бунич, Ф.И. Аржаев // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 5. – С. 549-552. – ISSN 1999-2300.

51. Бутов, А.М. Рынок сельскохозяйственных машин. – Текст: электронный / А.М. Бутов. – НИУ ВШЭ, 2019. – 87 с. – URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2019/12/23/1525051005/Рынок%20сельскохозяйственных%20машин-2019.pdf> (дата обращения: 16.12.2020).

52. Васильев, А.М. Вклад российского рыболовства, в том числе арктического, в достижение показателей «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» / А.М. Васильев, В.А. Затхеева, Е.А. Лисунова // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 1 (37). – С. 15-25. – ISSN 2223-4594.

53. Волостнов, Н.С. Современный экспорт/импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия Россией в системе обеспечения ее продовольственной безопасности / Н.С. Волостнов, А.Л. Лазутина, Т.Е. Лебедева [и др.] // Московский экономический журнал. – 2020. – № 1. – С. 267-277. – ISSN 2413-046X.

54. Волчкова, Н.А. Микроэкономика российского импортозамещения / Н.А. Волчкова, Н.А. Турдыева // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 140-146. – ISSN 2221-2264.

55. Глебова, А.Г. Экономическая и продовольственная безопасность региона в условиях импортозамещения / А.Г. Глебова // Вестник тверского государственного технического университета. Серия: науки об обществе и гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 45-49. – ISSN 2409-1391.

56. Глебова, А.Г. Направления развития российского АПК в свете новой

доктрины продовольственной безопасности России / А.Г. Глебова, Ю.Т. Фаринюк // Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов: материалы национальной научно-практической конференции (12-14 февраля 2019). – Москва, 2019. – С. 306-310. – ISBN 978-5-907112-09-4.

57. Гумеров, Р.Р. Обеспечение продовольственной безопасности страны: удался ли доктринальный документ? / Р.Р. Гумеров // Российский экономический журнал. – 2010. – № 2. – С. 11-22. – ISSN 0130-9757.

58. Гумеров, Р.Р. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в концептуальной переработке / Р.Р. Гумеров // Российский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 49-68. – ISSN 0130-9757.

59. Гумеров, Р.Р. Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности / Р.Р. Гумеров, Н.В. Гусева // ЭКО. – 2018. – № 2. – С. 90-102. – ISSN 0131-7652.

60. Гумеров, Р.Р. Продовольственная безопасность: новые подходы к анализу содержания и оценке / Р.Р. Гумеров // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 5. – С.133-141. – ISSN 0868-6351.

61. Дудин, М.Н. Импортозамещение в АПК как стратегическое направление обеспечения национальной безопасности / М.Н. Дудин, З.К. Омарова // ЦИТИСЭ. – 2019. – № 2. – 10 с. – ISSN 2409-7616.

62. Жариков, М.В. Факторы устойчивого развития агропромышленного комплекса России // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 3. – С. 255-259. – ISSN 2079-9136.

63. Загашвили, В.С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС / В.С. Загашвили // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 8. – С. 46-59. – ISSN 2072-8042.

64. Идрисов, Г.И. Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики / Г.И. Идрисов, Е.А. Пономарева // Экономическое развитие России. – 2015. – № 10. – С. 64-66. – ISSN 2306-5001.

65. Ильина, О.В. Комплексная оценка условий и факторов, обеспечивающих продовольственную безопасность / О.В. Ильина // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 4. – С. 305-311. – ISSN 1818-3395.

66. Киселев, С.В. Проблемы продовольственной безопасности и питания в

России в современных условиях / С.В. Киселев, Е.В. Белова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2020. – № 4. Том 12. – С. 70-91. – ISSN 2078-3809.

67. Киселев, С.В. Развитие сельского хозяйства в Евразийском экономическом союзе: достижения, вызовы и перспективы / С.В. Киселев, Р.А. Ромашкин // АПК: экономика, управление. – 2020. – №1. – С. 74-90. – ISSN 0235-2443.

68. Коденцова, В.М. Обеспеченность населения России микронутриентами и возможности ее коррекции. Состояние проблемы / В.М. Коденцова, О.А. Вржесинская, Д.В. Рисник [и др.] // Вопросы питания. – 2017. – № 4. – С. 113-124. – ISSN 0042-8833.

69. Котляров, И.Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения / И.Д. Котляров // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140. – ISSN 0131-7652.

70. Кормишкина, Л.А. Импортозамещение – важнейшая стратегическая задача развития агропромышленного комплекса России / Л.А. Кормишкина, Н.Н. Семенова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 8 (293). – С. 2-12. – ISSN 2073-2872.

71. Кривошлыков, К.М. Объективные предпосылки для усиления роли государства в развитии селекции и семеноводства масличных культур в России / К.М. Кривошлыков, М.В. Трунова, А.В. Лукомец // Масличные культуры. – 2019. – № 3 (179). – С. 79-84. – ISSN 2412-608X.

72. Кузнецова, Г.В. Продовольственная безопасность и внешнеэкономические связи: международный и национальный аспекты / Г.В. Кузнецова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – № 9. Том 15. – С. 1698-1705. – ISSN 2073-2872.

73. Кузнецов, А.В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 5. – С. 50-61. – ISSN 2587-5671.

74. Лукьянович, Н. Геополитические аспекты продовольственной безопасности / Н. Лукьянович // Экономист. – 2015. – № 3. – С.14-23. – ISSN 0869-4672.

75. Маркарьян, С.Б. Импортзамещение в аграрном секторе Японии / С.Б. Маркарьян // Японские исследования. – 2017. – № 1. – С. 46-59. – ISSN 2500-2872.

76. Михайлушки, П.В. Условия и основные критерии обеспечения продовольственной безопасности / П.В. Михайлушки, А.А. Баранников // Научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 92. – С. 153. – ISSN 1990-4665.

77. Мордовченков, Н.В. Агрокластер как инновационный организационно-экономический механизм управления технологическими процессами в АПК / Н.В. Мордовченков, П.Г. Николенко, Ю.С. Ключева // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2015. – № 1. – С. 89-95. – ISSN 2309-1762.

78. Назаренко, В.И. Продовольственная безопасность / В.И. Назаренко // Аграрный вестник Урала. – 2007. – № 3 (39). – С. 16-21. – ISSN 1997-4868.

79. Новосельцев, В.Н. Ограничение питания и продолжительность жизни: управление и моделирование / В.Н. Новосельцев, Ж.А. Новосельцева // Проблемы управления. – 2011. – № 2. – С. 60-68. – ISSN 1819-3161.

80. Носов, В.В. Технологическая модернизация пищевой и перерабатывающей промышленности в аспекте обеспечения продовольственной безопасности России / В.В. Носов, Н.Ю. Чернегов // Modern Science. – 2020. – № 2. – С. 82-91. – ISSN 2414-9918.

81. Оболенский, В.П. Эффекты продовольственного эмбарго / В.П. Оболенский // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 2. – С. 49-58. – ISSN 2072-8042.

82. Петриков, А.В. Развитие экспорта продукции российского АПК: проблемы и решения / А.В. Петриков // САХАР. – 2017. – № 12. – С. 48-49. – ISSN 2413-5518.

83. Потапов, А.П. Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства России / А.П. Потапов // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 5. – С. 120-129. – ISSN 0868-6351.

84. Ревенко, Л.С. Параметры и риски продовольственной безопасности / Л.С. Ревенко // Международные процессы. – 2015. – № 41. – С. 6-20. – ISSN 1728-2756.

85. Ревенко, Л.С. Региональные экономические аспекты международного сотрудничества в сфере продовольственной безопасности / Л.С. Ревенко // Экономика. Налоги. Право. – 2016. – № 4. – С. 59-65. – ISSN 1999-849X.
86. Святохо, Н.В. Анализ факторов, влияющих на продовольственную безопасность региона / Н.В. Святохо // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 3. – С.141-149. – ISSN 2312-5330.
87. Синеговский, М.О. Перспективы производства сои в Дальневосточном федеральном округе / М.О. Синеговский // Вестник российской сельскохозяйственной науки. – 2020. – № 1. – С. 13-16. – ISSN 2500-2082.
88. Сухарев, О.С. Институциональные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России / О.С. Сухарева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 6. – С. 44-53. – ISSN 2073-2872.
89. Сухарева, А.С. Субсидирование сельского хозяйства в Евразийском экономическом союзе: основные ориентиры и мировой опыт / А.С. Сухарева, Е.В. Янина // Торговая политика. – 2019. – № 1. – С. 26-43. – ISSN 2499-9415.
90. Тарасов, М.Е. Региональная продовольственная безопасность: состояние, проблемы и тенденции / М.Е. Тарасов // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 25. – С. 9-12– ISSN 2073-1477.
91. Тю, Л. Совершенствование государственной поддержки инвестиций в сельское хозяйство / Л. Тю // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 11. – С. 23-30. – ISSN 0235-2443.
92. Ушачев, И. Актуальные направления совершенствования аграрной политики России / И. Ушачев, А. Серков, В. Маслова, В. Чекалин // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 3. – С. 4-16. – ISSN 0235-2443.
93. Ушачев, И.Г. Импортзамещение и обеспечение продовольственной безопасности России / И.Г. Ушачев, В.В. Маслова, В.С. Чекалин // Овощи России. – 2019. – № 2. – С. 3-8. – ISSN 2072-9146.
94. Ушачев, И.Г. Новая Доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений / И.Г. Ушачев, В.С. Чекалкин // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 4-12. – ISSN 0235-2443.

95. Фрумкин, Б.Е. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России / Б.Е. Фрумкин // Журнал НЭА. – 2016. – № 4. – С. 162-169. – ISSN 2221-2264.

96. Харин, С.В. Ценовая трансмиссия на аграрных рынках: обзор методологических подходов / С.В. Харин // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2021. – № 22. – С. 7-20. – ISSN 2072-9081.

97. Хейфец, Б.А. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения / Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова // Россия и современный мир. – 2018. – № 4. – С. 30-45. – ISSN 1726-5223.

98. Хейфец, Б.А. Евразийский экономический союз – время для модернизации / Б.А. Хейфец // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 2. – С. 29-50. – ISSN 2542-0240.

99. Хейфец, Б.А. Государственные закупки как инструмент реализации экономической политики (опыт стран ЕС на примере сельского хозяйства) / Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2020. – № 3. – С. 568-584. – ISSN 2313-1683.

100. Хейфец, Б.А. Влияние Пандемии COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность / Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова // Общество и экономика. – 2020. – № 7. – С. 86-98. – ISSN 0207-3676.

101. Чернова, В.Ю. Проблемы формирования единого рынка государственных закупок в ЕАЭС / В.Ю. Чернова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 1А. – С. 5-14. – ISSN 2222-9167.

102. Шагайда, Н.И. Продовольственная безопасность: проблемы оценки / Н.И. Шагайда, В.Я. Узун // Вопросы экономики. – 2015. – № 5. – С. 63-78. – ISSN 0042-8736.

103. Шуракова, Н.Н. Роль внешней торговли в развитии российского рынка продовольственных товаров / Н.Н. Шуракова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 5. – С. 110-119. – ISSN 2072-8042.

104. Шуракова, Н.Н. Внешнеэкономические аспекты новой Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации / Н.Н. Шуракова // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – № 3. Том 10. – С. 470-484. – ISSN 2226-0226.

105. Шуракова, Н.Н. Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную ситуацию в России / Н.Н. Шуракова // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – № 6. Том 10. – С. 960-971. – ISSN 2226-0226.

106. Шуракова, Н.Н. Мировой продовольственный рынок в период COVID-19 / Н.Н. Шуракова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 8. – С. 111-119. – ISSN 2072-8042.

107. Шуракова, Н.Н. Влияние COVID-19 на мировую продовольственную систему / Н.Н. Шуракова // Международная экономика. – 2020. – № 7. – С. 66-72. – ISSN 2074-6040.

108. Шуракова, Н.Н. Внешнеэкономические факторы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации / Н.Н. Шуракова // Международная экономика. – 2021. – № 4. Том 18. – С. 253-263. – ISSN 2074-6040.

109. Шуракова, Н.Н. Агропродовольственный экспортный потенциал Российской Федерации: проблемы и возможности / Н.Н. Шуракова // Международная экономика. – 2021. – № 6. Том 18. – С. 457-465. – ISSN 2074-6040.

110. Шуракова, Н.Н. Основные направления политики Японии по обеспечению национальной продовольственной безопасности / Н.Н. Шуракова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2021. – № 7 (139). – С. 44-51. – ISSN 2078-9017.

111. Шуракова, Н.Н. Обеспечение продовольственной безопасности на уровне интеграции: опыт Европейского и Евразийского Союза / Н.Н. Шуракова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2021. – № 8 (140). – С. 29-38. – ISSN 2078-9017.

Литература на иностранном языке

112. Agarwal, B. Food sovereignty, food security and democratic choice: critical contradictions, difficult conciliations / B. Agarwal // The Journal of Peasant Studies. – 2014. – № 6. – P. 1247-1268. – DOI <http://dx.doi.org/10.1080/03066150.2013.876996>. – ISSN 1743-9361.

113. Akhmadeev, R. Agro-industrial cluster: supporting the food security of the developing market economy / R. Akhmadeev, A. Redkin, N. Glubokova, O. Bykanova //

ENTERPRENEURSHIP AND SUSTAINABILITY ISSUES. – 2019. – № 2. – P. 1149-1170. – DOI [http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2\(25\)](http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2(25)). – ISSN 2345-0282.

114. Akram-Lodhi, A.H. How to Build Food Sovereignty. Food Sovereignty: A Critical Dialogue: International conference. – Yale University, 2013. – 26 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

115. AND International. Study on economic value of EU quality schemes, geographical indications (GIs) and traditional specialities guaranteed (TSGs). European Union, 2021. – 121 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-76-09889-8.

116. Aragie, E. Achieving food security and industrial development in Malawi: Are export restrictions the solution? / E. Aragie, K. Pauw, V. Pernechele // World Development. – 2018. – Volume 108. – P. 1-15. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.03.020>. – ISBN 0305-750X.

117. Awunyo-Vitor, D. Agricultural sector foreign direct investment and economic growth in Ghana / D. Awunyo-Vitor, R.A. Sackey // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2018. – № 7. – 15 p. – DOI <https://dx.doi.org/10.1186/s13731-018-0094-3>. – ISSN 2192-5372.

118. Baer-Nawrocka, A. Food security and food self-sufficiency around the world: A typology of countries / A. Baer-Nawrocka, A. Sadowski // PLoS ONE. – 2019. – № 14 (3). – 15 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0213448>. – ISSN 1932-6203.

119. Baker, P. Trade and investment liberalization, food systems change and highly processed food consumption: a natural experiment contrasting the soft-drink markets of Peru and Bolivia / P. Baker, S. Friel, A. Schram, R. Labonte // Globalization and Health. – 2016. – № 12. – 13 p. – DOI <https://dx.doi.org/10.1186/s12992-016-0161-0>. – ISSN 1744-8603.

120. Beckman, J. The Impacts of Export Taxes on Agricultural Trade / J. Beckman, C. Estrades, M. Flores, A. Aguiar. – NBER Working Papers 24894, National Bureau of Economic Research, Inc., 2018. – 33 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

121. Bureau, J.C. EU policies and global food security / J.C. Bureau, J. Swinnen // LICOS Discussion Paper. – 2017. – № 392. – 38 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

122. Burnett, K. What place for international trade in food sovereignty? / K. Burnett, S. Murphy // *The Journal of Peasant Studies*. – 2014. – № 6. – P. 1065-1084. – DOI <http://dx.doi.org/10.1080/03066150.2013.876995>. – ISSN 1743-9361.

123. Candel, J.J.L. Food security governance: a systematic literature review / J.J.L. Candel // *Food security*. – 2014. – № 6. – P. 585-601. – DOI <http://dx.doi.org/10.1007/s12571-014-0364-2>. – ISSN 1876-4525.

124. Clapp, J. Food self-sufficiency: Making sense of it, and when it makes sense / J. Clapp // *Food Policy*. – 2017. – Volume 66. – P. 88-96. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.foodpol.2016.12.001>. – ISSN 0306-9192.

125. Damgaard, J. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? / J. Damgaard, T. Elkjaer, N. Johannesen // *IMF Working Paper*. – 2019. – № 19. Volume 274. – 51 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.5089/9781513521527.001>. – ISSN отсутствует.

126. Daniel, G. Is there Persistence in the Impact of Emergency Food Aid? Evidence on Consumption, Food Security and Assets in Rural Ethiopia / G. Daniel, J. Hoddinott // *American Journal of Agricultural Economics*. – 2007. – № 2. Volume 89. – P. 225–242. – DOI <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-8276.2007.00992.x>. – ISSN 0002-9092.

127. Darmon, N. A cost constraint alone has adverse effects on food selection and nutrient density: an analysis of human diets by linear programming / N. Darmon, E.L. Ferguson, A. Briend // *Journal of Nutrition*. – 2002. – № 12. Volume 132. – P. 3764-3771. – DOI <http://dx.doi.org/10.1093/jn/132.12.3764>. – ISSN 0022-3166.

128. Dithmer, J. Does trade openness contribute to food security? A dynamic panel analysis / J. Dithmer, A. Abdulai // *Food Policy*. – 2017. – № 69. – P. 218-230. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.foodpol.2017.04.008>. – ISSN 0306-9192.

129. Dorosh, P. Trade, Food Aid and Food Security: Evolving Rice and Wheat Markets / P. Dorosh // *Economic and Political Weekly*. – 2004. – № 39. – P. 4032-4042. – DOI <http://dx.doi.org/10.2307/4415504>. – ISSN 0012-9976.

130. Ekmekcioglu, C. Nutrition and longevity – From mechanisms to uncertainties / C. Ekmekcioglu // *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. – 2019. – № 60 (18). – P. 3063-3082. – DOI <http://dx.doi.org/10.1080/10408398.2019.1676698>. – ISSN 1040-8398.

131. Enriquez, J. Food Self-Sufficiency: Opportunities and Challenges for the Current Food System / J.P. Enriquez // Biomedical Journal of Scientific & Technical Research. – 2020. – Volume 31. – P. 23984-23989. – DOI <http://dx.doi.org/10.26717/BJSTR.2020.31.005061>. – ISSN 2574-1241.

132. Estrades, C. The Role of Export Restrictions in Agricultural Trade / C. Estrades, M. Flores, G. Lezama // IATRC Commissioned Paper 20. – 2017. – 50 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.13525.63209>. – ISBN отсутствует.

133. Farina, F. Japan's gastrodiplomacy as soft power: global washoku and national food security / F. Farina // Journal of Contemporary Eastern Asia. – 2018. – №1. Volume 17. – P. 131-146. – DOI <http://dx.doi.org/10.17477/jcea.2018.17.1.153>. – ISSN 2383-9449.

134. Fellmann, T. Harvest failures, temporary export restrictions and global food security: the example of limited grain exports from Russia, Ukraine and Kazakhstan / T. Fellmann, S. Helaine, O. Nekhay // Food Security. – 2014. – Volume 6 (5). – P. 727-742. – DOI <http://dx.doi.org/10.1007/s12571-014-0372-2>. – ISSN 1876-4525.

135. Fontana, L. Promoting Health and Longevity through Diet: From Model Organisms to Humans / L. Fontana, L. Partridge // Cell. – 2015. – № 1. Volume 161. – P. 106-118. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.cell.2015.02.020>. – ISSN 0092-8674.

136. GBD 2017 Diet Collaborators. Health effects of dietary risks in 195 countries, 1990–2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017 / GBD 2017 Diet Collaborators // The Lancet. – 2019. – Volume 393. – P. 1958-1972. – DOI [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)30041-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(19)30041-8). – ISSN 0140-6736.

137. Gizaw, Z. Public health risks related to food safety issues in the food market: a systematic literature review // Environmental Health and Preventive Medicine. – 2019. – № 68. – 21 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.1186/s12199-019-0825-5>. – ISSN 1347-4715.

138. Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2018. ISAAA Brief № 54. – ISAAA : Ithaca, New York. – 89 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-1-892456-68-0.

139. Global value chains in agriculture and food: A synthesis of OECD analysis // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers. №. 139. – OECD Publishing, Paris. 2020. – 25 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

140. Godo, Y. Japan: Shadow WTO Agricultural Domestic Support Notifications / Y. Godo, D. Takahashi // IFPRI Discussion Paper 00822. – 2008. – 39 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

141. Gunasekera, D. Effects of foreign direct investment in African agriculture / D. Gunasekera, Y. Cai, D. Newth // China Agriculture Economic Review. – 2015. – № 2. – P. 167-184. – DOI <http://dx.doi.org/10.1108/CAER-08-2014-0080>. – ISSN 1756-137X.

142. Herdt, R.W. Assisting developing countries toward food self-reliance / R.W. Herdt // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 1998. – Volume 95. – P. 1989-1992. – DOI <https://doi.org/10.1073/pnas.95.5.1989>. – ISSN 0027-8424.

143. Hirasawa, A. Formation of Japan's food security policy: Relations with food situation and evolution of agricultural policies / A. Hirasawa // The Norin Kinyu. – 2017. – № 70 (8). – P. 2-24. – DOI отсутствует. – ISSN отсутствует.

144. Ingram, J. A food systems approach to researching food security and its interactions with global environmental change / J.A. Ingram // Food Security. – 2011. – Volume 3 (4). – P. 417-431. – DOI <http://dx.doi.org/10.1007/s12571-011-0149-9>. – ISSN 1876-4525.

145. Jaworska, M. Food Imports And Food Security Of Main Global Market Players / M. Jaworska // Proceedings of the 2018 International Conference «Economic Sciences for Agribusiness and Rural Economy». – 2018. – № 2. – P. 245-251. – DOI <http://dx.doi.org/10.22630/ESARE.2018.2.32>. – ISBN 978-83-7583-803-9.

146. Jiang, X. The Potential of Absorbing Foreign Agricultural Investment to Improve Food Security in Developing Countries / X. Jiang, Y. Chen // Sustainability. – 2020. – № 6. – 19 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.3390/su12062481>. – ISSN 2071-1050.

147. Jovanovic, S. The importance of foreign direct investment for South East European countries' agriculture / S. Jovanovic, B. Dasic // Ekonomika Poljoprivrede. – 2015. – № 3. – P. 661-675. – DOI <http://dx.doi.org/10.5937/ekoPolj1503661S>. – ISSN 0352-3462.

148. Kaarhus, R. Land, investments and public-private partnerships: What happened to the Beira Agricultural Growth Corridor in Mozambique? / R. Kaarhus //

The Journal of the Modern African Studies. – 2018. – № 1. – P. 87-112. – DOI <http://dx.doi.org/10.1017/S0022278X17000489>. – ISSN 0022-278X.

149. Kheyfets, B.A. Potential of Cooperation of the EAEU Countries in the Perspective of Digitalization of the Agri-Food Sector / B.A. Kheyfets, V.Y. Chernova // WSEAS Transactions on Business and Economics. – 2020. – Volume 17. – P. 6-13. – DOI <http://dx.doi.org/10.37394/23207.2020.17.2>. – ISSN 1109-9526.

150. Lawrence, G. The Question of Food Security / G. Lawrence, P. McMichael // International journal of sociology of agriculture and food. – 2012. – № 2. – P. 135-142. – DOI отсутствует. – ISSN 0798-1759.

151. Levels and trends in child malnutrition: Key Findings of the 2020 Edition of the Joint Child Malnutrition Estimates. – UNICEF, WHO, International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank, Geneva, 2020. – 15 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-4-000-358-3.

152. Lu, Y. Identifying FDI Spillovers / Y. Lu, Z. Tao, L. Zhu // Journal of International Economics. – 2017. – Volume 107. – P. 75-90. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.jinteco.2017.01.006>. – ISSN 0022-1996.

153. Margulis, C. The Hazards of Genetically Engineered Foods / C. Margulis // Environmental Health Perspectives. – 2006. – Volume 114 (3). – P. A146-A147. – DOI отсутствует. – ISSN 0091-6765.

154. Maxwell, S. Household Food Concepts, Indicators, Measurements: A Technical Review / S. Maxwell, T. Frankenberger. – New York : UNICEF, 1992. – 274 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

155. May, J. Food security and nutrition: Impure, complex and wicked? / J. May. // Food Security SA Working Paper Series № 002. DST-NRF Centre of Excellence in Food Security, South Africa, 2017. – 31 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

156. McMichael, P. Food Security Politics and the Millennium Development Goals / P. McMichael, M. Scheider // Third World Quarterly. – 2011. – № 1. Volume 32. – P. 119-139. – DOI <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2011.543818>. – ISSN 0143-6597.

157. McMichael, P. Value-Chain Agriculture and Debt Relations: Contradictory Outcomes / P. McMichael // Third World Quarterly. – 2013. – № 4. – P. 671-690. – DOI <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2013.786290>. – ISSN 0143-6597.

158. Murphy, S. Cereal Secrets: the world's largest grain traders and global agriculture. Oxfam Research Reports / S. Murphy, D. Burch, J. Clapp. – Oxford, UK, Oxfam Great Britain. – 2012. – 79 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

159. Nugusse, W. Impact of Food Aid on Household Food Security: Empirical Evidence / W. Nugusse // African Journal of Business and Economic Research. – 2013. – № 1. Volume 8. – P. 109-125. – DOI отсутствует. – ISSN 1750-4554.

160. OECD-FAO Agricultural Outlook 2019-2028. – OECD Publishing, Paris/Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2019. – 321 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-64-31246-3.

161. OECD-FAO Agricultural Outlook 2020-2029. – FAO, Rome/OECD Publishing, Paris, 2020. – 330 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-64-58295-8.

162. Oizumi, K. Factors and challenges for export promotion of Japanese agricultural products and food. New Trends and Challenges for Agriculture in the Mekong Region: From Food Security to Development of Agri-Businesses / K. Oizumi. – BRC Research Report, Bangkok Research Center, 2019. – P. 10-35. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

163. Poore, J. Reducing food's environmental impacts through producers and consumers / J. Poore, T. Nemecek // Science. – 2018. – Volume 360 (6392). – P. 987-992. – DOI <http://dx.doi.org/10.1126/science.aag0216>. – ISSN 0036-8075.

164. Punthakey, J. Foreign direct investment and trade in agro-food global value chains / J. Punthakey // OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers № 142. – OECD Publishing, Paris, 2020. – 83 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

165. Radimer, K.L. Understanding hunger and developing indicators to assess it in women and children / K.L. Radimer, C.M. Olson, J.C. Greene [и др.] // Journal of Nutrition Education and behavior. – 1992. – Volume 24. – P. 36S-44S. – DOI [https://doi.org/10.1016/S0022-3182\(12\)80137-3](https://doi.org/10.1016/S0022-3182(12)80137-3). – ISSN 1499-4046.

166. Rosset, P. Food sovereignty. Global rallying cry of farmer movements / P. Rosset // Food First. – 2003. – № 4. Volume 9. – 4 p. – DOI отсутствует. – ISSN отсутствует.

167. Quisumbing, A. Women: The key to food security / A.R. Quisumbing, L.R. Brown, H.S. Feldstein [и др.]. – IFPRI, Washington D.C., 1995. – 26 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

168. Repositioning Nutrition as Central to Development. A Strategy for Large-Scale Action. – World Bank, 2006. – 246 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-0-8213-6399-7.

169. Risku-Norja, H. Organic food in food policy and in public catering: lessons learned from Finland / H. Risku-Norja, A.K. Løes // Organic agriculture. – 2017. – № 7 (2). – P. 111-124. – DOI <https://doi.org/10.1007/s13165-016-0148-4>. – ISSN 1879-4238.

170. Rulli, M. Global land and water grabbing / M.C. Rulli, A. Saviori, P. D’Odorico // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2013. – № 3. – P. 892-897. – DOI <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1213163110>. – ISSN 0027-8424.

171. Russell, sir E.J. World population and world food supplies / sir E.J. Russell. – London, UK, 1954. – 513 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

172. Schmidhuber, J. Comparing Crises: Great Lockdown versus Great Recession / J. Schmidhuber, B. Qiao. – Rome, FAO, 2020. – 32 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-132526-1.

173. Schram, A. The role of trade and investment liberalization in the sugar-sweetened carbonated beverages market: a natural experiment contrasting Vietnam and the Philippines / A. Schram, R. Labonte, P. Baker [и др.] // Globalization and Health. – 2015. – № 11. – 13 p. – DOI <https://doi.org/10.1186/s12992-015-0127-7>. – ISSN 1744-8603.

174. Schubert, J.N. The Impact of Food Aid on World Malnutrition / J.N. Schubert // International Organization. – 1981. – № 2. – P. 329-354. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

175. Sen, A. Poverty and Famines. An Essay on Entitlement and Deprivation / A. Sen. – Clarendon Press, Oxford, 1981. – 257 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

176. Shekar, M. Obesity: Health and Economic Consequences of an Impending Global Challenge. Human Development Perspectives series / M. Shekar, B. Popkin. –

Washington, DC: World Bank, 2020. – 204 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-1-4648-1491-4.

177. Siddhartha, M. Agricultural Export Restrictions: Welfare Implications and Trade Disciplines / M. Siddhartha, J. Tim. – IPC, 2009. – 37 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

178. Sørensen, N. The effectiveness of the Danish Organic Action Plan 2020 to increase the level of organic public procurement in Danish public kitchens / N. Sørensen, I. Tetens, H. Løje, A.D. Lassen // Public Health Nutrition. – 2015. – № 19 (18). – P. 3428-3435. – DOI <http://dx.doi.org/10.1017/S1368980016001737>. – ISSN 1368-9800.

179. Strategy for improved nutrition of children and women in developing countries. – UNICEF, New York. 1990. – 38 p. – DOI отсутствует. – ISSN 1013-3194.

180. The future of food and agriculture – Trends and challenges. FAO, Rome, 2017. – 163 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-109551-5.

181. The future of food and agriculture – Alternative pathways to 2050. – FAO, Rome, 2018. – 224 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-130158-6.

182. The International Model for Policy Analysis of Agricultural Commodities and Trade (IMPACT). – IFPRI, Washington, DC, 2015. – 128 p. – DOI отсутствует. – ISBN отсутствует.

183. The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming food systems for food security, improved nutrition and affordable healthy diets for all. – FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO, Rome, 2021. – 213 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-134325-8.

184. Thow, A.M. The implications of trade liberalization for diet and health: a case study from Central America / A.M. Thow, C. Hawkes // Globalization and Health. – 2009. – № 5. – 15 p. – DOI <https://doi.org/10.1186/1744-8603-5-5>. – ISSN 1744-8603.

185. Tigchelaar, M. Future warming increases probability of globally synchronized maize production shocks / M. Tigchelaar, D.S. Battisti, R.L. Naylor, D.K. Ray // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2018. – № 26. – P. 6644-6649. – DOI <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1718031115>. – ISSN 0027-8424.

186. Tsugane, S. Why has Japan become the world's most long-lived country: insights from a food and nutrition perspective / S. Tsugane //

European Journal of Clinical Nutrition. – 2020. – № 75. – P. 921-928. – DOI <http://dx.doi.org/10.1038/s41430-020-0677-5>. – ISSN 0954-3007.

187. Uyttendaele, M. Challenges in food safety as part of food security: lessons learnt on food safety in a globalize world / M. Uyttendaele, E. Boeck, L. Jacxsens // *Procedia Food Science*. – 2016. – № 6. – P. 16-22. – DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.profoo.2016.02.003>. – ISSN 2211-601 X.

188. Warr, P. Food Security vs. Food Self-Sufficiency: The Indonesian Case / P. Warr // *Crawford School Research Paper*. – 2011. – № 4. – 24 p. – DOI <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1910356>. – ISSN отсутствует.

189. World food and agriculture – statistical pocketbook 2018. – FAO, Rome, 2018. – 254 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-131012-0.

190. World Food and Agriculture: Statistical Yearbook 2021. – FAO, Rome, 2021. – 353 p. – DOI отсутствует. – ISBN 978-92-5-134332-6.

191. Wright, B. The Economics of Grain Price Volatility / B. Wright // *Applied Economic Perspectives and Policy*. – 2011. – № 33. – P. 32-58. – DOI <http://dx.doi.org/10.1093/aep/33.1.32>. – ISSN 2040-5790.

192. Yiyun, W. Policy distortions, farm size, and the overuse of agricultural chemicals in China / W. Yiyun, X. Xican, T. Xin [и др.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2018. – № 27. Volume 115. – P. 7010-7015. – DOI <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1806645115>. – ISSN 0027-8424.

Электронные ресурсы

193. Аграрная реформа в России переходного периода // История новой России. – Текст : электронный. – 2010. – URL: <http://ru-90.ru/node/1321> (дата обращения: 01.04.2021).

194. Агроинвестор : сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Текст : электронный.

195. Аргументы и Факты : сайт. – URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 05.11.2020). – Текст : электронный.

196. Балансы продовольственных ресурсов Республики Беларусь 2014-2019 // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Текст :

электронный. – 2021. – URL:
<https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b51/b51ac58d1708e98162a6f36f645f312a.pdf>
(дата обращения: 10.08.2020).

197. Ведомости : сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 23.12.2020). – Текст : электронный.

198. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания // Организация Объединенных Наций. – Текст : электронный. – 1974. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml (дата обращения: 19.01.2021).

199. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности // ООН. – Текст : электронный. – 2009. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 24.10.2021).

200. ЕАЭС: недостатков больше, чем преимуществ // MEATINFO. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://meatinfo.ru/news/eaes-nedostatkov-bolshe-chem-preimushchestv-402779> (дата обращения: 25.09.2020).

201. Евразийская Экономическая Комиссия : сайт. – URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 11.02.2019). – Текст : электронный.

202. Европейский суд: для запрета ГМО нужны серьезные основания // Deutsche Welle. – Текст : электронный. – 2017. – URL: <https://www.dw.com/ru/европейский-суд-для-запрета-гмо-нужны-серьезные-основания/a-40487241> (дата обращения: 24.10.2021).

203. Есть ли у России продовольственная безопасность? // Завтра. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://zavtra.ru/blogs/est_li_u_rossii_prodoval_stvennaya_bezopasnost_ (дата обращения: 24.10.2021).

204. Импортзамещение или перемещение? Аналитический обзор // Национальное Рейтинговое Агентство. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.ranational.ru/sites/default/files/Review_Import%20substitution_NRA_Dec.%202020_0.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

205. Импортзамещение в России – цель без средств // Deutsche Welle. – Текст : электронный. – 2015. – URL: <http://www.dw.de/импортзамещение-в-россии-цель-без-средств/a-18402774> (дата обращения: 19.10.2020).

206. Информационно-аналитический журнал Retail Week. Специальный выпуск к VI Международному форуму «Антиконтрафакт-2018» // Retail Week. – Текст : электронный. – 2019. – URL: https://retailweek.ru/images/2019/RW-paper/06_retail_week.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

207. Картина деловой активности за июль 2020 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a0e60cfbb18da02339fd3a7714f921ff/200819_.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

208. Китайцы-хитрецы. Как с Алтая тоннами вывозят стратегическое сырье и чем это чревато // ALTAPRESS.RU. – Текст : электронный. – 2021. – URL: https://altapress.ru/ekonomika/story/kitaytsi-hitretsi-kak-s-altaya-tonnami-vivozyat-strategicheskoe-sire-i-chem-eto-chrevato-285415?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 30.04.2021).

209. Коммерсантъ : сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 24.11.2020). – Текст : электронный.

210. Лен в большой цене: эксперты объясняют высокую маржинальность культуры и почему Канада недавно проиграла России раунд в льноводстве // АГРОXXI. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.agroxxi.ru/zhurnal-agromir-xxi/stati-rastenievodstvo/len-v-bolshoi-cene-yeksperty-objasnjayut-vysokuyu-marzhinalnost-kultury-i-pochemu-kanada-nedavno-proigrala-rossii-raund-v-lnovodstve.html> (дата обращения: 01.05.2020).

211. Международные стандарты пищевых продуктов // Кодекс Алиментариус. – Текст : электронный. – URL: <http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/home/ru/> (дата обращения: 21.10.2019).

212. Минсельхоз РФ. Цели и задачи по производству российской сельскохозяйственной техники и повышение ее качества // Российский Агротехнический Форум. – Текст : электронный. – 2021. – URL:

<https://atf.rosspetsmash.ru/upload/iblock/3e1/chekmarev-p.a..pdf> (дата обращения: 24.10.2021).

213. Минсельхоз РФ планирует создать стратегию развития органического производства // Финмаркет. – Текст : электронный. – 2021. – URL: http://www.finmarket.ru/news/5469008?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.08.2021).

214. «Нестле Россия» поддержала медицинских работников в период пандемии // РОСКОНГРЕСС. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://roscongress.org/news/nestle-rossija-podderzhala-meditsinskih-rabotnikov-v-period-pandemii/> (дата обращения: 10.01.2021).

215. Питание и продовольственные системы. Доклад Группы высокого уровня по продовольственной безопасности и питанию Комитета по всемирной продовольственной безопасности // ФАО. – Текст : электронный. – 2017. – URL: <https://www.fao.org/3/I7846RU/i7846ru.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).

216. Подписано акционерное соглашение о создании Российско-Китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР) // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. – Текст : электронный. – 2016. – URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/2047/> (дата обращения: 15.08.2020).

217. Правительство одобрило плавающую пошлину на подсолнечное масло и скорректировало пошлину на подсолнечник // Правительство России. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <http://government.ru/news/41911/> (дата обращения: 24.10.2021).

218. Профессор Волчкова: «Импорт России нужен как никогда!» // Новые известия. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://newizv.ru/article/general/18-10-2019/professor-volchkova-import-rossii-nuzhen-kak-nikогда> (дата обращения: 05.01.2020).

219. РБК : сайт. – URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 09.11.2020). – Текст : электронный.

220. Реформа Комитета по Всемирной Продовольственной безопасности. Окончательный вариант. CFS: 2009/2 Rev.2 // КВПБ. – Текст : электронный. – 2009. – URL: <http://www.fao.org/3/k7197r/k7197r.pdf> (дата обращения: 26.09.2019).

221. РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 16.11.2020). – Текст : электронный.

222. Римская декларация по вопросам питания // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – Текст : электронный. – 2014. – URL: <http://www.fao.org/3/a-ml542r.pdf> (дата обращения: 26.09.2019).

223. Роль животноводства в устойчивом развитии сельского хозяйства в интересах продовольственной безопасности и питания. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности // ФАО. – Текст : электронный. – 2016. – URL: <https://www.fao.org/3/mq860r/mq860r.pdf> (дата обращения: 20.05.2019).

224. Российский агроэкспорт в Китай превысил 3 млрд долларов // Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://aemcx.ru/2020/11/06/российский-агроэкспорт-в-китай-превы/> (дата обращения: 10.02.2021).

225. Российский статистический ежегодник. Каталог публикаций // Федеральная служба государственной статистики. – Текст : электронный. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078; https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm (дата обращения: 15.05.2019).

226. Российская газета : сайт. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Текст : электронный.

227. Россия: рецессия и рост во время пандемии. Доклад об экономике России № 43 // Группа Всемирного банка. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34219/Russia-Recession-and-Growth-Under-the-Shadow-of-a-Pandemic-RU.pdf?sequence=5> (дата обращения: 29.11.2020).

228. Сертификация семян для международной торговли. Информационный листок Россельхозцентра № 33 // Россельхозцентр. – Текст : электронный. – 2018. –

URL: https://rosselhoccenter.com/files/users/42/Moskva/2018/Россельхозцентр_-_информационный_листок_33_89904.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

229. «Спасибо врачам»: как российские компании поддерживают врачей во время пандемии // Медиалогия. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7336/ (дата обращения: 10.01.2021).

230. Специальное издание: ход достижения целей в области устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2019/secretary-general-sdg-report-2019--RU.pdf> (дата обращения: 06.02.2020).

231. С.С. Цыплаков: «Не имея мощной производственной базы внутри страны, сложно говорить о долгосрочном выходе на китайский потребительский рынок» // Asia Business Blog. – Текст : электронный. – URL: <https://asiabblog.com/2021/04/china-russia-trade/> (дата обращения: 30.04.2021).

232. ТАСС : информационное агентство России : сайт. – Москва, 1999. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 14.11.2020). – Текст : электронный.

233. Термины и Терминология. CFS 2012/39/4 // КВПБ. – Текст : электронный. – 2012. – URL: <http://www.fao.org/3/MD776R/MD776R.pdf> (дата обращения: 24.02.2019).

234. Товаропроводящую систему разработают страны ЕАЭС // KAZINFORM. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://lenta.inform.kz/ru/tovarovprovodyaschuyu-sistemu-razrabotayut-strany-eaes_a3651740 (дата обращения: 18.09.2020).

235. Три года интеграции: согласованная агропромышленная политика Евразийского экономического союза // Евразийские исследования. – Текст : электронный. – 2018. – URL: <http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2018/11/Три-года-интеграции-согласованная-агропромышленная-политика-ЕАЭС-2018-год.pdf> (дата обращения: 13.10.2020).

236. Федеральная таможенная служба : сайт. – URL: <http://www.customs.ru> (дата обращения: 18.03.2020). – Текст : электронный.

237. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России : сайт. – URL: <https://aemcx.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Текст : электронный.

238. Экспертно-аналитический центр Агробизнеса АБ-Центр : сайт. – URL: <https://ab-centre.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Текст : электронный.

239. 50 крупнейших компаний АПК России // Аналитический центр ЭКСПЕРТ. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/50-krupneyshih-kompaniy-apk-rossii---2019.html> (дата обращения: 16.01.2021).

240. Agreement between the European Union and Japan for an Economic Partnership // Official Journal of the European Union. – Текст : электронный. – URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/august/tradoc_157228.pdf. (дата обращения 10.05.2021).

241. Agricultural subsidies: everyone's doing it // Global Trade. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.globaltrademag.com/agricultural-subsidies-everyones-doing-it/> (дата обращения: 29.10.2020).

242. Airlines Financial Monitor – March 2020 // IATA. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.iata.org/en/iata-repository/publications/economic-reports/airlines-financial-monitor---april-2020/> (дата обращения: 28.03.2020).

243. An evaluation of the impact of food aid on food security: the case of Ngabu area in Malawi // University of South Africa. – Текст : электронный. – 2009. – URL: <http://uir.unisa.ac.za/handle/10500/1623> (дата обращения: 02.05.2021).

244. Assessment of the World Food Security Situation. CFS 99/2 // FAO. – Текст : электронный. – 1999. – URL: http://www.fao.org/3/x1885e/x1885e.htm#P117_10288 (дата обращения: 17.03.2019).

245. Budget Address by Samoa Minister of Finance on COVID-19 Stimulus Package // Samoa Global News. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://samoaglobalnews.com/budget-address-by-samoa-minister-of-finance-on-covid-19-stimulus-package1/> (дата обращения: 10.01.2021).

246. Challenges in boosting Japan's agricultural exports // EASTASIAFORIM. – Текст : электронный. – 2021. – URL:

<https://www.eastasiaforum.org/2021/03/12/challenges-in-boosting-japans-agricultural-exports/> (дата обращения: 30.04.2021).

247. China's changing food habits and their global implications // Dialogo Chino. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://dialogochino.net/en/agriculture/21163-chinas-changing-food-habits-and-their-global-implications/> (дата обращения: 17.01.2020).

248. Coca-Cola: e-commerce – не просто канал сбыта, а новая экосистема // Sostav. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/e-commerce-eto-ne-prosto-kanal-sbyta-a-novaya-ekosistema-46393.html> (дата обращения: 10.01.2021).

249. Commission Regulation (EC) № 889/2008 of 5 September 2008 laying down detailed rules for the implementation of Council Regulation (EC) № 834/2007 on organic production and labelling of organic products with regard to organic production, labelling and control // Official Journal of the European Union. – Текст : электронный. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0889&from=EN> (дата обращения 15.05.2021).

250. COVID-19 will double number of people facing food crises unless swift action is taken // WFP. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.wfp.org/news/covid-19-will-double-number-people-facing-food-crises-unless-swift-action-taken> (дата обращения: 10.01.2021).

251. DairyNews : сайт. – URL: <https://www.dairynews.ru> (дата обращения: 03.01.2021). – Текст : электронный.

252. Danone. Reshaped 'local-first' organization: a key step to restore value creation in a COVID-world // Danone. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.danone.com/content/dam/danone-corp/danone-com/medias/medias-en/2020/corporatepressreleases/danone-reshaped-local-first-organization-PR-2020.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

253. Economy profile of Russian Federation // Doing Business. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/r/russia/RUS.pdf> (дата обращения: 26.11.2020).

254. Employment by sex and economic activity - ILO modelled estimates // ILO.
– Текст : электронный. – 2019. – URL: https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer25/?lang=en&segment=&id=EMP_2EMP_S EX_ECO_DT_A (дата обращения: 05.11.2020).
255. Eurostat. Preliminary flash estimate for the third quarter of 2020 // Eurostat.
– Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/10663774/2-30102020-BP-EN.pdf/94d48ceb-de52-fcf0-aa3d-313361b761c5> (дата обращения: 06.01.2021).
256. FACT SHEET on U.S.-Japan Trade Agreement // USTR. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement> (дата обращения: 24.10.2021).
257. Food and Agriculture Organization of the United Nations : website. – URL: <https://www.fao.org/home/en/> (дата обращения: 26.02.2019). – Текст : электронный.
258. Food sovereignty is Africa's only solution to climate chaos // GRAIN. – Текст : электронный. – 2019. – URL: https://grain.org/en/article/6293-food-sovereignty-is-africa-s-only-solution-to-climate-chaos#_ftn13 (дата обращения: 29.03.2021).
259. Forbes.ru : сайт. – URL: <https://www.forbes.ru> (дата обращения: 24.11.2020). – Текст : электронный.
260. France leads the way with organic public sector procurement // Garden Organic. – Текст : электронный. – 2018. – URL: <https://www.gardenorganic.org.uk/news/france-leads-way-organic-public-sector-procurement> (дата обращения: 24.08.2020).
261. Global Agricultural Support // Kobe Bussan. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kobebussan.co.jp/english/business/new.php?tabcheck1> (дата обращения: 30.04.2021).
262. Global dynamics // Global Trade Alert. – Текст : электронный. – URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/year-from_2017/day-to_1226 (дата обращения: 27.11.2020).
263. Global, Regional and National Trends // Global Hunger Index. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2021.pdf>

(дата обращения: 14.01.2022).

264. Global warming of 1.5 °C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty // IPCC. – Текст : электронный. – 2018. – URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 27.11.2020).

265. Growing Chinese Health Awareness Could Mean Big Business for Manufacturers // Nielsen. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.nielsen.com/cn/en/press-releases/2014/growing-chinese-health-awareness-could-mean-big-business-for-manufacturers-en/> (дата обращения:).

266. Import substitution: How ready is Uganda? // New Vision. – Текст : электронный. – URL: <https://www.newvision.co.ug/news/1518621/import-substitution-ready-uganda> (дата обращения: 30.03.2020).

267. International Trade Statistics 2001-2020 // International Trade Centre. – Текст : электронный. – URL: <https://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения: 08.09.2021).

268. Japan Establishes Agricultural Export Expansion Strategy // USDA. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Japan%20Establishes%20Agricultural%20Export%20Expansion%20Strategy_Tokyo_Japan_12-10-2020 (дата обращения: 30.04.2021).

269. Japan Trade Agreement – 2020 // USDA. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.fas.usda.gov/topics/japan-trade-agreement> (дата обращения: 30.04.2021).

270. Japanese people may have gained longevity by balancing their diets // The Economist. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/01/16/japanese-people-may-have-gained-longevity-by-balancing-their-diets> (дата обращения: 29.04.2021).

271. Lockdown on the high seas // The Hill. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://thehill.com/opinion/international/508478-lockdown-on-the-high-seas> (дата обращения: 10.01.2021).

272. Mars реализует инициативы поддержки сообществ в борьбе с COVID-19 // MARS. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://rus.mars.com/novosti/pressrelizy-media/mars-realizuet-iniciativy-podderzhki-soobschestv-v-borbe-s-covid-19> (дата обращения: 10.01.2021).

273. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (Japan) : website. – URL: <https://www.maff.go.jp/e/> (дата обращения: 30.04.2021). – Текст : электронный.

274. Nestle: пандемия COVID-19 стимулирует спрос на питание растительного происхождения // Российский экспортный центр. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/nestle-pandemiya-covid-19-stimuliruet-spros-na-pitanie-rastitelnogo-proiskhozhdeniya/ (дата обращения: 10.01.2021).

275. OECD : website. – URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 27.10.2020). – Текст : электронный.

276. Over half of Chinese adults are now overweight. That's more people than the entire US population // CNN World. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/12/24/china/china-adult-overweight-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.12.2020).

277. PepsiCo: people having breakfast and snacking more // Retail Detail. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.retaildetail.eu/en/news/food/pepsico-people-having-breakfast-and-snacking-more> (дата обращения: 10.01.2021).

278. Regional Comprehensive economic partnership agreement // RCEP. – Текст : электронный. – URL: <https://rcepsec.org/legal-text/>. (дата обращения 11.05.2021).

279. Regular Press Conference of MOFCOM // Ministry of Commerce People's Republic of China. – Текст : электронный. – 2021. – URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/202102/20210203035748.shtml> (дата обращения: 28.04.2021).

280. Rome Declaration on World Food Security // FAO. - Текст : электронный. – 1996. – URL: <http://www.fao.org/3/003/w3613e00.htm>. (дата обращения 02.03.2020).

281. Russia Says Asia's Food Companies Want to Rent Area the Size of Jamaica for Farming // Bloomberg. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-13/russia-wants-to-rent-out-more->

farmland-for-food-exports-to-asia (дата обращения: 08.01.2021).

282. Statistical Handbook of Japan 2020 // Statistics Bureau of Japan. – Текст : электронный. – 2020. – URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c01117.html> (дата обращения: 30.04.2021).

283. Summary of the FSN Forum Discussion № 34. Food security and nutrition security – What is the problem and what is the difference // FAO. – Текст : электронный. – 2009. – URL: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/wa_workshop/docs/FOOD_SECURITY_AND_NUTRITION_SECURITY_%E2%80%93_FSN_Forum_2009.pdf (дата обращения: 19.05.2020).

284. The dangers of genetically modified foods // The Guardian. – Текст : электронный. – 2016. – URL: <https://guardian.ng/features/the-dangers-of-genetically-modified-foods/> (дата обращения: 26.06.2019).

285. The State of Snacking in 2020 // Mondelez International. – Текст : электронный. – 2020. – URL: https://www.mondelezinternational.com/-/media/Mondelez/stateofsnacking/2020-Report/2020_MDLZ_stateofsnacking_report_GLOBAL_EN.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

286. The World Bank : website. – URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (дата обращения: 26.10.2020). – Текст : электронный.

287. Towards a Food Insecurity Multidimensional Index (FIMI) // FAO. – Текст : электронный. – 2011. – URL: <http://www.fao.org/fileadmin/templates/ERP/uni/FIMI.pdf> (дата обращения: 26.08.2019).

288. Trade and Investment Statistics // JETRO. – Текст : электронный. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics> (дата обращения: 30.04.2021).

289. UN Comtrade : website. – URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 22.03.2021). – Текст : электронный.

290. United Nations Conference on Trade and Development : website. – URL: <https://unctad.org> (дата обращения: 11.10.2020). – Текст : электронный.

291. Why Chinese farmers have crossed border into Russia's Far East // BBC. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50185006> (дата обращения: 07.08.2020).

292. World Declaration and plan of action for nutrition // FAO. – Текст : электронный. – 1992. – URL: <https://www.fao.org/3/u9260e/u9260e00.pdf>. (дата обращения 02.03.2019).

293. World Health Organization : website. – URL: <https://www.who.int> (дата обращения: 19.11.2020). – Текст : электронный.

294. World Trade Organization : website. – URL: <https://www.wto.org> (дата обращения: 09.05.2021). – Текст : электронный.

Приложение А
(информационное)

Концепции и определения продовольственной безопасности в отечественной и зарубежной литературе

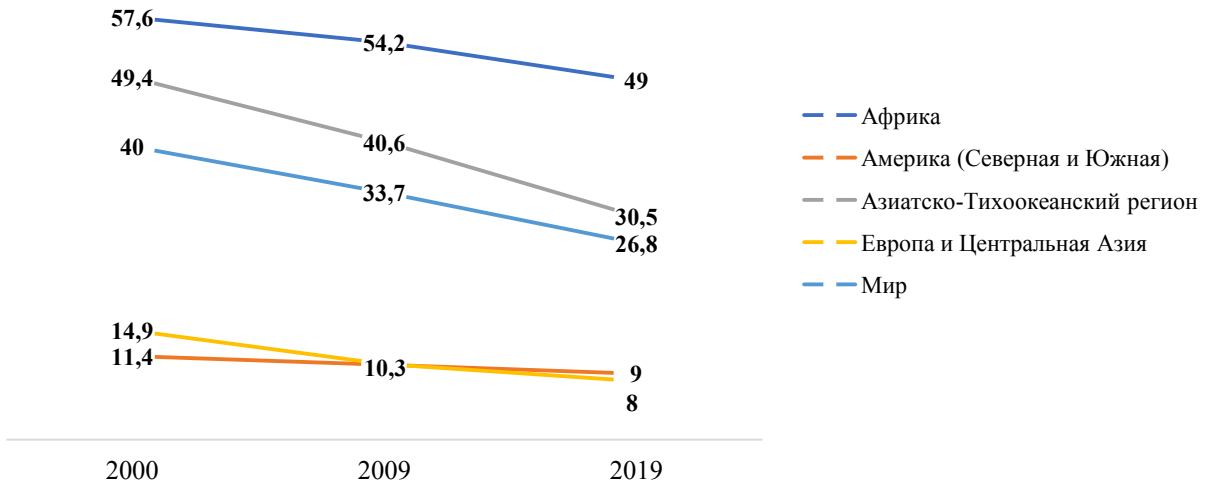
Таблица А.1 – Концепции и определения продовольственной безопасности в отечественной и зарубежной литературе

Определение продовольственной безопасности (ПБ) или аспект изучения проблемы ПБ	Источник
1	2
Благополучие народов мира зависит от установления системы всемирной ПБ, которая обеспечила бы соответствующее наличие продовольствия и разумные цены на него в любое время, независимо от периодических колебаний и изменения погодных условий, а также от политического и экономического давления	Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания (1974 г.)
ПБ определена как стабильный во времени физический и экономический доступ всех к достаточному, безопасному и питательному продовольствию для удовлетворения диетических потребностей и предпочтений	Документы Всемирного саммита по вопросам продовольствия: Римская декларация и План действий (1996 г.)
ПБ существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и питательного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни	Римская Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности (2009 г.)
ПБ – состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни	Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»
ПБ – комплексная проблема, достигается за счет внутренних и внешнеэкономических ресурсов	Ж. Мау, В.С. Загашвили, Г.В. Кузнецова, Л.С. Ревенко
ПБ – это прежде всего физический и экономический доступ к безопасному продовольствию населения с разными доходами по всей территории страны	Н. Шагайда, А. Узун
ПБ – состояние продовольственного рынка (национального/мирового) и экономики страны/ группы интегрированных стран, при котором соотношение спроса и предложения на продовольствие формирует цены, позволяющие всем удовлетворять потребности в питании	М.Е. Тарасов, А.А. Баранников, П.В. Михайлушки
ПБ в значении продовольственной независимости – суверенная продовольственная политика и способность формировать национальную продовольственную стратегию	Ж. Clapp, Р.Р. Гумеров, Н.В. Гусева
ПБ – усложняющаяся под воздействием глобализации мирохозяйственных связей проблема, связанная с другими глобальными проблемами	Ж. Ingram, Т. Lang, D. Barling, М. Caraher, Н. Лукьянович
«Ресурсная независимость аграрного производства» для достижения ПБ (необходимость трансформации приоритетов обеспечения продовольственной независимости из продовольственной в производственно-ресурсную)	А.П. Потапов, Н.Н. Семенова
Достижение ПБ за счет рационального импортозамещения: приоритетная ориентация на внутренний рынок, развитие конкурентного АПК с последующей экспансией его продукции на международный рынок; надежное снабжение населения страны отечественным продовольствием	Р. McMichael, М. Schneider, Б.Е. Фрумкин, В.С. Балабанов, Е.Н. Борисенко

Источник: составлено автором по материалам [7; 25; 59, с. 91; 63; 72; 74; 76, с. 153; 83; 85; 90; 95; 102; 124; 144; 156; 198; 199; 280].

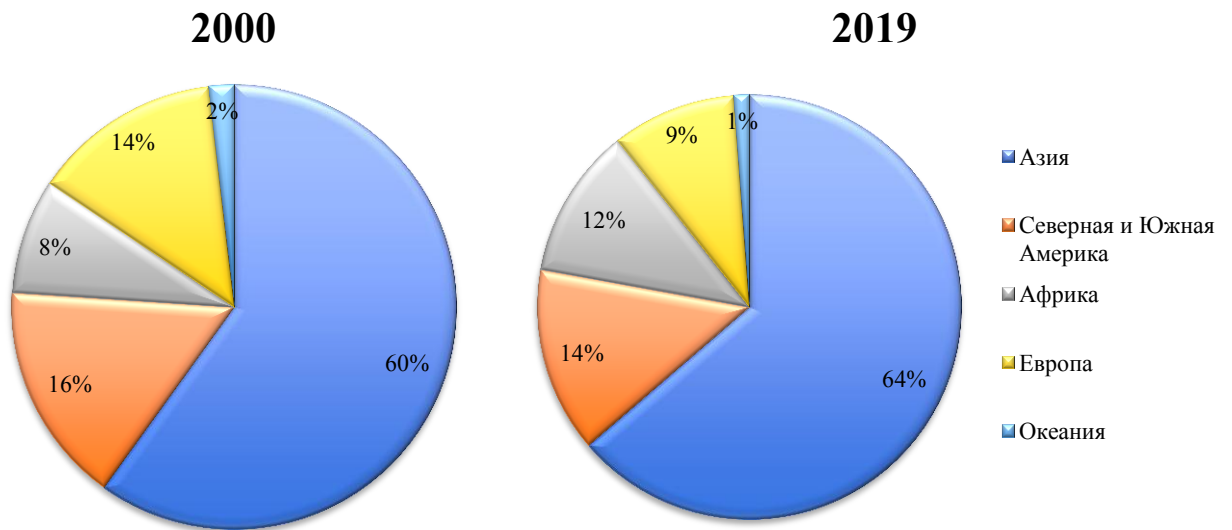
Приложение Б
(информационное)

Мировая сельскохозяйственная статистика

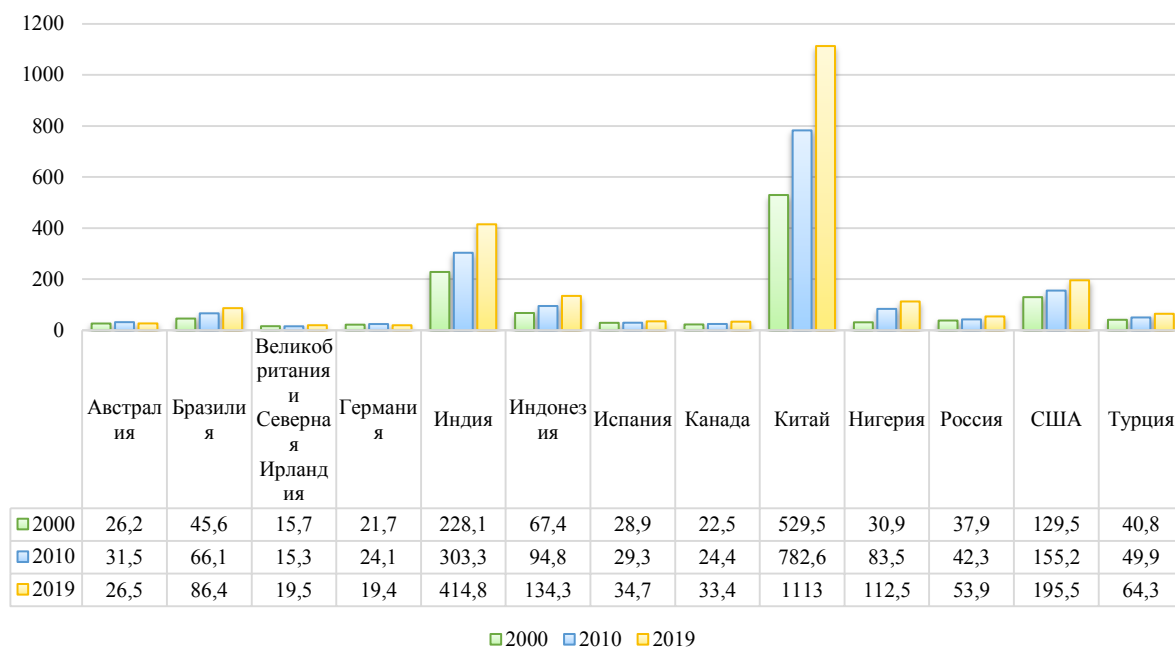
Источник: составлено автором по материалам [254].

Рисунок Б.1 – Доля занятости в сельском хозяйстве, включая лесное хозяйство и рыболовство, в общем объеме занятости по регионам, в процентах

Источник: составлено автором по материалам [190].

Рисунок Б.2 – Добавленная стоимость сельского хозяйства, включая лесное хозяйство и рыболовство, в общей стоимости по регионам, в процентах

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [190].
 Рисунок Б.3 – Добавленная стоимость сельского хозяйства, включая лесное хозяйство и рыболовство, по странам, в миллиардах долларов

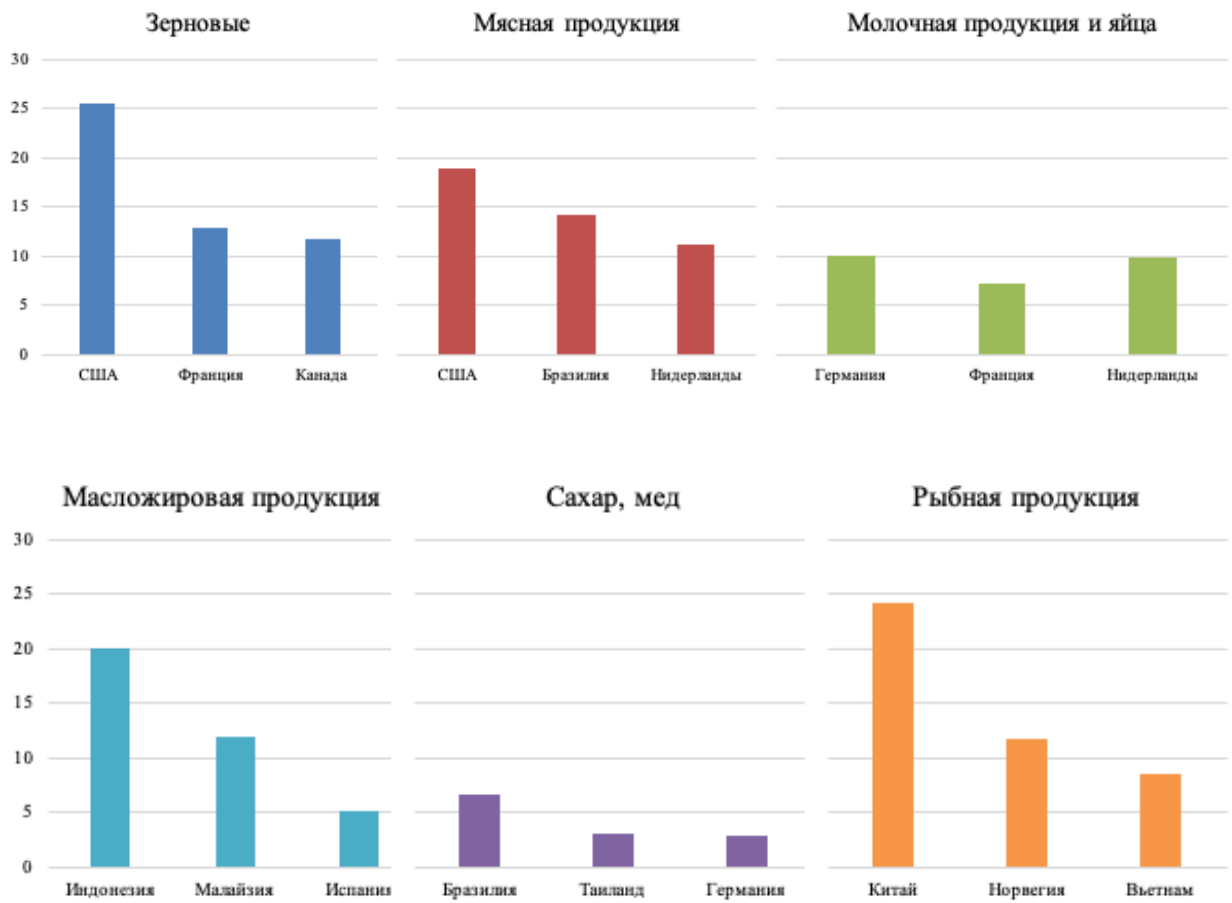
Приложение В
(информационное)

Мировое аграрное производство и экспорт

Таблица В.1 – Мировое агропроизводство в период с 2000 г. по 2019 г.

Укрупненная продовольственная группа	Детализация	Доля в группе, %	2019, млн т	Темп прироста 2000-2019, %	Основные мировые производители
Основные сельскохозяйственные культуры	Зерновые	32	2 978	47	Китай (19,5 % глобального производства), Бразилия и Индия (по 12%), США (7%), Индонезия (4,7%), Россия (2,6%)
	Сахарный песок	24	2 229		
	Овощи	12	1 128		
	Фрукты	9,4	883		
	Масличные культуры	12	1 101		
	Корнеплоды	9,2	861		
Растительные масла	Пальмовое	50	71	118	Индонезия (53%), Малайзия (30%) Китай (30%), США (19%) Канада и Германия (по 16%) Украина (29%), Россия (26%)
	Соевое	28	57		
	Рапсовое	13	25		
	Подсолнечное	9	18		
Мясная продукция	Свинина	33	110	45	США (17%, абсолютный лидер в производстве курятины и мяса КРС), Китай (40%, абсолютный лидер в производстве свинины), Бразилия (8,5%)
	Мясо кур	35	118		
	Мясо крупного рогатого скота (КРС)	20	68		
	Другое	12	40		
Молочная продукция	-	-	883	52,5	Индия (22%), США (12%), Пакистан, Китай, Бразилия, Германия, Россия и Франция (по 3-5%)
Куриные яйца	-	-	83,5	36,3	Китай (35%), США (8,5%), Индия (6,8%)
Рыбная продукция	Аквакультура	48	85	66	Китай (35%), Индия и Индонезия (по 7%)
	Рыболовство	52	92,5	-1	

Источник: составлено автором по материалам [190].

Источник: составлено автором по материалам [190].
 Рисунок В.1 – Экспорт аграрной продукции в 2019 г., в миллиардах долларов

Приложение Г
(информационное)

Специальные экономические меры для обеспечения безопасности Российской Федерации

Таблица Г.1 - Специальные экономические меры для обеспечения безопасности Российской Федерации

Год введения запрета	Нормативное закрепление: Постановления Правительства РФ	Страны, в отношении которых введен запрет	Перечень запрещенной к импорту продукции	Внесение изменений к первоначальной редакции от 7 августа 2014 г. N 778 (импорт разрешен)
1	2	3	4	5
2014	- от 7 августа 2014 г. № 778; - от 20 августа 2014 г. N 830	Соединенные Штаты Америки (США), страны Европейского союза (ЕС), Канада, Австралия и Королевство Норвегия	1) Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, крупного рогатого скота, свинина (свежее, охлажденное, замороженное, соленое, в рассоле, сушеное, копченое)	-
			2) Колбасы и аналогичные продукты из мяса, мясных субпродуктов или крови; готовые пищевые продукты, изготовленные на их основе	-
			3) Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	Мальки лосося атлантического (Salmo salar) и форели (Salmo trutta)
			4) Молоко и молочная продукция	Безлактозное молоко и безлактозная молочная продукция
			5) Готовые продукты, включая сыры и творог на основе растительных жиров	-
			6) Овощи, съедобные корнеплоды и клубнеплоды	Картофель семенной, лук-севок, кукуруза сахарная гибридная для посева, горох для посева
			7) Фрукты и орехи	-
			8) Пищевые продукты (молокосодержащие продукты, на основе растительных жиров)	Биологически активные добавки; витаминно-минеральные комплексы; вкусоароматические добавки; концентраты белков и их смесей; пищевые волокна; пищевые добавки

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3	4	5
2015	от 25 июня 2015 г. № 625		8) Пищевые или готовые продукты, изготовленные по технологиям производства сыра и содержащие 1,5 % или более молочного жира	3) Молодь (спат) устриц и мидий; 4) Для диетического лечебного питания и диетического профилактического питания
	- от 13 августа 2015 г. № 842; - от 16 сентября 2015 г. № 981; - от 21 декабря 2015 г. № 1397	+ Украина (с 1 января 2016 г.), Республика Албания, Черногория, Республика Исландия, Княжество Лихтенштейн	-	8) Биологически активные добавки для обеспечения сборных команд РФ
2016	от 1 марта 2016 г. № 157	-	-	3) Мальки форели (<i>Oncorhynchus mykiss</i>), живая декоративная рыба
	от 27 мая 2016 г. № 472	-	-	1) Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, крупного рогатого скота; б. овощи, предназначенные для производства детского питания
	от 10 сентября 2016 г. № 897	-	9) Соль (включая соль столовую и денатурированную) и хлорид натрия чистый, растворенные или не растворенные в воде, или содержащие или не содержащие добавки агентов, препятствующих слипанию или обеспечивающих сыпучесть; вода морская	-
	от 22 октября 2016 г. № 1086	-	-	3) Мальки камбалы-гюрбо (<i>Psetta maxima</i>), мальки лаврака обыкновенного (<i>Dicentrarchus labrax</i>), молодь белоногий креветки (<i>Litopenaeus vannamei</i>)

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3	4	5
2017	от 20 мая 2017 г. № 604	-	-	9) Соль для производства лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок
	от 25 октября 2017 г. № 1292	-	1) Свины живые (за исключением чистопородных племенных животных); жиры свиной, домашней птицы крупного рогатого скота, овец или коз не вытопленные или не извлеченные другим способом, свежие, охлажденные, замороженные, соленые, в рассоле, сушеные или копченые; лярд-стеарин, лярд-ойль, олеостеарин, олео-ойль и животное масло, неэмульгированные или несмешанные, или не приготовленные каким-либо иным способом	1) Пищевые субпродукты крупного рогатого скота, свиной, овец, коз, лошадей, ослов, мулов или лошаков, свежие, охлажденные или замороженные для производства фармацевтической продукции
2019	от 7 октября 2019 г. № 1293	-	-	6) Семяна картофеля, лука-севка, кукурузы сахарной гибридной (<i>Zea mays var. saccharata</i>), гороха, нут и чечевицы, предназначенные для научных исследований, государственных испытаний, производства семян для вывоза из РФ
2020	от 6 апреля 2020 г. № 453	-	-	4) Сыворотка молочной деминерализованной сухой с уровнем деминерализации 90 %, предназначенная для производства детских сухих молочных смесей
	от 9 декабря 2020 г. № 2054	+ Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	-	-

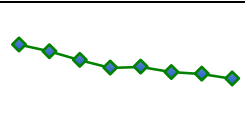

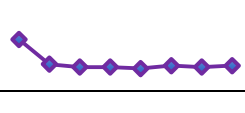
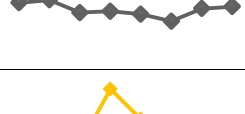

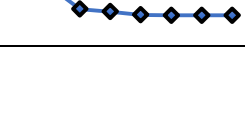
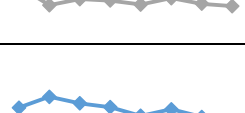
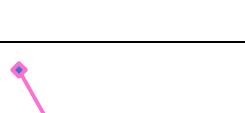
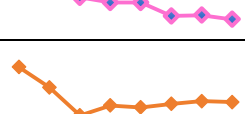
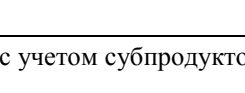
Источник: составлено автором.

Приложение Д
(информационное)

Российский продовольственный импорт

Таблица Д.1 – Доля импорта отдельных потребительских товаров в их товарных ресурсах

В процентах

Товар	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	График
Говядина	64,5	57,3	48,1	40,0	40,9	35,4	33,5	28,4	
Консервы мясные	17,1	13,7	9,0	7,5	7,3	7,2	7,2	6,9	
Крупа	2,2	0,5	0,3	0,3	0,2	0,4	0,3	0,4	
Масла животные	32,3	34,3	25,5	26,4	24,4	19,5	28,3	29,6	
Мука	0,9	0,9	0,8	1,9	1,3	0,9	0,9	0,6	
Мясо птицы	18,2	10,0	5,5	5,0	4,4	4,3	4,3	4,3	
Растительные масла	23,9	14,4	17,4	16,7	14,7	17,9	15,1	13,9	
Сахар	5,4	7,4	6,2	5,5	3,9	5,1	3,7	2,4	
Свинина	46,8	16,6	12,5	9,6	9,6	2,1	2,5	0,2	
Сыры	47,4	37,3	23,3	28,2	27,3	29,0	30,4	29,9	
Примечание – Данные по говядине, мясу птицы и свинине приведены с учетом субпродуктов.									

Источник: составлено автором по материалам [225].

Таблица Д.2 – Структура импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в Россию в 2020 г.

Товарная группа	2020		Изменение к 2019		Изменение к 2013	
	млн долларов	тысяч тонн	млн долларов	тысяч тонн	млн долларов	тысяч тонн
Мясо и пищевые мясные субпродукты	1 800	710,8	-67,3	756,1	-5 371,7	-954,7
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	1 782	493,7	-9,1	-40,9	-1 134,5	-407
Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный	2 736	1 052,0	-202,2	42,5	-2 175	-380,6
Овощи, корнеплоды и клубнеплоды	1 796	1 865,4	-17,4	-287,8	-1 135	-1212,6
Съедобные фрукты и орехи	5 019	5 639,8	-21,2	-6,5	-1 427,9	-809,1
Кофе, чай, мате, парагвайский чай, пряности	1 155	407,6	-1,5	13,5	-98,6	60,3
Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	1 705	2 372,7	-7,7	-182,5	344,8	1034,1
Жиры и масла животного или растительного происхождения	1 269	1 585,2	-2,7	68,4	-6,1	472
Какао и продукты его содержащие	1 246,5	334,1	0	17,5	-188,2	-31,1
Продукты переработки овощей, фруктов, орехов	1 222	1 042,6	-8,1	-55,5	-395,7	-284,3
Разные пищевые продукты	1 441	363,4	-3,7	34,3	-393,9	-54,7
Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	3 012	1 989,3	-13,2	233,4	-414,8	127,1
Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	948	854,2	-3,5	14,4	-470,5	-434,8
Табак и промышленные заменители табака	8724	175,1	7 851,5	2,8	7397,5	-78,8
Другое	3531	-	2 656,6	-	3280	-

Источник: составлено автором по материалам [225; 236; 238].

Таблица Д.3 – Основные страны-экспортеры продовольствия в Россию в 2013 г. и в 2020 г.

Товарная группа	2013		2020	
	страна	тыс. долл.	страна	тыс. долл.
Живые животные	США	177,1	Австралия	49,3
	Австралия	78,8	Дания	58,5
	Дания	29,8	Германия	82,6
Мясо и пищевые мясные субпродукты	Бразилия	1952,3	Белоруссия	534,7
	Парагвай	652,7	Бразилия	330,9
	Белоруссия	530,8	Парагвай	263,3
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	Норвегия	1141,5	Чили	332,2
	Чили	296,6	Фарерские о-ва	281,7
	Китай	263,3	Китай	183,8
Молочная продукция	Белоруссия	1665,1	Белоруссия	2058,9
	Украина	383,5	Новая Зеландия	145,9
	Нидерланды	371,2	Аргентина	143,3
Овощи, корнеплоды и клубнеплоды	Турция	571,6	Китай	326,9
	Китай	387,1	Азербайджан	248,6
	Нидерланды	274,5	Турция	158,5
Съедобные фрукты и орехи	Эквадор	953,2	Эквадор	1074,3
	Турция	910,7	Турция	1074,1
	Польша	497	Южная Африка	284,5
Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	Шри-Ланка	251,4	Вьетнам	182,5
	Вьетнам	134,3	Бразилия	137,6
	Индия	131,7	Шри-Ланка	123,8
Злаки	Казахстан	241,9	Казахстан	72,2
	Дания	53,4	Индия	60,6
	Вьетнам	43,1	Венгрия	51,7
Продукция мукомольно-крупяной промышленности	Белоруссия	30,4	Белоруссия	19,5
	Украина	27,2	Германия	18,8
	Германия	26,9	Казахстан	11,1
Масличные семена и плоды	Парагвай	457,9	Бразилия	566,2
	США	239,4	Парагвай	272,5
	Украина	79,9	Франция	142,5
Жиры и масла животного или растительного происхождения	Индонезия	631,7	Индонезия	842,4
	Малайзия	122,3	Белоруссия	166,6
	Нидерланды	104,8	Швеция	67,3
Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	Белоруссия	250,4	Белоруссия	323,6
	Китай	69,3	Китай	66,5
	Латвия	49,5	Чили	35,9
Сахар и кондитерские изделия из сахара	Бразилия	194,1	Белоруссия	71,3
	Украина	69,8	Германия	32,3
	Китай	56,3	Китай	29,9
Какао и продукты его содержащие	Украина	347,2	Кот-д'Ивуар	220,9
	Кот-д'Ивуар	196,4	Германия	202,2
	Германия	168,7	Индонезия	86,7
Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока	Германия	174,4	Польша	130,6
	Украина	148,2	Германия	106,2
	Италия	131,6	Швейцария	89,9
Продукты переработки овощей, фруктов, орехов	Китай	292,8	Китай	206
	Украина	180,6	Испания	119,9
	Испания	136,9	Белоруссия	86,6
Разные пищевые продукты	Германия	364,1	Германия	298,4
	США	172,3	США	90,2
	Украина	111,9	Бразилия	78,2
Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	Франция	613,8	Италия	432,3
	Италия	511,8	Франция	344,9
	Великобритания	431,1	Великобритания	296,8

Источник: составлено по материалам [267].

Приложение Е
(информационное)

Крупнейшие импортеры российского продовольствия по укрупненным группам в 2020 г.

Таблица Е.1 – Крупнейшие импортеры российского продовольствия по укрупненным группам в 2020 г.

Укрупненная продовольственная группа	Крупнейшие импортеры		Всего в 2020 г.	
	страна	стоимость, млн долл.	млн долл.	млн т
Зерновые	Турция	1 913	10 265	49,4
	Египет	1 798		
	Саудовская Аравия	568		
	Бангладеш	410		
	Азербайджан	313		
	Судан, Пакистан, Нигерия, Вьетнам, Йемен	-		
Продукция масложировой отрасли	Китай	1 082	4 954	8,1
	Турция	553		
	Индия	364		
	Узбекистан	251		
	Казахстан	211		
	Норвегия, Беларусь, Латвия, Египет, Алжир	-		
Мясная продукция	Китай	316	887	0,5
	Вьетнам	140		
	Украина	108		
	Гонконг	65		
	Беларусь	63		
	Казахстан, Саудовская Аравия, Киргизия, Монголия, Армения	-		
Молочная продукция	Казахстан	132	318	0,2
	Беларусь	45		
	Украина	45		
	Азербайджан	14		
	Узбекистан	12		
	США, Армения, Киргизия, Монголия, Абхазия	-		
Рыбная продукция	Республика Корея	1 612	5 330	2,3
	Китай	1 595		
	Нидерланды	864		
	Япония	254		
	Беларусь	92		
	Украина, Казахстан, США, Великобритания, Германия	-		
Продукция пищевой и перерабатывающей промышленности	Казахстан	1 056	4 498	9,5
	Беларусь	536		
	Узбекистан	316		
	Украина	291		
	Китай	261		
	Азербайджан, Киргизия, Латвия, Армения, Турция	-		

Источник: составлено автором по материалам [237].

Приложение Ж
(информационное)

Производство основных видов импортозамещающей продукции в России

Таблица Ж.1 – Динамика производства основных видов импортозамещающей продукции по укрупненным группам

В процентах к предшествующему году

Продукт	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2020/2014, раз
Мясо крупного рогатого скота	111,8	96,1	106,9	113,7	103,7	109,7	1,5
Свинина	114,9	115,8	117,7	110,8	105,4	112,9	2,1
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	109,1	102,9	108,4	100,8	99,2	99,2	1,2
Изделия колбасные	98,8	99,6	92,7	101	100	103,2	0,9
Рыбная продукция	103,1	106,8	91,8	101,7	98,2	103,2	1,0
Фрукты, ягоды и орехи сушеные	101,7	89,5	142,4	106,5	133,6	126,7	2,3
Плодоовощная продукция замороженная	121	129,3	134,1	96,6	125,4	121,5	3,1
Молоко жидкое обработанное	101,9	102,2	96,8	101,4	99,2	104,6	1,05
Сливки	105,3	103,5	106,2	113,1	108,4	119,5	1,7
Творог	107,5	98,7	118,4	103,2	93,5	104	1,3
Масло сливочное	102,3	97,9	107,7	98,7	101,2	103,1	1,1
Сыры и продукты сырные	117,9	102,8	76,7	100,6	115,7	105,8	1,1
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	97	101,9	116,2	97,4	99	98,3	1,1
П р и м е ч а н и я							
1 2014 г. взят автором за 100%.							
2 Мясо крупного рогатого скота и свинины указано с учетом парного, остывшего, охлажденного, замороженного.							
3 Рыбная продукция включает рыбу морскую живую, свежую или охлажденную; рыбу мороженую; ракообразных мороженых и немороженых; филе рыбное, мясо рыбы (включая фарш) свежее или охлажденное; рыбу вяленую, соленую и несоленую или в рассоле, копченую.							
4 Плодоовощная продукция замороженная указана без учета консервов в банках с 2014-2016 гг.; без учета картофеля, но с учетом грибов с 2017-2020 гг.							

Источник: составлено автором по материалам [225].

Приложение И
(информационное)

SWOT-анализ импортозамещения в АПК России

Таблица И.1 – SWOT-анализ импортозамещения в АПК России

Сильные стороны	Слабые стороны
- Производственный потенциал для развития сельского хозяйства (природные ресурсы, запасы пресной воды, плодородная почва, пашня, пригодная для ведения органического сельского хозяйства); - параллельно протекающее продовольственное эмбарго, в ходе которого АПК России функционирует в относительно благоприятных конъюнктурных условиях (сокращение импорта, освобождение от иностранных конкурентов); - высокая доля продовольствия в расходах домохозяйств, большой внутренний рынок.	- Использование иностранных ресурсов (селекции в растениеводстве и животноводстве, комбикормов, витаминных добавок, премиксов, ветеринарных препаратов); - технологическая отсталость АПК; - природно-климатические особенности, не позволяющие заместить поставки фруктов и овощей собственным производством; - снижение инвестиционной привлекательности российской экономики, сдерживающее инновационное развитие АПК, при недостаточной государственной поддержке отрасли; - периодически девальвирующийся рубль; - импортные поставки продовольствия (географическая замена импортеров в результате эмбарго); - перенос ответственности и стоимости импорта на потребителя и налогоплательщиков через высокие розничные цены на продовольствие, как следствие – ухудшение продовольственной безопасности; - высокие кредитные ставки для агробизнеса, сдерживающие развитие отрасли; - приоритет и поддержка крупных игроков, таких как агрохолдинги и МНК; - низкая конкурентоспособность российской продукции по сравнению с иностранной.
Возможности	Угрозы
- Продовольственная независимость от внешнего мира по критически важным группам товаров, в том числе в случае форс-мажорных обстоятельств (например, ограничения торговли, вызванного пандемией COVID-19); - создание рабочих мест; - наращивание экспорта; - комплексная модернизация АПК, в том числе благодаря государственной поддержке (кредитование, интервенции, таможенно-тарифное, ценовое и налоговое регулирование, прямая бюджетная поддержка и др.).	- Рост цен на продовольствие при низких доходах населения, как следствие – снижение покупательной способности; - обеднение странового продовольственного ассортимента и разнообразия; - фальсификация продукции (например, замена животных жиров в молочной продукции на дешевые растительные), проблема ухудшения качества питания; - сохранение геополитической напряженности, давления на страну, пролонгация экономических санкций.

Источник: составлено автором.

Приложение К
(информационное)

Некоторые агропроекты с участием зарубежных инвесторов на территории России

Таблица К.1 – Некоторые агропроекты с участием зарубежных инвесторов на территории России

Партнер	Страна происхождения	Проект	Стоимость	Состояние
1	2	3	4	5
Petek Un	Турция	Строительство мукомольных заводов на Кубани (Краснодарский край)	-	планируется
TH Group	Вьетнам	Интегрированный комплекс по производству молочной продукции в Московской и Калужской обл.	2,7 млрд долл.	реализуется
Inalca	Италия	Первичное производство говядины в интегрированном заводе Orenbeef (Оренбургская обл.). Дальнейшее развитие и вертикальная интеграция бизнеса, создание откормочных площадок	более 1 млрд руб.	планируется
Корпорация «МагярАгро»	Россия, Венгрия	Строительство двух животноводческих ферм в Башкирии (Благовещенский и Архангельский районы)	6,2 млрд руб.	планируется
ООО «Джермэн сид альянс Русс»	Германия	Производство семян в Липецкой обл., с. Отскочное	700 млн руб.	реализуется
ООО «Семенные глобальные технологии»	Россия, Сербия	Производство семян (сои, гороха, подсолнечника, рапса, кукурузы и люпина) в Липецкой обл., с. Введенка	300 млн руб.	реализуется
ООО «Семенной завод КВС»	Германия	Производство гибридных семян сахарной свеклы в Липецкой обл.	18 млн евро (свыше 1,4 млрд руб.)	реализуется
Indian Potash Ltd (IPL)	Индия	Производство и поставка российских минеральных удобрений, производимых «ФосАгро» на индийский рынок	1 млрд долл.	реализуется
Syngenta	Швейцария	Производство гербицидов в ОЭЗ «Липецк»	1,6 млрд руб.	реализуется
СП Корпорации развития Орловской обл., АО «Агрофирмы Мценская» и агрохолдинга Al Dahra	Россия, ОАЭ	Создание зернового кластера в Орловской обл.: глубокая переработка зерна и реэкспорт российского зерна через логистический хаб Al Dahra в страны Персидского залива и Африку	более 13 млрд руб.	планируется
KUHN Group	Франция	Производство немоторизированной сельхозтехники в Воронежской области	3 млрд руб.	реализуется

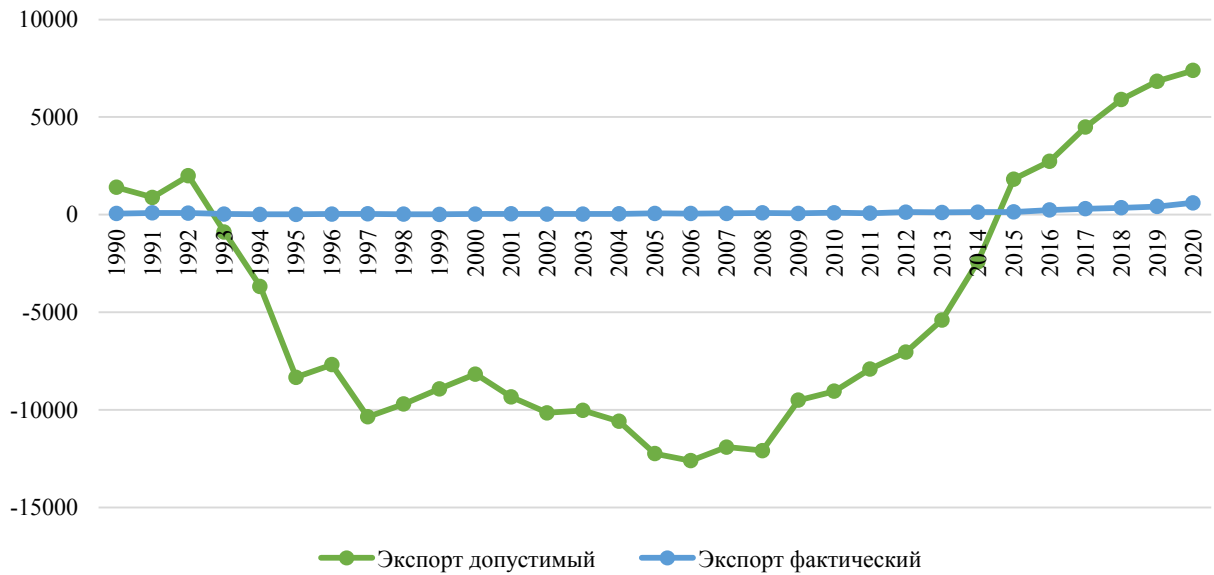
Продолжение таблицы К.1

1	2	3	4	5
United Green Group (UGG)	Великобритания	Строительство молочной фермы на 5 тыс. голов КРС	5 млрд руб.	планируется
Совместно с РФПИ и ВЭБ.РФ		Строительство комплекса по производству сухих молочных смесей для детского питания - заменителей грудного молока в Московской обл. в 2020 г.	8,7 млрд руб.	планируется
«Хоккайдо Корпорейшн»	Япония	Создание круглогодичных теплиц в Якутии	1,5 млрд руб.	реализуется
СП «Степь х молоко», Mengniu Dairy и Zhongding Dairy Farming	Китай, Россия	Строительство молочно-товарных ферм на территории Приморского края для реализации на Дальнем Востоке и экспорта в Китай	45 млрд руб.	планируется
PepsiCo	США	Строительство завода соленых снеков в Новосибирске	12 млрд руб.	реализуется

Источник: составлено автором.

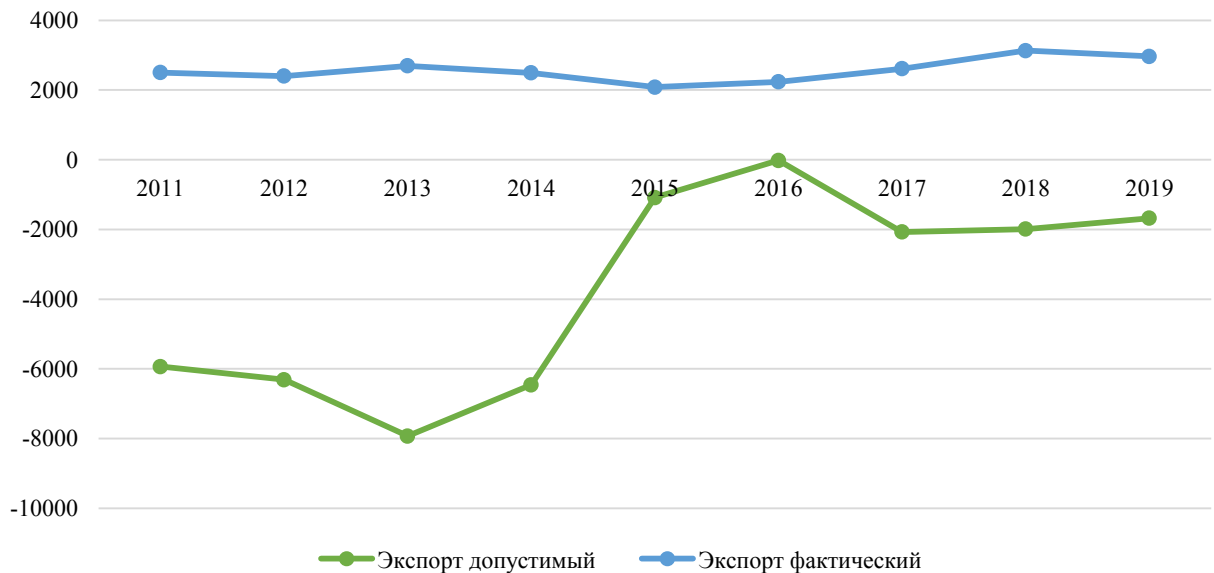
Приложение Л
(информационное)

Предельно допустимый и фактический объем российского экспорта по товарным группам при текущем потреблении

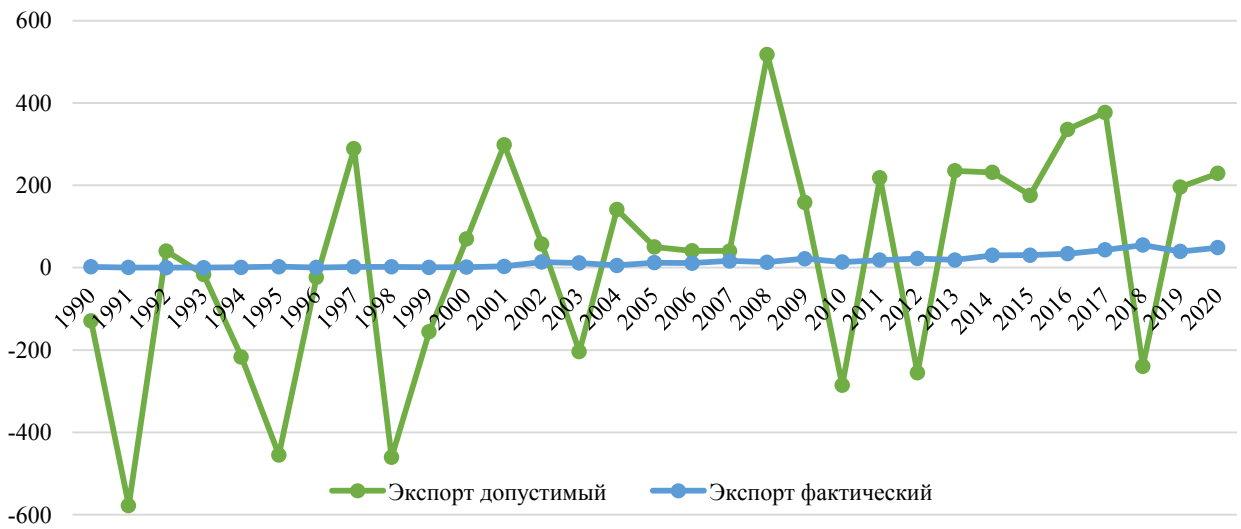
Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.1 – Допустимый и фактический объем экспорта мясной продукции, в тысячах тонн

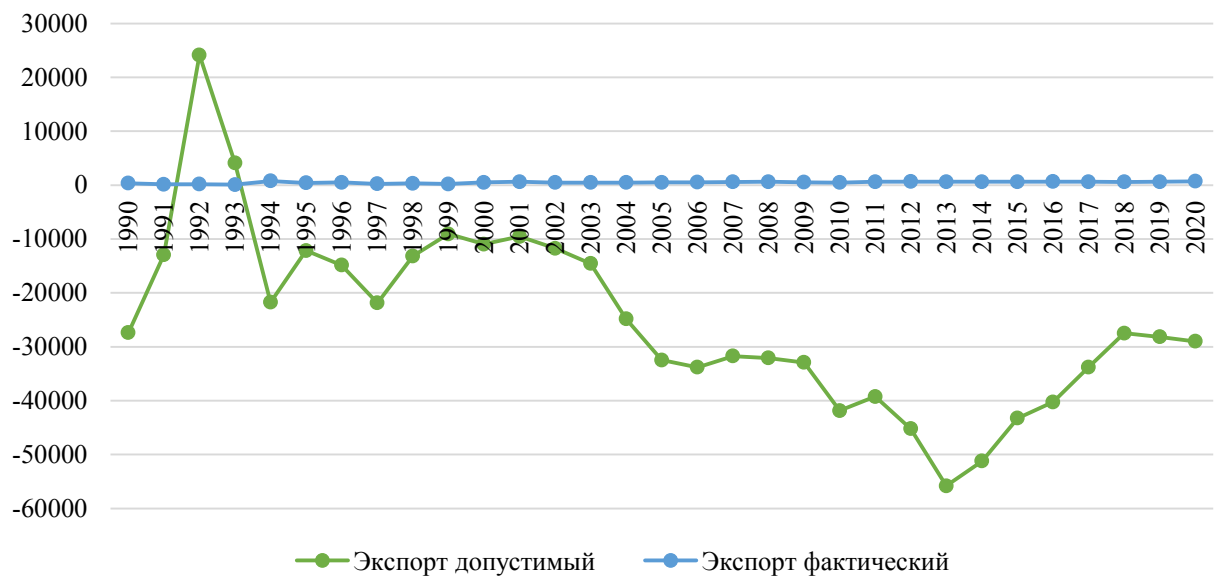
Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.2 – Допустимый и фактический объем экспорта рыбной продукции, в тысячах тонн

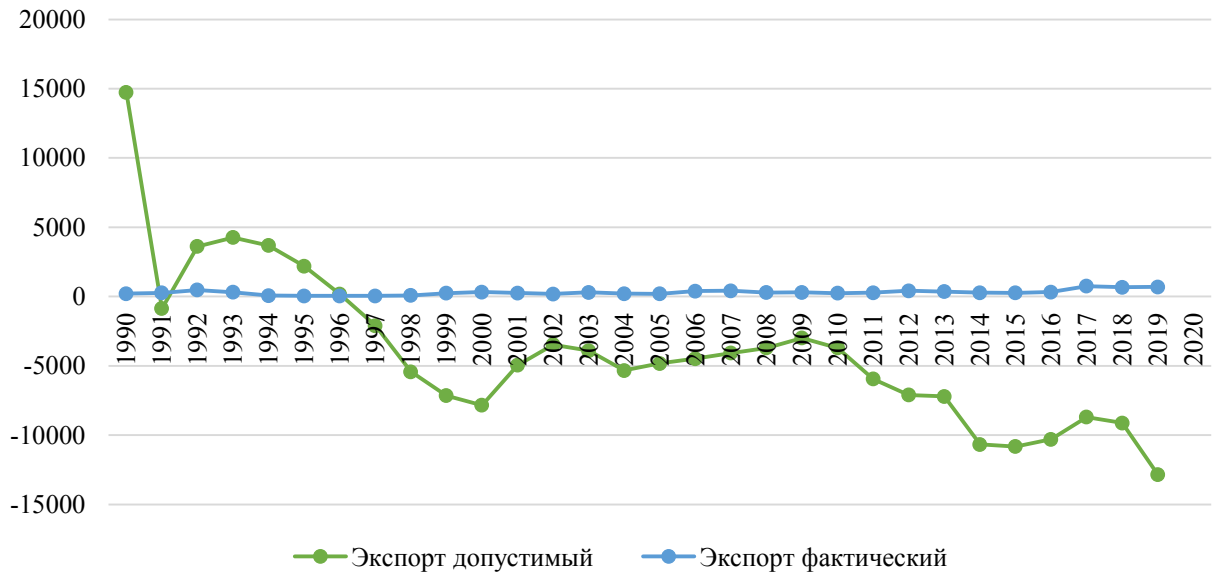
Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.3 – Допустимый и фактический объем экспорта зерновых, в миллионах тонн

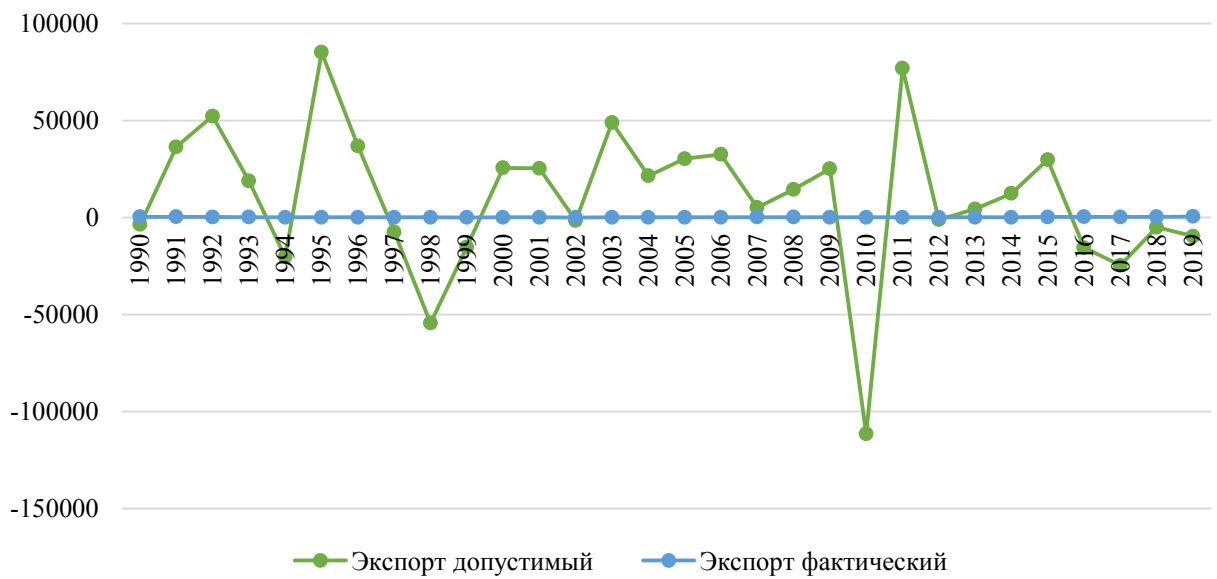
Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.3 – Допустимый и фактический объем экспорта молочной продукции, в тысячах тонн

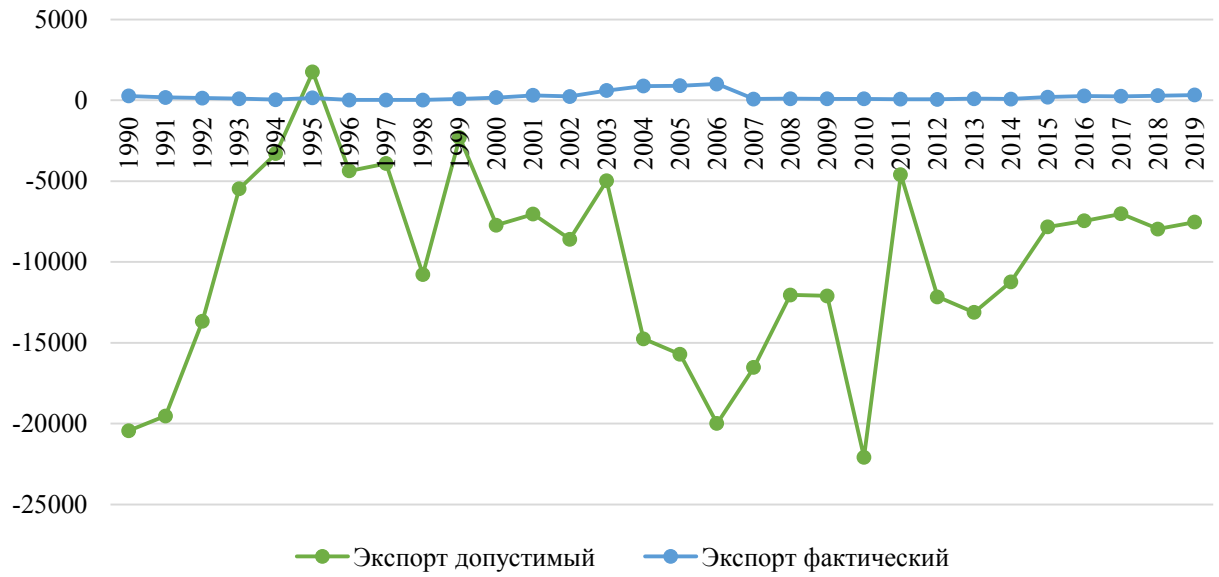
Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.4 – Допустимый и фактический объем экспорта яиц, в миллионах штук

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.5 – Допустимый и фактический объем экспорта картофеля, в тысячах тонн

Источник: рассчитано и составлено автором по материалам [225].

Рисунок Л.6 – Допустимый и фактический объем экспорта овощей, в тысячах тонн

Приложение М
(информационное)

Понятийный аппарат, используемый при указании на экологически чистый продукт

Таблица М.1 – Понятийный аппарат, используемый при указании на экологически чистый продукт

Термин	Значение	Регламентация в России
Эко-продукт	На протяжении своего жизненного цикла (производство, транспортировка, хранение, утилизация) продукт не наносит вреда окружающей среде	ГОСТ Р ИСО 14020-2011, ГОСТ Р ИСО 14021-2000, ГОСТ Р ИСО 14024-2000, ГОСТ Р ИСО 14025-2012. Проект Федерального Закона (далее – ФЗ) «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными экологическими характеристиками»
Органический продукт	Продукт изготовлен методами, не снижающими его питательные свойства, без использования синтетических удобрений, пестицидов, гербицидов, регуляторов роста, искусственных пищевых добавок, ГМО. Вред для потребителя минимальный	ФЗ «Об органической продукции», ГОСТ Р 56104-2014, ГОСТ 33980-2016, ГОСТ Р 57022-2016, ГОСТ Р 56508-2015
Био	Относится к молочной продукции: продукт переработки молока, произведенный с использованием заквасочных микроорганизмов, обогащенный живыми пробиотиками и/или пребиотиками	ГОСТ Р 52738-2007
Натур	Продукт, произведенный из сырья природного происхождения без пищевых примесей, максимально сохранивший пищевую ценность и/или природные свойства	Отсутствует, ответственность возлагается на производителя
Пищевой функциональный продукт	Специальный пищевой продукт, используемый при проблемах со здоровьем, снижающий риск развития заболеваний, предотвращает/ восполняет дефицит питательных веществ	ГОСТ Р 52349-2005
Здоровое питание	Продукты полезные для всех, благодаря обогащению микронутриентами (витаминами, минеральными веществами), снижению содержания жира	Отсутствует, однако смысл передает распоряжение Правительства РФ от 25.10.2010 №1873-р
Фермерский продукт	Продукт, произведенный частным крестьянским фермерским хозяйством небольшой партией с элементами органического производства	Законодательно стандарты качества фермерских продуктов не определяются

Источник: составлено автором.